
ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

1 • 2003

ψλ

УЧРЕДИТЕЛЬ — Институт языкознания Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор —

А.А. Леонтьев, доктор филологических и психологических наук, профессор,
академик Российской академии образования

Заместитель главного редактора —

В.А. Пищальникова, доктор филологических и юридических наук, профессор,
член-корреспондент СО Академии наук высшей школы

Члены редколлегии:

А.А. Залевская, доктор филологических наук, профессор

Е.Ф. Тарасов, доктор филологических наук, профессор

Ю.А. Сорокин, доктор филологических наук, профессор

И.А. Стернин, доктор филологических наук, профессор

Н.В. Уфимцева, доктор филологических наук, профессор

Л.А. Шкатова, доктор филологических наук, профессор

Научный журнал теоретических и
прикладных исследований.

Выходит 1 раз в полугодие.

Перепечатка материалов
из журнала допускается только
по согласованию с редакцией.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ЗОЛОТОГО ФОНДА ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

<i>Vogolin S. V.</i> The iconic theory of language origin.....	5
<i>Горелов И.Н.</i> О вербальных и невербальных составляющих речевого поведения	13

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

<i>Пищальникова В.А.</i> Языковое сознание: устоявшееся и спорное. По материалам XIY Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации	19
<i>Залевская А.А.</i> Языковое сознание: вопросы теории.....	30
<i>Золотова Н.О.</i> Ядро ментального лексикона: функциональная роль в познании и общении.....	35
<i>Сонин А.Г.</i> Общепсихологические и когнитивные механизмы понимания мультимедийных текстов	43

ТЕКСТ: ВОСПРИЯТИЕ, ПОНИМАНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

<i>Бутакова Л.О.</i> Интерпретация художественного текста: поэтика «с человеческим лицом», «усредненным» сознанием или поэтика без «лица» и «сознания»?	57
Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания	64
<i>Пищальникова В.А., Нестеренко С.П.</i> Экспериментальное исследование гарнитуры шрифта как регулятора восприятия и понимания печатного текста	77

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

<i>Привалова И.В.</i> Построение типологии национально-маркированных языковых единиц	95
<i>Уфимцева Н.В.</i> Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности.....	102
<i>Сорокин Ю.А.</i> Евразийство и его постулаты: возможные коррективы.....	111

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Cédric Belissens & Guy Denhière</i> Retrieval from long-term working memory: a skilled use of semantic memory	118
<i>Василевич А.П.</i> «Каким мне словом описать твою пленительную статью?»	130

КОНФЕРЕНЦИИ

Языковое сознание и текст: теоретические и прикладные аспекты.....	136
Первые чтения, посвященные памяти О.Н. Селиверстовой	137

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 2000. – 134 с. – Библиогр.: с. 97–113.....	138
--	-----

ABSTRACTS OF ARTICLES	141
------------------------------------	-----

S.V. Voronin

THE ICONIC THEORY OF LANGUAGE ORIGIN

This paper was read in the Round Table Language Origins Research: State of the Art as of 1997, held within the framework of the XVI-eme Congres International des Linguistes, Paris, France, July 22, 1997.

1. Introductory remarks

Станислав
Васильевич Воронин

Homo sapiens knows at least three great Prohibitions in his sane and sober history. One: the great American Prohibition, when the sale of alcoholic beverages was forbidden by an amendment to the constitution; this survived for thirteen years (1920–1933). Two: the great Soviet Prohibition, when the trafficking of free ideas was

forbidden – by no amendment to the constitution; this survived for some seventy years (1917 – to perestroika). Three: the great Paris Prohibition, when the trafficking of glossogonic beverages was forbidden by an article in the constitution.

Officially the Paris Prohibition lasted for twelve years (1866–1878); unofficially, it is still alive and kicking – kicking hard. Though here, too, there is an inkling of perestroika. This inkling is the Language Origins Research Workshop at the XVIth International Congress of Linguists in Paris (July 1997).

The Paris Prohibition was understandable – in that it discouraged simplistic dilettantish speculation about Language Origins; it was, however, starkly unjustifiable – in that it encouraged offhand rejection even of serious in-depth research in the entire field...

* * *

What? Yet another treatise on the Origin of Language? *Quosque tandem abutere, Catilina, patientia nostra!* Well, yes: I durst embark on this subject, my plea being the new Iconic Theory of Language Origin advanced in the early eighties (Voronin, 1980; 1982), an integral part of that new linguistic science, Phonosemantics, with a comprehensive system of arguments (and evidence) from divers (and diverse) quarters.

Bearing in mind the complexities, for the Western reader, of dealing with works published in Russian, and also due to limitations of space, I have cut my Russian-language references here to a dire minimum. The interested reader, on contacting me, would of course get further references (their number is prodigious).

2. On phonosemantics

2.1. Some Starting Points

In 1982 the book *Qsnovy Fonosemantiki (Fundamentals of Phonosemantics)* was published, in Russian, by Leningrad University Press (Voronin, 1982): an abridged version of the author's doctoral dissertation of the same title (see: Voronin, 1980). The material researched covered over 10500 onomatopoeic and sound-symbolic words from more than a hundred languages – chiefly those commonly viewed as unrelated (cited most consistently were English, Bashkir and Indonesian). Systems theory, systemology was a prerequisite of paramount importance for the emergence of Phonosemantics. See a recent pioneering work on systems theory that bears, *inter alia*, on

iconism (Koch, 1997). For numerous works by eminent precursors of Phonosemantics, see references in (Voronin, 1982; 1990).

The aim of Phonosemantics as a linguistic science *sui generis* is the study of the phonoiconic (i.e. onomatopoeic and sound-symbolic) system of language in pantopochrony. By the latter term I mean a unified approach incorporating the study of (a) topologically (geographically) diverse systems and (b) systems differing chronologically (in origin, in evolution, in modern synchrony). [For the phonoiconic systems chief property, see Voronin 1980: 8f.]

Discussing his fundamental semiotic trichotomy (icon – index – symbol), Ch. S. Peirce suggests that there are two kinds of iconic sign: the image and the diagram (Peirce, 1932); this also pertains to the linguistic sign. The relatively simple image in itself resembles (to some extent) the corresponding referent, whereas in the more complex diagram the relationship among its parts resembles the relationship among the parts of the corresponding referent. In their form, images and diagrams may be kinesic (gestural, non-verbal: gestures) or phonic (vocal, verbal: onomatopoeic and sound-symbolic words). Phonosemantics deals with phonic (not kinesic) iconic images (not diagrams).

2.2. Iconic Word: The Broad Concept

It should be emphasized that iconic words are not only words that are felt to possess a phonetically motivated link between sound and sense – iconic, too, are all those countless words where, in the course of historical development, this link has become obscured but where it can be uncovered with the aid of «deep down» etymological analysis buttressed by external typological data (i.e. data from languages commonly viewed as unrelated). This broad synchrogenetic concept leads us to realize the true scope of onomatopoeia, and especially sound symbolism, and the actual balance of iconic and non-iconic elements in language (Voronin, 1980; 1989). The scope of the iconic system is, contrary to popular scientific lore, extremely great (see e.g. Voronin, 1982; Kazakevich, 1975; 1989; Bratoes, 1976; Lapkina, 1979; Klimova, 1986; Sabanadze, 1987; Slonitskaya, 1987; Khusainov, 1988; Veldi, 1988; Ivanova, 1990), and phonic iconism is no insignificant side-issue – it is a problem of major importance, intertwined with

fundamental problems like language typology, the nature of the linguistic sign, the origin of language (to name but a few). A breakthrough here is possible if we discard the old narrow concept of the iconic word (synchronistic, subjectively Gefühl-oriented), accepting the new objective broad concept.

3. Towards the iconic theory of language origin

3.1. General Considerations

To obtain a clearer vision of our subject, I propose to begin with a delineation of the chief aspects of this formidable megaproblem, Origin of Language (cf. Voronin, 1980).

Origin of Language: Aspects of the Problem

A. Conditions

I. Biological

II. Social

B. Origin Proper

I. Sign Form

1. Kinesic (Gestural, Non-Verbal)

2. Phonic (Vocal, Verbal)

II. Sign Meaning

III. Form-Meaning Link in Sign

One of the first to point out the need for distinguishing between different aspects of the problem of language origin was A.G. Spirkin, who proposed to speak of (1) the biological prerequisites, (2) objective conditions, (3) initial language material, (4) means of forming the link (tie) between sounds and images; he also noted that what the onomatopoeic and interjectional theories of the past had to do with was ascertaining the mechanism of speech formation, not the conditions for its emergence (Spirkin, 1957).

For too long a time almost any discussion of the origin of language has been (chiefly in East European linguistics) narrowed down to debating the conditions (prerequisites) for the emergence of language (see my «A.»). The outcome: virtually ousting the pivotal aspect of origin proper (see my «B.»), this line of enquiry failed to reach out to language *per se*, only getting through to the conditions that helped shape emergent language (doubtlessly an extremely important issue, but definitely not the crux of the matter).

For too long a time «social» – or, grudgingly, «sociobiological» – has been the password for

language origin conditions. The outcome: the «bio» element was unjustly downgraded and harshly toned down (almost to the point of disappearance); and Man (capitalized!), towering above that lowly animal world, stood out proudly if somewhat uneasily, fingering a fig leaf to cover the primitive (though nonetheless real) «animal» roots of language.

Without denigrating it, the «social» element has to be placed into perspective. As I attempted to outline earlier, it is in modern (contemporary) synchrony that language is a sociobiological phenomenon (see «A.II+I», in my scheme above) – in its genesis it is biosocial (see «A.I + II»); the shift in emphasis here is fundamental (Voronin, 1982). I shall perforce only refer here to supportive evidence e. g. in (Allott, 1973; 1989; Fromkin, 1988); on biological foundations of language see (Lenneberg, 1967). Cf. also the conclusion from a classic: «The growth of the sign's usage ... is a highly complex genetic process, with its own «natural history of signs», i. e. natural roots and transition forms in more primitive spheres of behavior...» (Vygotsky, 1956: 112). Conversely, incessant harping (from a varied assortment of sources) on the tune of «The Uniqueness of Language to Humans» led to hypering this basically sound idea out of all proportion – to the extent that Origins slid out of sight, to become hardly relevant.

Man owes his origins to the animal kingdom, and human thought has its phylogenetic roots in the mental activity of the higher animals – these facts are now universally acknowledged. But when it comes to acknowledging the descent of man's language from his animal ancestors, hey presto!: that unbroken and consistent evolutionary line, «animal > man», in the minds of many scholars suffers a break, and they are unable to bring themselves to acknowledge the natural biological (biosocial), «animal» character of human language origin («Animal origins? How shocking!»). Could this be an ironic leftover from the reaction of Darwin's opponents, shocked by man's descent «from those monkeys»? It has now become increasingly clear that, to quote L.N. Gumilev, «apart from other things, man is an animal – which in no way detracts from his dignity» (Gumilev, 1990: 233).

As I had occasion to point out earlier (Voronin, 1980: 26), a consistently evolutionistic approach to the origin of language by no means

denies that great qualitative divide, «prehuman/human» – it «only» bridges the gap between the two (cf. Allott, 1989: 2). One vivid illustration of this is I. N. Gorelov's Theory of the Functional Basis of Speech, an information system existing in the psychic apparatus of man, ensuring the formation of «protoconcepts» – its tangible traces being the iconic, nonarbitrary mechanisms involved in interjections, onomatopoeic and sound-symbolic words, as well as in nonverbal components of speech (Gorelov, 1977).

For too long a time form and meaning in the nascent linguistic sign have been approached separately, the link between the two being virtually non-existent for the linguist. The reason: «This is how “arbitrary sign” postulate has it». What of the outcome?

A graphic illustration is the stance taken by F. de Saussure's arbitrariness precursor, William Dwight Whitney: «Every existing form of human speech is a body of arbitrary and conventional signs for thought, handed down by tradition from one generation to another...» (Whitney, 1867: 32). «Tradition»... but this pertains to evolution, not origin. And what of origin – surely there was no tradition (yet) there? Arbitrariness theory, even on a contemporary level, does not (and what is more, cannot) provide an answer to the central issue of language origin; in this, the theory is a dead end – and a false start. In the deliberations of the arbitrariness there is always a tangible element of *Deus ex machina*, and their theory of language origin is willy-nilly very much like the birth of Athena: springing forth from the head of Zeus full-blown, and in complete armor.

Postulation of initial arbitrariness for the linguistic sign presupposes the capacity in primitive man for fairly developed abstract thinking; this presupposition, however, is at variance with the findings of modern science. The superior level of abstract thought could bring forth the conventional sign (reflecting no features of the object designated), whereas the metaphoric intellect «could engender and perceive only the motivated sign calling forth very concrete notions and imitating some feature of the object» (Gorelov, 1974: 34).

As A.A. Leontiev shrewdly remarked, glottogenesis is «a typical example of a composite problem», one of those problems whose solution «is essentially impossible within

the limits of any single science ... Its solution requires the cooperative effort of a number of sciences – not just working on parallel courses but moving to meet one another half way» (Leontiev, 1972: 137, 156).

There being naturally no question of direct evidence for the (iconic) origin of language, circumstantial evidence is not to be discarded. This latter generally tends to prove a fact in issue by proving other facts or circumstances which, according to the common experience of (in our case) various sciences (branches of science), are usually or always attended by the fact in issue, and therefore affords a basis for a reasonable inference of the occurrence of the fact in issue.

The diversified and manifold nature of circumstantial evidence in favor of the iconic origin of language (qualitative factor), together with the sheer mass of this evidence (quantitative factor) accumulated to date, immensely enhance the reasonable inference of glottogenetic iconicity. The evidence amassed achieves a «critical mass» that brings forth a persuasive cumulative argument for iconicity. A detailed systemic discussion of what I call *The Circumstantial Evidence Chain* will be given in further publications; in the present paper I only supply a list of the chief elements in this chain, adducing one example.

Evidence comes from the following quarters; and so do the arguments:

- Biology (including Ethology), Neuropsychology (cerebral asymmetry), Primatology, Speech Ontogeny, Psycholinguistics and Cognitive Science, Synkinaesthesia (including Synaesthesia);

- Philosophy (principle of determinism; principle of representation; tendency for form-content conformity);

- Systems theory, systemology;

- Logic (cumulative conclusive force of manifold circumstantial evidence);

- Linguistics (language in archaic societies; glottochronology, or lexicostatistics; protolinguistics; etymology; typology; method of phonosemantic analysis; iconic sign potentialities: its numerical strength, limitless productivity, limitless semantic development, limitless functional capacity; phonosemantic laws: the conformity law, the homeomorphism law, the multiple-choice nomination laws, the iconic sign law). Apart from phonosemantic

studies, an especially large portion of evidence for the iconic origin of language is, objectively, to be found in works on protolinguistics (e.g. Shevoroshkin, 1987; 1990; 1995; Koch, 1990; 1991; 1997; Wescott, 1980; 1988; Figge, 1990; Decsy, 1990; cf. Wind, 1989; Gamkrelidze and Ivanov, 1990), in etymological-cum-typological studies (e.g. Malkiel, 1962; Gazov-Ginzberg, 1965; Abayev, 1979; Kornilov, 1984), in works on language evolution (notably Bichakjian, 1988; 1995), in linguotheoretical papers (Nyikos, 1996), in studies on sound symbolism (e.g. Sapir, 1929; Levitsky, 1973; 1994; Jakobson and Waugh, 1979; Zhuravlev, 1974; 1987).

I conclude this section with an illustration – a striking piece of evidence from the Circumstantial Evidence Chain. Numerous neuropsychological studies point to two crucial facts. One: the right hemisphere is a primary formation, considerably older than the left hemisphere (Balonov and Deglin 1976: 194). Two: the right hemisphere is responsible for the production of signs characterized by the following features: concrete, metaphoric, prelogical, emotional, expressive; now these are precisely the features typical of the (nascent) iconic sign. In a paper presented in 1990 at W. Koch's Bochum colloquy, Tatiana Chernigovskaya concludes: «the thinking provided by the right hemisphere is metaphoric, gestalt-like, a kind of mosaic (...) it seems that man's evolution is the evolution of signs from iconic resemblances – gestalt type of processing – characteristic of semiotic abilities in primates and in early hominids as well as in young children and archaic societies, towards complicated arbitrary signs...» (Chernigovskaya, 1995: 64–65). Ergo: neuropsychological evidence (specifically, cerebral asymmetry) brings us to the conclusion that semiogenesis was iconic, natural, non-arbitrary – and so was glottogenesis (cf. Voronin, 1980: 31).

3.2. A Rejoinder to Theseism

I address here some of the basic views supporting theseism, as presented in the succinct Convolute of Abstracts for the Language Origins Research Workshop at the XVIth International Congress of Linguists: «Precondition of physei-type word production is that the people have more than one unit in

signs. To put it in another way: signs taken to be arbitrary (unmotivated) are in reality non-arbitrary demotivated signs, i.e. those whose motivation has become obscured (cf. dictionary labels like 'etymology obscure'). Thus the semiotic category of arbitrariness (demotivation) would not belong to formation (coinage), to origin – it would be a category of evolution and modern synchrony. From the point of view of the sign's evolution, non-arbitrariness in general and iconism in particular are its inherent features, whereas arbitrariness is an acquired feature.

Form. Any discussion of language origin rightfully focuses on the origin of the linguistic sign as the central element in language. Surprisingly, however, only one form of sign is usually taken into consideration: the word – to be more precise, the spoken word. Overlooked is the essential fact that the sign has two basic forms: gesture (the kinesic, gestural, non-verbal form) and word (the phonic, vocal, verbal form). Frequently overlooked is also the fact that it would be a fallacy to equate the origin of speech to the origin of language or to reduce the problem of the latter to that of the former. I resort here to Prof. G. Décsy's own words: «Basic observation formulated as early as 1922 by Wilhelm Wundt in his *Völkerpsychologie*: The sound is gesture (Der Laut ist ein Gebärde) (...). In this sense, the language – and even the sound production – is certainly of gestural origin. Gestures as result of motion are very old, centered in the archaic parts of the brain (cerebellum). However, in the brain the speech centers are located in the neopallium (Broca/Wernicke areas).

Speech production is, according to this, a *relatively late* «fine-modulative non-motoric motion topologically quite far from the mostly motoric-reflexive steering center in the archaic parts of the human brain» (Décsy, 1997a: 10). Cf. the following from M. Donald's fundamental treatise: «The primacy of motor evolution is central to any credible phylogenetic account of language. Before they would invent a lexicon, hominids first had to acquire a capacity for the voluntary retrieval of stored motor

memories, and this retrieval had to become independent of environmental cueing. Second, they had to acquire a capacity for actively modeling and modifying *their own movement*» (Donald, 1993: 740). «This leads to the first proposal of my theory: the first major cognitive transition broke the hold of the environment on hominid motor behavior and provided hominids with a new means of representing reality. The form of the adaptation was a revolutionary, supramodal improvement in motor control called «mimetic skill». (...) Mimetic action is basically a talent for using the whole body as a communicative device, for translating event perceptions into action. Its underlying modeling principle is perceptual metaphor...» (Ibid.). Thus gesture (in the broad sense: ranging from body movement through gesticulation to facial expression to would-be articulation) precedes word, and this gesture is iconic (primary, natural, mimetic).

4. Concluding remarks

Long overdue now, a «Paris Reassertion» (vs. the Paris Prohibition) is possible – on a new state-of-the-art systemic interdisciplinary foundation.

Cf. Bernard Bichakjian's remarks: «Today, a new dawn has broken. The availability of reliable data from primatology, biology, archeology, and linguistic genealogy and language evolution has reopened the debate on language origins and endowed it with an empirical basis» (Bichakjian, 1995: 50).

A most significant part of this empirical basis goes to substantiate the Iconic Theory of Language Origin.

Acknowledgements:

In working on this paper, I gratefully acknowledge my indebtedness to colleagues far-flung and in proximity – notably to B. Bichakjian, R. Wescott, G. Decsy, T. Chernigovskaya, W. Koch, V. Shevoroshkin, R. Allott, J. Ohala, J. Perrot, B. Caron, and O. Brodovich.

REFERENCES

1. Abayev V.I. Istoriko-etymologičeskij slovar osetinskogo jazyka. Vol. III. (Ossetian Dictionary, Historical and Etymological. – in Russian.) Leningrad, 1979.
2. Allott R. The Physical Foundation of Language. Seaford, 1973.

3. Allott R. The Motor Theory of Language Origin. Book Guild, Lewes, Sussex, 1989.
4. Balonov L.J., Deglin V. L. Slux i reč dominantnogo i nedominantnogo polušarij. (Hearing and Speech of the Dominant and Non-Dominant Hemispheres. – in Russian.) Leningrad, 1976.
5. Bichakjian B. Evolution in Language. Karoma, Ann Arbor, 1988.
6. Bichakjian B. The Evolution of Speech and Language in the Paleolithic and Today // Language in the Würm Glaciation / Ed. U.L.Fige. Acta Colloquii, BPX. Vol. 27. Brockmeyer, Bochum, 1995.
7. Bratoes I.B. Akustičeskije onomatopy v indonezijskom jazyke. (Acoustic Onomatopes in Indonesian. – in Russian.) Avtoref. kand. diss. Leningrad.
8. Chernigovskaya T.V. Cerebral Asymmetry: A Neuropsychological Parallel to Semiogenesis // Language in the Würm Glaciation / Ed. U.L. Figge. Acta Colloquii, BPX. Vol. 27. Brockmeyer, Bochum, 1995.
9. Décsy G. The Uralic Protolanguage: A Comprehensive Reconstruction. Eurolingua, Bloomington, Indiana, 1990.
10. Décsy The Wundt-Principle: A Basic Observation // Language Origins Research: State of the Art as of 1997. Convolute of Abstracts (XVIème Congrès International des Linguistes. Paris.) / Ed. G. Décsy. P. 10. International Paleolinguistics Society, Bloomington, Indiana, 1997a.
11. Décsy G. Basic Views Supporting Theseism // Language Origins Research: State of the Art as of 1997. Convolute of Abstracts (XVIème Congrès International des Linguistes. Paris.) / Ed. G. Décsy. P. 12. International Paleolinguistic Society, Bloomington, Indiana, 1977b.
12. Donald M. Précis of «Origins of the Modern Mind: Three Stages in the Evolution of Culture and Cognition». Behavioral and Brain Sciences, 16. P. 737–748. 1993.
13. Figge U.L. On Language Origin: Consonants and Coginition // Genesis of Language / Ed. W. A Koch. P. 200–227. Acta Colloquii. Brockmeyer, Bochum. 1990.
14. Fromkin V.A. The State of Brain/Language Research // Language Communication, and the Brain. / Ed. F. Plum. P. 1–18. New York, 1988.
15. Gamkrelidze Th. V., Ivanov V. The Early History of Indo-European Languages// Scientific American. March. P. 81–89. 1990.
16. Gazov-Ginzberg A.M. Byl li jazyk izobrazitelen v svoix istokax? (Was Language Iconic in Its Origins? – in Russian.) Moscow, 1965.
17. Gorelov I.N. Problema funkcionalnogo bazisa reči v ontogeneze. (Functional Basis of Speech in Ontogeny: The Problem. – in Russian.) Chelyabinsk. ped. inst. Chelyabinsk, 1974.
18. Gorelov I.N. Problema funkcionalnogo bazisa reči (Functional Basis of Speech: The Problem. – in Russian.) Avtoref. dokt. diss. Moscow, 1977.
19. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli. (Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth. – in Russian) Leningrad, 1990.
20. Ivanova M.V. Zvukoizobrazitel'naja leksika v anglojazyčnoj detskoj skazke. (The Pnonoiconic Vocabulary of English-Language Fairy Tales. – in Russian.) Avtoref. kand. diss. Leningrad, 1990.
21. Jakobson R., Waugh L. The Sound Shape of Language. Bloomington, 1979.
22. Kazakevich O.A. Monosyllabic Onomatopoeic Ideophones in Zulu (in Russian) // Issledovanija po strukturn. lingvistike. P. 39–53. Moscow, 1975.
23. Kazakevich O.A. Masinnyj fond selkupskogo jazyka. (Selkup Language Data Base. – in Russian.) Avtoref. kand. diss. Moscow, 1989.
24. Khusainov K. Sh. Zvukoizobrazitelnost v kazaxskom jazyke. (Phonic Iconism in Kazakh. – in Russian.) Alma-Ata, 1988.
25. Klimova S.V. Glagoly «nejasnogo proisxozdenija» v Sokraččennom Oksfordskom slovare: Elementy etimologičeskoj fonosemantiki. (Verbs of Obscure Origin in the Shorter Oxford English Dictionary: Elements of Etymological Phonosemantics. – in Russian.) Avtoref. kand. diss. Leningrad, 1986.
26. Koch. W.A. Ding-Dong II and Further Design Schemes for Glottogenesis // Genesis of Language / Ed. W. A. Koch. Acta Colloquii. P. 386–404. Brockmeyer, Bochum. 1990.
27. Koch W.A. Language in the Upper Pleistocene. BPX. Vol. 28. Bochum. 1991.
28. Koch W.A. Systems and the Human Sciences // Systems: New Paradigms for the Human Sciences / Eds. G. Altmann and W.A. Koch. P. 671–755. Berlin, 1997.
29. Kornilov G.J. Imitativy v čuvašskom jazyke. (Imitatives in Chuvash.) Cheboksary, 1984.
30. Lapkina L.Z. Anglijskije i baškirskije akustičeskije onomatopy. (English and Bashkir Acoustic Onomatopes. – in Russian.) Avtoref. kand. diss. Leningrad, 1979.

31. Lenneberg E.H. *Biological Foundations of Language*. New York, 1967.
32. Leontiev A.A. *The Problem of Glottogenesis in Contemporary Science*. (in Russian.) // *Engels i jazykoznanije*. 135–157. Moscow, 1972.
33. Levitsky V.V. *Semantika i Fonetika*. (Semantics and Phonetics. – in Russian.) Chernovtsy, 1973.
34. Levitsky V.V. *Sravnitelno-etimologičeskij slovar germanskix jazykov*. (A Comparative Etymological Dictionary of Germanic Languages. – in Russian.) Chernovtsy, 1994.
35. Malkiel Y. *Etymology and General Linguistics*. *Word* 18. P. 198–219. 1962.
36. Nyikos J. *Saussure's Precipitate Principle I and an Ameliorative Amendment* // Twelfth Meeting of the Language Origins Society. Abstracts. P. 18. University of Maryland Baltimore County. 1996.
37. Peirce Ch. S. *Philosophical Writings*. Vol. II. Cambridge, Mass. 1932.
38. Sabanadze M.Y. *Sinesteziya v podjazyke muzykoznanija*. (Synaesthesia in the Language of Musicology. – in Russian.) Avtoref. kand. diss. Leningrad, 1987.
39. Sapir E.A. *Study in Phonetic Symbolism* // *Journal of Experimental Psychology*. Vol. 12. P. 225–239. 1929.
40. Shevoroshkin V. *Indoeuropean Homeland and Migrations* // *Folia linguistica historica*. Vol. 7. P. 27–250. 1987.
41. Shevoroshkin V. *The Mother Tongue: How Linguists Have Reconstructed the Ancestor of all Living Languages* // *The Sciences*. May/June. P. 20–27. 1990.
42. Shevoroshkin V. *Genetic Relatedness of Languages* // *Language in the Würm Glaciation* / Ed. Udo L. Figge. *Acta Colloquii, BPX*. Vol. 27. P. 39–53. Brockmeyer, Bochum. 1995.
43. Slonitskaya E.I. *Zvukosimvolizm oboznačenij okruglogo: opyt tipologičeskogo issledovanija*. (Sound Symbolism in Names of Round Objects: A Typological Study. – in Russian.) Avtoref. kand. diss. Leningrad, 1987.
44. Spirkin A. G. *The Origin of Language and Its Role in the Formation of Thinking*. In: *Myšlenie i jazyk*. (Thinking and Language. – in Russian.) Moscow, 1957.
45. Veldi E. *Anglo-estonskije paralleli v onomatopeje*. (Anglo-Estonian Parallels in Onomatopoeia. – in Russian.) Avtoref. kand. diss. Tartu, 1988.
46. Voronin S. V. *Osnovy fonosemantiki*. (Fundamentals of Phonosemantics. – in Russian.) Avtoref. dokt. diss. Leningrad, 1980.
47. Voronin S. V. *Osnovy fonosemantiki*. (Fundamentals of Phonosemantics. – in Russian.) Leningrad, 1982.
48. Voronin S. V. *The Sound/Sense Riddle: Evidence from Germanic Languages* // *Paradigmatic and Syntagmatic Investigations in Germanic Languages*. Abstracts of Papers for the Conf. P. 109–110. Vilnius, 1989.
49. Voronin S.V. *Fonosemantičeskije idei v zarubežnom jazykoznanii*. (Phonosemantic Ideas in Western Linguistics. – in Russian.) Leningrad, 1990.
50. Voronin S.V. *The Universal Classification of Onomatopes Twenty-Five Years* // Tenth Meeting of the Language Origins Society. Abstracts. P. 35–36. Berkeley. 1994.
51. Voronin S.V. *Approaching the Iconic Theory of Language Origin: Pertinent Laws and Tendencies from Phonosemantics* // *Bochum Publications in Evolutionary Cultural Semiotics*. Bochum. 1998
52. Vygotsky L.S. *Izbrannyje psixologičeskije issledovanija*. (Selected Psychological Studies – in Russian.) Moscow, 1956.
53. Wescott R.W. *Sound and Sense (Linguistic Essays on Phonosemic Subjects)*. Lake Bluff. III. 1980.
54. Wescott R.W. *Derogatory Use of the Marginal Phoneme /b/ in Proto-Indo-European* // *J. of Indo-European Studies*. Vol. 16. P. 365–359. 1988.
55. Whitney W.D. *Language and the Study of Language*. London, 1867.
56. Wind J. *The Evolutionary History of the Human Speech Organ* // *Studies in Language Origins*. Vol. I. / Ed. J. Wind. Amsterdam, 1989.
57. Zhuravlev A.P. *Fonetičeskoje značenije*. (Phonetic Meaning. – in Russian.) Leningrad, 1974.
58. Zhuravlev A.P. *Dialog s kompjuerom*. (Dialogue with a Computer. – In Russian.) Moscow, 1987.

И.Н. Горелов

О ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Илья
Наумович Горелов

В практической работе психолога-«прикладника» различных специализаций – от психотерапевта до логопеда – все ощутимее потребность в современных эффективных методиках работы, стремление к отказу от того, что в медицине называют «фельдшеризмом», т.е. попыткам бороться с симптоматикой, а не с патологиями в их подлинной причинности. К сожалению, своеобразный фельдшеризм в прикладной психологии, связанной с речевыми нарушениями, – хорошо известный факт, который обязан побуждать к овладению современными теориями речевого поведения. Кстати, основы и самые существенные детали этих теорий связаны с научными достижениями отечественных ученых и практиков – Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.Р. Лурии, А.И. Мещерякова и ряда других.

В статье затронута лишь одна проблема, освещение которой хотелось бы начать с краткого представления схемы, определяющей основы знаний многих «речевиков» в сфере «мышление-речь». Эта схема – результат опроса профессионалов со средним и высшим медицинским и психолого-педагогическим образованием. Этот опрос мы проводили более 10 лет, причем ответы, полученные в начале 1980-х гг., практически не отличались от таковых в начале 1990-х.

Например, ни один из опрошенных не смог хотя бы примерно охарактеризовать принцип работы речевого центра мозга (хотя назывались «зона Брока» и «центр Вернике»), высказать гипотезы о локализации словаря данного национального языка в коре, об участке, ведающем (или не ведающем) грамматикой. Вся эта проблематика оказалась вне компетенции опрошенных.

Логопеды-практики и некоторые психотерапевты рассказывали о типах афазий и о методиках восстановительной работы. Но никто не смог сказать, остается ли сохранным интеллект афатика (если вторая сигнальная система повреждена или разрушена) перед лицом утверждения о «неразрывном единстве мышления и языка». Осознаваемое противоречие не приводило к готовности отказаться от усвоенных догм.

Никто из опрошенных не слышал об экспериментах, в ходе которых американские зоопсихологи обучали шимпанзе знаковой деятельности, диалогу с человеком на искусственном языке. Поэтому обсуждения проблемы не получилось, хотя часть опрошенных без аргументации предположила, что такой эксперимент может оказаться успешным, а другая часть – что он неизбежно провалится. Сторонники первой точки зрения считали, что высшие обезьяны «конечно, мыслят», но стали в тупик при вопросе, «могут ли они мыслить без языка человеческого типа?». Сторонники второй точки зрения, напротив, утверждали, что «обезьяны ведут себя инстинктивно и рефлекторно, языка освоить не могут, а поэтому им нечем мыслить».

Примерно равное количество опрошенных различно интерпретировали описание первой стадии воспитания слепоглухонемых от рождения под руководством А.И. Мещерякова: одни полагали, что «слепоглухонемые не имеют интеллекта до тех пор, пока не овладеют русским языком», а сам факт овладения языком не считали свидетельствующим о наличии интеллекта, без которого не может быть обучения языку; другие полагали, что «люди есть люди, поэтому их всегда можно обучить чему угодно, хотя и трудно». Поразительно, но никто (кроме дефектологов) вообще не знал о работах Рау, Соколянского, Мещерякова, никто не слышал имен писательницы Е. Келлер, доцента О. Скороходовой и т.п.

Достаточно толково отвечая на специальные вопросы о симптоматике и способах коррекции при брадилалиях, логоневрозах и прочем, опрошенные не обнаружили никаких знаний о языке (его структурах, напри-

мер), выходящих за рамки школьных представлений. Весьма существенны пробелы в системе знаний о психологии речи, о возможностях отдельного тестирования интеллекта и речи.

Анализ полученного в опросе материала более всего подчеркивает следующие характеристики уровня опрошенных: а) разброс мнений в самом широком диапазоне, не подкрепленный никакой убедительной аргументацией, свидетельствует об отсутствии направленной, психологически оснащенной подготовки в учебных заведениях; б) практика работы опрошенных не стимулирует обращения к теоретическим источникам (да и не дает из-за перегрузок возможности такого обращения); в) опрошенные не знают в ряде случаев о существовании самой проблематики, а поэтому решают возникающие вопросы либо с позиций донаучных представлений, либо с опорой на догматические установки, не подкрепленные фактами.

Исходя из изложенного рассмотрим означенную в заголовке тему, считая, что даже такое беглое рассмотрение может побудить читателя к углубленному изучению и сути дела, и деталей.

Речевое поведение – это сложный комплекс внешних и внутренних действий человека, пользующегося национальным языком в качестве средства обмена (с другим человеком) необходимой информацией и выражающего свое отношение к партнеру, к самой информации, к самому себе и к условиям общения. Небольшой пример из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:

– Алексей Федорович, скажите же вы! Мне мучительно надо знать, что вы мне скажете! – воскликнула Катерина Ивановна и вдруг залилась слезами. Алеша встал с дивана.

– Это ничего, ничего! – с плачем продолжала она, – это от расстройства, от сегодняшней ночи, но подле таких двух друзей, как вы и брат ваш, я еще чувствую себя крепко... потому что знаю... вы оба меня никогда не оставите...

– К несчастью, я завтра же, может быть, должен уехать в Москву и надолго оставить вас... И это, к несчастью, неизменно... – проговорил вдруг Иван Федорович.

– Завтра, в Москву, – *перекосилось вдруг все лицо* Катерины Ивановны, – но... боже

мой, как это счастливо! – вскричала она в один миг совсем *изменившимся голосом* и в один миг *прогнав свои слезы*, так что и следа не осталось. Именно в один миг произошла с ней *удивительная перемена*, чрезвычайно удивившая Алешу...

В приведенном отрывке диалога выделены невербальные составляющие, которые показаны Достоевским с разной степенью подробности. Полное описание такого рода, даже если бы оно было возможно, заняло бы так много места, что читатель едва бы смог пробиться к репликам персонажей сквозь слова автора о том, как именно «перекосилось вдруг лицо» Катерины Ивановны, как изменилось лицо вставшего с дивана Алеши, каковы были движения глаз и линия рта его брата Ивана и т.д. Здесь важно просто показать, что и в художественно-литературном тексте мы можем найти и верно (как это делают персонажи) интерпретировать невербальные средства коммуникации. Значительная их часть демонстрирует переживаемые эмоции (как в приведенном фрагменте), другая часть представляет сокращенное (незавершенное) действие: Алеша здесь встал с дивана, чтобы помочь, очевидно, Катерине Ивановне, а та, заметив это, успокоила его словесно (вербально) – «это ничего». Таким образом, вербальное и невербальное переплетаются в диалоге, взаимодействуют друг с другом. Интересно, что невербальное средство выражения может полностью заменить вербальное (кивок, например, вместо утверждения словом), но может также усилить, сопроводить последнее. Каждый, имеющий опыт коммуникации, прекрасно знает, насколько иногда целесообразнее, экономичнее и доходчивее слова может быть жест (описательный, например, уточняющий даже самое точное слово), выразительное мимическое движение. И скольким из нас предлагалось вместо вербальных описаний воспользоваться точным рисунком расположения нужного дома или новым фасоном одежды, сколько раз мы сами рисовали и показывали руками «как лучше пройти» – вместо того, чтобы воспользоваться словесным объяснением, сохраняя за языком репутацию самого богатого и точного средства общения.

В чем же дело? А дело в том, что невербальные коммуникативные средства генети-

чески (как в филогенезе, так и в онтогенезе) старше вербальных, и когда в ходе социализации человека сформировалась «чрезвычайная прибавка», как называл И.П. Павлов вторую сигнальную систему (язык), она, эта «прибавка», не отменила, не вытеснила полностью невербальные средства, а именно «прибавилась» к ним. Таким образом, можно считать, что речевая моторика (артикуляция) есть внешнее средство понятийно-абстрактного мышления, перевода его в коммуникативное русло обмена информацией. Невербальные же средства остались отчасти моторикой первой сигнальной системы и особого, промежуточного уровня, охватывающего и первую сигнальную систему, и часть второй сигнальной. В ходе специальной фиксации (киносъемка, видеосъемка) можно показать, что в акте речевого поведения человека сначала развертываются невербальные коммуникативные средства, а затем – если их ресурса недостаточно для взаимопонимания – вербальные средства, поток речи на национальном языке. Другое дело, что «невербальная подкладка» часто не обладает яркой выраженностью, едва намечается и интенсивно покрывается собственной языковой частью речи. Однако люди с самого раннего детства привыкают «считывать» с лица и тела коммуникативного партнера именно невербальные проявления: выражение лица, жест, позу. Научно доказано, что всем нам чрезвычайно важно знать, в каких отношениях находятся вербальные и невербальные средства выражения – либо они согласованы (в таких случаях говорят, что они «сингармоничны») и тогда производят впечатление истинности, искренности, убежденности говорящего в том, что его слова соответствуют внутреннему его убеждению, состоянию, внутренним (мысленным и эмоциональным) оценкам; либо они не согласованы («дисгармоничны» или даже «антагонистичны»), и тогда партнер ощущает неискренность, ложь и прочее в словах говорящего. Опыт подсказывает, что особенно чутки к сингармоничности или дисгармоничности речевого поведения человека дети и домашние животные. Это обстоятельство следует учитывать психиатрам, психотерапевтам, логопедам и педагогам вообще: аутичность, неконтактность, а иногда и признаки речевых

отклонений наблюдаются исключительно из-за того, что терапевт или логопед не умеет сингармонизировать свои вербальные и невербальные ресурсы и производит впечатление неискренного человека. И в педагогическом (и психиатрически корректирующем) процессе неучет невербальных компонентов приводит к весьма серьезным ошибкам: врачу (педагогу) молчание больного (учащегося) представляется сигналом «непонимания», «незнания», а готовность к формально-верному ответу – сигналом знания, «понимания». Между тем, как известно, человек с детства параллельно приобретает два чрезвычайно важных умения – имитации, т.е. подражательного поведения, и самостоятельного, продуктивного поведения. Последнее, конечно, формируется не «само по себе», но с помощью научения (и имитации, и подкрепления) и серий проб и ошибок. Важно, однако, учесть, что речевой материал (язык как таковой) ребенок не может изобрести, а поэтому воспринимает извне, имитируя, а затем и комбинируя уже освоенные единицы и конструкции речи. В практике речевого развития мы видим самые различные варианты познавательной, практико-деятельностной и речевой функций.

Несколько примеров.

Первый. При помощи родителей младенец, а затем ребенок получал возможность общения со старшими и себе подобными, нормально прошел стадии гуления и лепета, в срок научился манипулировать предметами, игрушками, имитирует речь и действия с предметами, осмысливает связь между ними, а также между единицами языка, с одной стороны, и предметами, их свойствами – с другой. При некотором опережении речи (т.е. в речи есть то, чего не было в собственном праксисе ребенка) ребенок двигательно активен, любознателен, контактен, сильно выполняет просьбы взрослых: что-то приносит, уносит, убирает игрушки, раскрывает книжку в нужном месте (по картинке) и т.д. Момент опережения речи может быть, например, зафиксирован, если ребенок заявляет, что «газеты полны новостей»: ясно, что сам он судить о сказанном не может, что его высказывание – результат имитации речи взрослого. Поэтому педиатр или педагог-воспитатель должен отдавать себе отчет в том, что в речи ребенка осмысленно, а что – имитация формальной языковой структуры с

субъективно «пустым» значением. Если, скажем, ребенка такого типа сравнивают с другим, в речи которого явно меньше подобных имитаций, то вовсе не значит, что второй ребенок «существенно отстает» от первого. К сожалению, методы чисто количественного подсчета слов и предложений в речи ребенка все еще приводят именно к таким ошибочным суждениям. Если к тому же один ребенок отличается от другого быстрым темпом речи, большей орфоэпической правильностью, есть все формальные основания отдать предпочтение ребенку, прогрессирующему в речи. Но дело-то в данном и подобных случаях именно в форме, а не в сути, в речевых, а не интеллектуальных возможностях детей, проявляющихся вовсе не обязательно в речи, а точнее говоря – *прежде всего не в речи*. Вот такая подмена понятий – один из бичей нашей повседневной практики, выросшей на догме о «неразрывном единстве языка и мышления».

Второй. Воспитатель детского сада утверждает, что А. (3,5 года) значительно опережает в развитии своего сверстника, так как «различает, где правое, а где левое», тогда как другой «не различает». При проверке выясняется, что в речи А. действительно встречается слово «справа» или «влево», когда он играет с автомобильчиком, комментируя направление движения. Но при этом выясняется как раз неверное обозначение движения. А. уверенно выполняет просьбы «покажи правую ручку» и «покажи левую ручку», но именно в этом порядке, а при перестановке инструкций продолжает вначале поднимать правую руку. Его сверстник же действительно не понимает инструкций, но не маскирует своего непонимания, как это делает (неосознанно, конечно) А. Их опережает Т. (3,8 года), которая верно отличает правый сандалик от левого, левую щеку от правой и т.д. В данном случае проявляется редкое (для данного возраста) умение верно связывать значение слова с пространственными характеристиками.

Третий. Мальчик И. (4,2 года) воспитывается у бабушки с дедушкой, редко видит родителей, много занятых на работе. Физическое развитие нормальное, пассивная речь прекрасно развита, но активной речи нет вовсе. Требуя прочитать вслух любимые книжки, мальчик протягивает их дедушке или бабушке и при малейшем промедлении

реагирует всеми невербальными средствами так бурно, что взрослые немедленно бросаются выполнять его требования. Поскольку многие тексты воспроизводятся по много раз, бабушка или дедушка пытаются облегчить себе задачу, «не глядя в книжку», т.е. воспроизводя знакомые тексты наизусть. Реакции на такую подмену нет до тех пор, пока взрослые не допускают ошибку – пропуск строфы, строки или замены слов. При ошибках ребенок закатывает истерику, жестами требуя взять книгу в руки, внимательно читать и т.п. Все общение между ребенком и взрослыми проходит односторонне, невербально, и все потребности ребенка при этом полностью удовлетворяются. Указательные жесты нередко выполняются им лежа – движением ног; требование вывести гулять представляется разработанными пантомимами с использованием жестов, предметов одежды и пр.

Спрашивается, можно ли на основании неразвитой внешней речи считать данного ребенка недоразвитым умственно? Если соответствующие невербальные задачи (например, связанные с построением фигур из набора элементов по картинкам-образцам) решаются им не хуже разговаривающих сверстников; если функции бытовых предметов ему хорошо известны; если он верно ориентируется в среде (поправляет шапку перед зеркалом, смеется над картинкой, изображающей котенка на коньках и пр.), то никаких оснований для суждений об ущербности его интеллекта нет. Подчеркнем, что мы ни в коем случае не принижаем значения языкового развития вообще и в данном возрасте в частности. Перед нами – явная аномалия воспитания, ответственность за которую несут взрослые. Но пока эта аномалия еще не зашла слишком далеко: ребенок требует к себе вербальных обращений, хочет слушать речь (в данном случае – книжные тексты), верно интерпретирует вопросы взрослых. Он лишь сам не желает разговаривать, так как все его потребности выполняются по его невербальным сигналам, они стали в данном микросоциуме коммуникативно достаточными.

Четвертый. Девочка М. (4,8 года) отстает в физическом развитии, малоподвижна, читает с 4-х лет, воспроизводит наизусть массу стихотворений и прозаических текстов. При спонтанной эмоциональной речи наблю-

даются элементы тахилалии и сбивчивости. Несложные лабиринтные и конструктивные задачи вызывают непреодолимые затруднения и негативистские реакции с требованием вербального общения. В речи (стихотворения, воспроизводимые наизусть) функционируют 6 цветообозначений, а в тесте на цветоразличение понимаются лишь 3. Порядковый счет в темпе безошибочен в рамках любых двузначных чисел, но сложение и вычитание в пределах 1–5 не усваивается. Формальное быстрое чтение сочетается с затрудненным переходом от слов «хвост», «платок», «балкон» к соответствующим рисункам. Легко себе представить, что записанная на магнитофонную ленту речь М. могла бы быть высоко оценена и приписана «ребенку с высоким умственным уровнем развития», хотя праксис свидетельствует о рассогласованности уровня речи и практического мышления при явном отставании последнего.

«Вербализм» – так можно было бы назвать общую гипертрофированную тенденцию в нашей дидактике и дефектологии, хотя добросовестный практик и вдумчивый теоретик всегда понимал первичность сенсорного воспитания, при котором «непосредственной речевой работе предшествует этап, на котором формируются понятия цвета, формы, пространственные и временные представления» [4, с. 278].

Активизация предметных представлений, лежащих в основе словесных, составляет, как известно, основу методики восстановительной работы при афазиях, разработанную теоретиками и практиками [1; 3], их учениками и последователями. Всякие попытки – теоретические или практические – внедрения «вербализма» (учить слову через слово, контролировать речь только через речь, судить об уровне интеллекта только через речевой уровень) приводят к теоретической слепоте и практическим неудачам; это в равной мере относится и к дефектологии, и к психотерапии, и к лингводидактике – будь то обучение родному или иностранному языку. Подлинное понимание речи (устной инструкции или литературного текста), проникновение в смысл абстрактно-математического суждения или живописного полотна состоит в конечном счете в возможности мысленного «перехода» от поверхностной структурной данности к семантическому коду коры голов-

ного мозга, названному Н.И. Жинкиным универсально-предметным кодом (УПК) [2].

Основу УПК составляют обобщенные «следы», «образы» реальной действительности, эталоны ситуаций и их комбинации. Только они позволяют нам в новом «узнавать» знакомое или же, опираясь на банальное, создавать новое в творческом интеллектуальном процессе. Каким бы элементарным, «простым», «наглядным» или «примитивным» ни казался нам уровень практического интеллекта обезьяны, каким бы диффузным и беспомощным ни представлялся нам набор довербальных средств общения у бессловесного еще младенца, – это есть базовый уровень, на котором можно построить сложное знаковое поведение, соответствующее ресурсам либо шимпанзе, либо человека. Но миновать этот уровень нам не дано, как не дано и отказаться от него на последующих стадиях онтогенеза. Именно поэтому, в частности, маскообразное лицо и монотонная интонация лектора – залог утраты 15–20% информации. Именно поэтому телефонный разговор требует значительного увеличения длительности сравнительно с живым обменом мнениями (при одном и том же объеме информации).

Есть, однако, в современном обществе и опасность своеобразной «девербализации» подрастающего поколения. Телевидение принесло в семью обильный, исчерпывающий сам себя по содержанию зрительный ряд. Изображение, приближенное к натуре или даже условное (как в мультфильмах), постоянно повторяющее набор знакомых ситуаций, не требует умственных усилий по перекодированию видимого в семантический код: то, что наблюдается, то и есть суть. Телевидение вытеснило чтение, при котором текст (буквенный ряд) должен быть сначала синтезирован в слова и предложения, а затем перекодирован в семантический код, в УПК. Так получались индивидуально-групповые образы книжных героев, среды их обитания, их характеров, событий из их жизни. Образы могли быть настолько яркими и конкретными, что соперничали с образами из книжных иллюстраций или кинофильмов по книгам. Все это формировалось сознанием, подсознанием, установками и эстетическими привязанностями читателя.

Нынешний подросток в значительной мере отстал от своего сверстника 20–30-летней давности по *возможностям норматив-*

ного вербального поведения: чтение серьезной книги вызывает быстрое утомление, не всегда завершается пониманием; рассказ о прочитанном затруднен, эмоциональные проявления в собственной среде усилены за счет внешней экспрессивности формы (междометия, жесты, пантомима), имитирующей уже созданные образцы.

Распространяется «функциональная безграмотность», которая проявляется, в частности, в нарушениях обычных норм общения (отказ от ритуальных поведенческих форм, включая этические, социально-иерархические символы уважения, внимания, сигналы обратной связи), а также в затрудненном понимании текстов – при наличии

навыков чтения и письма вообще. Можно, несколько схематизируя, сказать, что речь идет об *отрыве вербальных навыков и форм от невербализуемых значений и смыслов, от непосредственного понимания того, что стоит за словом*. В таких случаях, конечно, нельзя говорить о патологиях речи или интеллектуального развития. Но об отклонениях от нормы, требуемой социумом для нормального развития общества, а также о некоторых пограничных состояниях говорить нужно. Следовательно, повышение профессионального уровня психологов-«речевиков», вдумчивая работа в целях сбалансированного взаимодействия вербального и невербального поведения – это весьма актуальная задача.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейн Э.С. Афазия и пути ее преодоления. – Л., 1964.
2. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982.
3. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. – М., 1973.
4. Мещеряков А.И. Слепоглухонемые дети. – М., 1974.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

В.А. Пищальникова

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: УСТОЯВШЕЕСЯ И СПОРНОЕ. ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ XIV МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА ПО ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ И ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

29–31 мая 2003 г. состоялся очередной, XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание: устоявшееся и спорное». На нем работали секции «Методологические и теоретические проблемы языкового сознания», «Восприятие и понимание речи как процессов трансляции знания», «Межкультурная коммуникация и перевод: теория и практика», «Этническая конфликтология и контактология», «Ментальный лексикон», «Патология речи», «Детская речь», круглый стол по проблемам фоносемантики.

В предисловии к сборнику тезисов докладов симпозиума Е.Ф. Тарасов отметил, что *проблема выделения языкового сознания как научного объекта по-прежнему остается актуальной, поскольку знание о сознании как объекте исследования полностью зависит от средств и операций познавательной деятельности* [22]. Такими средствами являются, во-первых, вербальные овнешнения, обеспечивающие доступ, хотя и опосредованный, к сознанию. При этом нужно учитывать, что содержание, передаваемое в общении, мыслится в операциональных, предметных и де-

ятельностных значениях, а передается в языковых знаках. Вербальная репрезентация результатов мыслительных процессов непрямо отображает процесс мышления. Во-вторых, само сознание исследователя выступает средством познавательной деятельности, причем в этом случае по отношению к сознанию-объекту оно мыслится как метасознание. Непосредственная ненаблюдаемость сознания вынуждает онтологизировать познавательные процедуры, которые, делая языковое сознание доступным для анализа, одновременно размывают границы между его онтологией и гносеологией. Отсюда актуальным направлением в психолингвистике является поиск новых методов и приемов обнаружения сущности языкового сознания.

В материалах симпозиума широко представлены психолингвистические исследования, проблематика которых пересекается с актуальными вопросами современной теории речевой деятельности, в частности, те, которые так или иначе решают проблемы продуцирования и восприятия речи, моделирования мыслительных структур и процессов, а также рассматривают вопросы репрезентации

Открытие Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации

Актуальные проблемы симпозиума обсуждают Н.В. Уфимцева, В.И. Шаховский и А.А. Залевская

ментальных структур в вербальных произведениях. Проблемы это чрезвычайно сложные, поскольку язык – «в своем существе структура, ускользающая от сознания» [3, с. 73]. Актуальными представляются исследования, в которых ставится вопрос о том, что же такое «содержание языка», в каких ментальных структурах оно формируется и хранится.

В теории речевой деятельности принципиально положение о том, что языковой знак – превращенная форма существования реальных объектов. Поэтому слово, во-первых, – «не информация, чтобы легко было проверить, как с ним на самом деле обстоит дело». [3, с. 15], во-вторых, «логически невозможно ни обосновать, ни сконструировать систему, где элемент, как то имеет место в естественном языке, не фиксирован семантически, а тем не менее способен обозначать конкретные вещи» [3, с. 57]. Отсюда обращение исследователей к сущности процесса понимания вербально-произведения.

Понимание как семиозис рассматривает А.Г. Баранов, подчеркивая, что семиозис есть дискурсивная деятельность, а понимание предполагает не только метаязыковую интерпретацию дискурсивных единиц, но и увязывание этой деятельности с образными, кинестетическими и эмоциональными переживаниями [2]. О способности слова «свертывать смысл целого дискурса» (слово-эндотроп) говорит В.Г. Борботько, указывая на то, что лексические ассоциации репрезентируют «мощную дискурсивную базу», специфическую этнически и индивидуально. Лексические ассоциации В.Г. Борботько рассматривает как «свернутую манифестацию разных типов дискурсивных моделей». Исследователь предлагает в известной мере условное понятие дискурса-алфавита, под которым понимается совокупность прецедентных текстов. Различные дискурсы могут приобретать статус аксиоматических, носящих «сверхличностный характер», и тогда они представляют аксиоматику языкового сознания носителей данной лингвокультуры. Элементы дискурсивного алфавита являются, по мнению исследователя, основой для построения новых дискурсивных моделей разного типа [4].

И.А. Стернин предлагает разграничивать языковое, коммуникативное и когнитивное сознание и выделяет три возможных уровня исследования языкового сознания: традици-

онное лингвистическое, психолингвистическое и нейролингвистическое описание. Языковое сознание понимается исследователем как совокупность психических механизмов, «часть сознания», обеспечивающая процесс речевой деятельности человека. В этом случае исключается интегративная функция слова как овнешнителя вербально-авербальных образов сознания и практически исключается детерминирующая роль деятельности по отношению к порожденному ею общению и сознанию [22].

Языковое сознание в условиях глобализации рассматривает Н.В. Уфимцева [25]. Исследователь отмечает, что глобализация ведет к устранению культурного многообразия мира. Свою позицию Н.В. Уфимцева аргументирует исследованиями А.Г. Сонины [19; 20; 21], экспериментально доказавшего, что в современной культуре вербальный знак постепенно утрачивает свои позиции как главное средство передачи информации и заменяется полимодальным (креолизованным) текстом, в котором доминантным является изображение, которое служит заданным контекстом для восприятия слова, что в принципе исключает деятельностьный характер понимания. Отсюда стремительная стереотипизация сознания и разрушение процесса смыслообразования, а носитель стереотипизированного сознания становится удобным объектом социального манипулирования. Отметим попутно, что изучению стереотипизации сознания посвящена серьезная монография И.В. Рогозиной «Медиакартина мира: когнитивно-семиотический аспект», в которой автор разрабатывает интегративную концепцию медиакартины мира, исследует ее структуру, определяет свойства и функции. С позиций психолингвистики в работе рассматриваются когнитивно-семиотические механизмы медиамоделирования реальности, выдвигается понятие медиакогниотипа как специфического когнитивного инструмента, выявляется медийный инвентарь медиафреймов – гетерогенных когнитивных структур фиксации и презентации фрагментов реальности. На материале печатных и телевизионных массмедиа выстраивается типология доминантных для каждого их этих видов медиакоммуникации полисемиотических когнитивных комплексов [15].

Давно и продуктивно психолингвисты включают в область своих исследований про-

блемы когнитивных средств личности и этноса, рассматриваемых как превращенные формы предметных действий. В исследовании так называемого когнитивного аспекта языка отмечается, что углубление научной рефлексии и расширение проблематики лингвистической семантики за счет включения в нее категорий знания и речевого мышления заставляют изменить и само представление о природе языкового значения». Признается, что «смещение исследовательского интереса с поиска концепта, лежащего в основе значения слова, к анализу самого концепта, к установлению его системной организации на базе тех знаний о мире, которые репрезентируются в семантике слова и его грамматических категориях, способствовало более точному и глубокому проникновению в природу языкового значения и верификации ее в лингвистических описаниях», что «для лингвистики более актуальной становится задача описания и объяснения не собственно значения, а особенностей языковой концептуализации мира, отразившихся в семантике слова и его грамматических категориях» [8, с. 106–107]. Исследуя понятия концепта и концептосферы, которые, хотя и неоднозначно, но все чаще используются в когнитивистике, В.И. Убийко отмечает: «Можно выявить совершенно новые семантические структуры, соединяя вместе грамматически разрозненные по линии разных частей речи, отдельных словоформ и разных семантических полей элементы описания одного и того же концепта» [24, с. 118]. Это положение подтверждает вывод психолингвистов о том, что значение – когнитивная структура, отражающая определенную модель познания мира человеком [13]. Показательно осознание того, что «система ограничительных помет в толковых и особенно в грамматических словарях нуждается в дальнейшей разработке и уточнении. Репертуар предлагаемых помет должен отражать не только отсутствие той или иной формы, но и причины, вызвавшие это» [18, с. 114]. О.А. Михайлова отмечает, что лингвокультурологическая информация, актуальная в процессах межкультурной коммуникации, фиксируется в современных словарях несистематически, случайно и, как правило, в периферийной части толкования – в скобках. При этом совершенно оче-

видно, что такая информация отражается не в регламентированной внутриязыковой сочетаемостной норме, а обусловлена семантическими и предметно-логическими отношениями, т.е. такая сочетаемость мотивирована значением слова, «а ограничения отражают результат типового представления носителей языка о денотатах определенной ситуации, хотя круг денотатов может быть расширен» [10, с. 141]. Е.В. Лукашевич утверждает, что в современной лингвистике подготовлена методологическая и методическая база для научного прогнозирования развития семантики языка, и предлагает поэтапное моделирование семантической, когнитивной и концептуальной структур слова с установлением корреляции между ними. При этом фактором эволюции значения слова называется соотношение стабильных/конвенциональных и нестабильных/неконвенциональных признаков в структуре значения слова. Предлагаемая автором методика позволяет наблюдать не только результаты эволюции значения слова, но и сам процесс становления нового значения. А также создавать структурно-вероятностные модели этого процесса, обладающие большим объяснительным потенциалом [9].

Особое место занимают работы, направленные на формирование единых методологических принципов современного лингвистического исследования. По мнению Н.К. Рябцевой, главной причиной автономности, например школ Хомского и Апресяна, является использование своей собственной терминологии, хотя по сути эти направления имеют много общего. Кроме того, бедой современной лингвистики являются и некачественные переводы: «транслитерация может породить искажение исходной идеи. Так, главным и универсальным «когнитивным» понятием русского языка является «представление». В частности, оно покрывает смысл целого ряда слов английского языка (в том числе таких, как *frame*, *script*, *scenarigo*) и, соответственно, не имеет точного переводного эквивалента в нем» [16]. Н.К. Рябцева полагает, что назрела необходимость диалога между двумя «лингвистическими культурами», который может привести к созданию интегрального семантико-когнитивного направления.

Своевременным поэтому представляется выход книги А.Г. Сониной «Когнитивная лин-

гвистика: становление парадигмы» [21], в которой особое внимание уделяется когнитивному подходу к проблеме речевой деятельности и исследованию онтологического статуса концепта деятельность в отечественном и зарубежном языкознании.

Р.М. Фрумкина доказывает, что стремление описать психологическую реальность языковых феноменов – это вполне определенная познавательная установка [26, с. 252]. *Langue* Соссюра – мощный исследовательский конструкт, который, однако, имеет принципиально иной модус существования, нежели те или иные эмпирические объекты и отношения между ними. Оставаясь на уровне теоретических конструктов, лингвист может рассуждать о функциональных моделях, но если он ставит задачу описать происходящее «на самом деле», он обязан найти для этих конструктов самоочевидные эмпирические аналоги и выводить из них экспериментально проверяемые следствия. Когнитивизм и психолингвистика вызваны к жизни именно желанием понять реальные психические процессы, вызваны новыми ценностными ориентациями. Многие исследователи не причисляют себя к психолингвистам, однако, используя методы и приемы экспериментальной психологии в своих исследованиях, они объективно помогали формировать методологическую базу психолингвистики. Вопросами о ментальных процессах, обеспечивающих понимание, сегодня занимаются и лингвисты, и психологи, и психолингвисты. Поэтому, подчеркивает Р.М. Фрумкина, важно не отнесение к какому-то «ведомству», а убедительность предложенных реконструкций, описывающих возможные механизмы реального психического процесса в синхронии.

Онтологией языкового сознания в отечественной психолингвистике в последние годы, как уже отмечалось, стала практика межкультурного общения, речевые продукты которого являются материалом для выявления специфики языкового сознания представителей разных этносов и культур. Анализируя конкретные речевые овнешнения языкового сознания, этнопсихолингвисты изучают идеальную форму культуры конкретного этноса в определенное историческое время. Сопоставительный анализ идеальных форм культур разных этносов дает основания для заключений о когнитивной и куль-

турной специфике этносов. Это, в свою очередь, позволяет разрабатывать приемы и методы устранения межэтнических коммуникативных конфликтов. Поэтому все чаще межкультурное общение рассматривается как «диалог сознаний». Осуществляются сопоставительные исследования языкового сознания представителей близкородственных лингвокультурных сообществ – казахов, туркмен, турков, киргизов, узбеков, выявляется специфика языкового ядра разных этносов, моделируются этнокогнитивные структуры различных национально-специфичных концептов, исследуется специфика структуры значений соотносимых лексем, осуществляется сравнительное изучение содержания ядерных и периферических концептов в неродственных культурах, предпринимается «перекрестное ассоциативное анкетирование» для обнаружения национально-специфического восприятия представителей других культур и этносов, исследуется природа толерантности. По-прежнему актуальным остается исследование речевых национально обусловленных лакун, которое дополняется все более глубоким осмыслением культуры как среды мышления и компонентов ядра языкового сознания, под которым, вслед за А.А. Залевской, понимается совокупность слов, имеющих наибольшее число связей в ассоциативно-вербальной сети, построенной на базе данных ассоциативного эксперимента.

Ассоциативная семантика, возникнув в психологической парадигме, постепенно вбирает в себя не только вопросы языкового значения, но и неразрывно связанные с ней аспекты физиологии, психологии, семантики и философии. Ассоциативный эксперимент как основной метод доступа к сознанию и к неосознаваемым процессам мышления используется в современной психолингвистике (и все активнее – в лингвистике) для решения самых разных задач. Вполне банальным стало в психолингвистике утверждение о том, что «единицей языкового общения является не символ, не слово, не предложение и не конкретный экземпляр символа, слова или предложения, а производство этого конкретного экземпляра в ходе совершения речевого акта, основанного на ассоциативных связях слов» [1, с. 124]. Особое место занимает ассоциативный эксперимент в исследовании специфики языкового сознания в малых со-

циальных группах. Анализ данных ассоциативного эксперимента позволил Е.И. Горошко утверждать, что ассоциативные связи могут быть рассмотрены как дифференцирующие параметры гендера, возраста, уровня и направленности образования, условий жизни и стресс-фактора [6].

Динамично развивается новая отрасль психолингвистики – психопоэтика [12]. Выделяется ряд категорий, фиксирующих содержание уникального сознания, фундаментальных для теории интерпретации художественного текста: концептуальная система индивида, концепт, когнитивная структура (модель). Под концептуальной системой понимается континуальная система смыслов, структурирующаяся в деятельности индивида в результате перцептивных процессов, присвоения конвенционального опыта и собственно рефлексии. Такое определение вполне соответствует понятию деятельности и акцентирует представление о доминантных смыслах художественного текста как системе элементов, различных генетически, но в пределах данного текста являющихся гомоморфными. Понимание текста рассматривается как построение определенной релевантной структуры смыслов в концептуальной системе реципиента на базе языковых знаков, которые для реципиента являются средством конвенциональной ориентации в концептуальной системе автора текста. Языковые элементы, представляющие конвенциональные содержания, стабильные значения, выступают лишь средой стабилизации авторского смысла.

Цель автора художественного произведения – не субъективное (индивидуальное) представление конвенционального содержания, а представление личностного (субъективного) смысла в конвенциональных языковых единицах. Каждый концепт текста обладает определенным смысловым пространством, находящимся в процессе постоянного структурирования. Отсюда очевидно, что понимание вновь вводимой информации осуществляется индивидом с участием всей концептуальной системы. Поскольку мышление осуществляется по принципу функциональных систем, в процессе понимания происходит как заимствование, так и образование познавательных структур. Развивая эти положения, Л.А. Бутакова впервые исследует текст как коммуникативное, знаковое, смыс-

ловое единство на основе когнитивно-ментальной интегративной категории *авторское сознание*. Автор делает плодотворную попытку совмещения динамического системного и когнитивного подходов к анализу художественных текстов и «текстов-примитивов» (сочинений абитуриентов и школьников). Это позволяет Л.А. Бутаковой обосновать ряд когнитивно-текстологических семиотических понятий: семиотическая стратегия, семиотическая доминанта, когнитивный потенциал знака, когнитивный потенциал слова, когнитивный потенциал текста. Л.А. Бутакова считает, что организующим началом любого текста, детерминирующим его содержательную и формальную сущность, является авторское сознание. С помощью этой категории возможно исследование совокупности внутренне упорядоченных, гомоморфных друг другу когнитивной, семиотической, коммуникативной, эмотивной систем, репрезентированных в тексте. При этом под авторским сознанием понимается выводимая из текста специфическая модель, относительно стабильное символично-семиотическое отображение концептуальной системы автора текста. Исследователь полагает, что когнитивная сущность текста и его модельный потенциал предопределены действием на этапе довербального замысла психофизиологического механизма презумпции, т.е. наличием в сознании автора когнитивного типа «значимой формы», размера, вида и иных параметров текстовой модели. Когнитивные типы прозы и поэзии определяются исходными презумпциями. Так, презумпция прозаической текстуальности – существование довербальных эстетически нацеленных поликоммуникативных пространственно-линейных замысла и его формы. Такой вид презумпции предполагает «обширное разностороннее деривационное разветвление, ориентир на основную единицу – *высказывание* и в рамках его – *полифоническое слово*». Презумпция поэтической текстуальности – существование довербальных эстетически направленных авокоммуникативных ритмомелодических, акцентно-звуковых замысла и его формы. Такой вид презумпции содержит «зародыш» герметической поэтической формы с ориентиром на основную единицу – строку и в рамках ее – многосторонний полифункциональный знаковый сегмент. Разные исходные когнитивные типы диктуют разные пути акцентуации смысловых

компонентов в поэтических и прозаических моделях и задают разные способы их восприятия. Л.А. Бутакова утверждает, что основой поэтической модели мира является глобальная поэтическая форма как саморазвивающаяся динамично-статичная система, производная от функций языка и языковой картины мира, взаимодействующая с содержанием текста. Она предопределена состоянием эмоциональной напряженности говорящего, ориентирована на внешнее восприятие (произнесение вслух), обладает суггестивными свойствами. Все функции глобальной формы обусловлены презумпцией взаимных эквивалентностей и презумпцией полной художественной значимости поэтического текста [5].

Серьезные результаты достигнуты Н.Ф. Крюковой [7] в изучении метафоризации и метафоричности как параметров рефлексивного действия при продукции и рецепции текста. С герменевтических позиций исследуется проблема оптимизации понимания как познавательного процесса при различных модификациях метафоризации текста. При этом автор актуализирует взаимодействие между структурой языка и функцией общения, важнейшую филологическую проблему «человек как субъект речевой деятельности». Такая позиция объективно способствует развитию теории речевой деятельности. Исследуя эффект использования метафорических форм текстопостроения для оптимизации понимания, Н.Ф. Крюкова подчеркивает разницу между разными актами понимания, стимулируемыми метафорой. Она разграничивает понимание метафоры с ее семантикой и понимание смыслов благодаря метафоре. Поэтому понятия «метафоризация» и «метафоричность» разводятся исследователем как, во-первых, процесс побуждения рефлексии текстовыми средствами непрямого номинации и, во-вторых, результат этого процесса, метафоризированный текст, запрограммированный на приближение к социальной адекватности осваиваемого смысла. Рефлексия, пробуждаемая метафоризированными текстами, может по-разному организовываться в пространстве системомыслительности в пределах трех поясов ее базовой схемы (по учению Г.П. Щедровицкого). Эти три пояса отражают три единственно существующих вида опыта: опыт действия в реальном мире в виде предметных представ-

лений; опыт в виде глобальных экзистенциальных смыслов и знаний как схем, диаграмм, графиков, парадигм и т.п.; опыт действия с текстами вообще в виде знаний о тексте. Разные способы рефлексии объективируются в разные смыслы, т.е. сложные конфигурации связей и отношений между элементами ситуации и коммуникации, которые создаются или восстанавливаются понимающим субъектом. С учетом этого Н.Ф. Крюкова описывает семь различных способов фиксации (предметной организованности) рефлексии. Все традиционные средства метафоризации (тропы и фигуры речи), обеспечивающие, по мнению исследователя, разные способы оптимизации процессов смыслоустройства и смыслопостроения при действии субъекта с текстом, классифицируются в зависимости от особенностей фиксации пробуждаемой ими рефлексии. Тропеические и фонетические средства рассматриваются как «образные» средства, дающие реактивацию предметных представлений, лексические средства – как «логические», дающие прямые усмотрения метасмыслов, синтаксические средства – как «коммуникативные», дающие усмотрение текстовых характеристик. Исследователь отмечает, что оптимальный выбор средств непрямого номинации определяет общую метафоричность текста, представляющую собой систему характеристик текста, намеренно или ненамеренно выстраиваемую продуцентом для действия реципиентом с установкой на совершенствование понимания. Тексты, предназначенные для разных типов понимания, характеризуются специфической метафоричностью: избыточность/энтропия для семантизирующего понимания, экспликационность /актуализация для распределчивающего понимания. Характер метафоры, рассматриваемой в качестве конкретной объективации рефлексии, указывает как на универсальность категории метафоризации, так и на специфику метафоричности, являющуюся показателем особенностей менталитета различных групп людей.

Ряд исследований посвящен изучению слова в психолингвистическом аспекте. Так, Т.М. Рогожникова осуществляет психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова. Автор указывает, что «незыблемость уже известных парадигм при-

водит к застою и уменьшению потенциала исследований, а их чрезмерно частая смена влечет за собой размытость и... чрезвычайную сложность конструкций» [14, с. 5]. Принадлежностью старой исследовательской парадигмы автор считает стремление объяснить мир образов, идей, представлений законами и категориями физического мира. Исследователи семантики слова порой не справляются с индивидуальными различиями в значении слова, «и тогда основное время уходит на поиск оснований для классификаций и группировок материала исследования, а в результате мы имеем еще одну крайне сложную конструкцию», не отражающую всех сторон знания. Специфичным зачастую признается то, что не укладывается в принятую или очередную модель. Т.М. Рогожникова акцентирует, что «знаковое оформление информации вовсе не гарантирует получение индивидом знания» [14, с. 6], а «слово не может быть словом в мире мыслей. Слово имеет свой смысл и три своих измерения только среди других слов, созданных человеком и служащих его нуждам, потребностям и соизмеримых с ним. На другой шкале слово не обладает индивидуальным существованием, ибо там оно не имеет никакой функции» [14, с. 6].

В качестве теоретических допущений предлагается несколько положений, ставших для работы методологически определяющими.

1. Фундаментальные перцептивные категории являются формами нашего восприятия, заложены в психике и именно поэтому постоянно применяются в скрытой форме. Это означает их неосознанное использование в качестве основания для умозаключений, что приводит к утрате осознания бесконечной возможности расширения сознания.

2. Вслед за П.Д. Успенским автор полагает, что материя и время могут быть противопоставлены как два разных состояния вещества, обладающих разными энергетическими признаками, «если допустить материальность мысли и рассматривать мысль как сверхтонкое состояние материи, обладающее энергией преодоления времени и пространства, то можно с уверенностью говорить, что мысль резко теряет скорость и энергию, воплощаясь в слове. Слово, приобретая или «увеличивая» вещество и пространство, т.е. переходя в другое состояние материи, утрачивает характеристики прежнего измерения. Но остается

«ничто», позволяющее осуществлять вновь и вновь этот таинственный переход. Мы назвали это «ничто» – энергией связи» [14, с. 9].

3. Количество измерений реального мира значительно превосходит способности человека осознавать их.

4. «Многочисленные эксперименты и анализ экспериментальных данных позволяют говорить о том, что информация, находящаяся вне человека, входя в его полевые структуры, формируется в индивидуальное ассоциативное поле человека... ассоциативное поле формируется в заданном пространстве, при этом исправно выполняется строго дозированная перекодировка информации, которую способен принять человек, находящийся на данном этапе развития сознания и в определенном состоянии сознания. Доступ к ассоциативным глубинам подсознания блокируется не только тяжестью работы по возрастанию сознания, но и привычностью передвижения по уже разработанным каналам, когда ассоциативная проекция информации имеет прямой доступ к общему ассоциативному полю и постоянно по этому каналу контактирует с ним» [14, с. 9]. С этих позиций автор формулирует «спиралевидную модель семантического развития» значения слова.

Т.Ю. Сазонова [17] отмечает, что исследование идентификации слова как достояния индивида предполагает моделирование операций, обеспечивающих восприятие слова, поиск в памяти его значения, решение ряда когнитивных задач. Тенденции, которые прослеживаются в отечественных и зарубежных публикациях по вопросам значения слова и его поискам в ментальном лексиконе в процессах производства и восприятия речи, требуют интегративного подхода к решению разных задач, связанных со значением слова. Особенно актуальными Т.Ю. Сазонова считает вопросы о том, как происходит функционирование языковой способности человека, какие механизмы лежат в основе использования индивидом языковых единиц и структур знания, увязываемых с ними в его памяти. Отсюда попытка автора сформулировать основы психолингвистической теории идентификации слова, способной учесть и объяснить противоречия в существующих представлениях о данном феномене.

На основе обобщения теоретических исследований и результатов многолетних экс-

периментов Т.Ю. Сазонова приходит к следующим выводам. В процессе идентификации слова доступ к структурам памяти осуществляется с опорой на множественные источники информации, которые могут находиться по отношению друг к другу в состоянии разной степени согласованности и конфликта. При доступе к слову эти множественные источники интегрируются «в разных направлениях». Интеграция при этом – комбинация репрезентаций, полученных в процессе оценки стимула. Процесс принятия решений представляет собой отображение результата интеграции на соответствующие структуры, хранящиеся в памяти. Процессы идентификации слова имеют стратегическую природу. Стратегии идентификации слова функционируют на разных уровнях осознания. В результате функционирования различных стратегий конструируется ментальная репрезентация воспринимаемого сообщения. В качестве опор при идентификации значения слова выступают его формальные (фонетический/фонологический, графический и семантический образы слова) признаки и семантические (частично вербализованный фрагмент индивидуального знания человека, активизированный в процессе идентификации слова). При выполнении разнообразных заданий с написанным словом фонетическая/фонологическая репрезентация активизируется практически сразу после визуального предъявления написанного слова: значения слов могут активироваться посредством фонетической репрезентации целого слова, которая хранится в памяти и активизируется путем прямого доступа, или они активизируются фонологическими репрезентациями. Характер фонетической/фонологической репрезентации может изменяться в зависимости от типа задания и контекста, в котором предъявлено слово. Наличие в ментальном лексиконе орфографической репрезентации слова обеспечивает возможность восприятия визуально предъявляемых слов, процесс осознания которых не может быть обеспечен правилами графемно-фонемной конверсии. Это касается всех случаев орфографии слов, в которых не соблюдаются правила графемно-фонемного соответствия. Доступ к слову путем графемно-фонемных преобразований и установления соответствия графического образа слова и его орфографической репрезен-

тации обеспечивается разными ментальными стратегиями.

Установление морфологической структуры нового слова в процессе его идентификации осуществляется посредством использования дистрибутивных свойств единиц ментального лексикона, организация которого предполагает, что полиморфемные слова репрезентированы в составляющих их морфемах. Для слов высокой частотности возможны пути прямого доступа к значению, минуя стадию декомпозиции и поиска репрезентаций морфем. Идентификация значения нового слова осуществляется посредством соотнесения языковой информации со схемами знаний, убеждениями и представлениями человека о мире, которые определенным образом упорядочены, формируя внутренний контекст идентификации. В процессе идентификации происходит постоянное осознаваемое и неосознаваемое сопоставление текущей информации с продуктами предшествующего опыта индивида.

В ряде докладов представлено развитие теории эмоционального содержания слова. Оно также связывается с актуализацией исследования речевой способности человека. Е.Ю. Мягкова [11] считает, что более или менее полное представление о характере и специфике эмоционально-чувственных характеристик слова как единицы языковой/речевой способности человека может быть получено только на основе интегративного подхода к исследованию языка как психического феномена в единстве и сопоставлении с другими явлениями психики. С точки зрения понимания слова как средства доступа к единой информационной базе человека каждое слово в той или иной степени обладает определенными эмоционально-чувственными характеристиками, которые могут трактоваться как эмоционально-чувственный компонент значения. Под ним понимается комплекс связанных со словом разнообразных переживаний, специфической особенностью которого является одновременное функционирование на разных уровнях осознания. На формирование эмоциональных характеристик слова оказывает влияние особая структурная характеристика эмоционального состояния – одновременное переживание субъекта и объекта эмоции. Поэтому эмоционально-чувственный компонент

значения слова, включая одновременно социально опосредованные и специфически личностные переживания индивида, является амбивалентным.

В.И. Шаховский [28] рассматривает эмоции в языке и сознании с позиций биологической концепции языка. Исследователь акцентирует, что сознание и эмоции, будучи непредметными областями, связаны с ментальной деятельностью человека. Эмоции способны сопровождать, провоцировать, блокировать и оценивать ментальную деятельность, а это позволяет использовать в процессах моделирования ментальной деятельности понятия эмоционального сознания/мышления/мозга и эмоционального интеллекта. Автор пытается аргументировать позицию, согласно которой сознание и эмоции являются врожденными инстинктами, а не рефлексами на мир. В этом случае эмоции могут рассматриваться как мотивационная система сознания/мышления/речевого поведения. Эта система корректируется национальнокультурными нормами.

Специфика эмоционального компонента значения выявляется и в работе И.Н. Шадринной [27], которая изучает влияние фоносемантического содержания исходного текста на характер переводного текста. Отмечается, что фоносемантическое значение – это следствие взаимодействия различных отделов коры головного мозга, совмещенные действия слухового и зрительного анализаторов. Интегративная деятельность мозга приводит к объединению фонического и графического вариантов слова (текста), в результате чего возникает фонографический инвариант. Таким образом, у любого носителя языка фоносемантическое значение формируется на базе уже имеющихся в мозгу нейрофизиологических паттернов, включающих сенсорные и моторные характеристики. Это, по мнению автора, свидетельствует о наличии определенных психофизиологических механизмов соотношения звука и смысла в любом языке и позволяет предположить, что носители разных языков имеют общее психологическое пространство восприятия звуков – межъязыковое фоносемантическое пространство как совокупность фоносемантических универсалий. Эти универсалии реализуются в каждом языке специфически, но с соблюдением общих законов эмоционально-оценочной значимости звуков. Поэтому пред-

полагается, что сама материя языка является значимой и большинство звуков в различных языках совпадают, хотя они и могут находиться в различных фонологических оппозициях. Отсюда и способность фонетики оригинального текста направлять континуум сознания переводчика в процессе реконструирования доминантного личностного смысла текста.

Теоретические предположения подтверждены серией экспериментов, направленных на выявление закономерностей восприятия фоносемантической составляющей разноязычных текстов и псевдотекстов. В эксперименте принимали участие 910 реципиентов, билингов и монолингов. Установлено, что при восприятии звукового варианта текста на родном и иностранном языках реципиент прежде всего акцентирует внимание на звуковых его характеристиках, темпе, интонации, голосе читающего текст. Фонетическая значимость лексических репрезентантов эмоциональной доминанты текстов соответствует модальности доминантной эмоции, ее силе и динамике. Фоника и русских, и английских текстов актуализирует эмоционально-смысловые отношения, фиксированные в тексте, направляет и организует ассоциации, возникающие у испытуемых, даже не владеющих иностранным языком. Более того, для реципиентов, не владеющих иностранным языком, звуковая организация текста является единственным представителем авторских смыслов и доминантных авторских эмоций. Важно, что подавляющее большинство информантов, не владеющих английским языком, адекватно определили эмоциональное содержание предложенных поэтических текстов на английском языке. Теоретико-экспериментальное исследование позволило И.Н. Шадринной сделать вывод о том, что эквивалентность при переводе может быть установлена лишь в отношении функции элементов оригинального текста и текста перевода, потому что их смысловое содержание возникает как функциональное образование в рамках конкретного речемыслительного процесса.

Даже сжатый обзор докладов симпозиума позволяет наметить ряд актуальных исследовательских направлений в изучении сущности языкового сознания. Это исследование сущности категории «языковое созна-

ние» на базе выявления структуры, типов, характера функционирования речевой способности и речевой компетенции индивида. Это усиление внимания к теоретическим аспектам проблемы значения слова, актуализация когнитивной составляющей значения. Это детальное изучение эмоционального компонента значения слова в связи с характером мотивационных процессов, а также поиск новых под-

ходов к моделированию вербального значения. Это активизация этнопсихолингвистических изысканий на основе данных свободного и направленного ассоциативного экспериментов и разработка конкретных методик снятия межэтнической напряженности в процессах коммуникации, а также обнаружение национальной специфики мировидения и проблемы межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов В.П. Теория ассоциативного поля // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы Международного конгресса исследователей русского языка. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г. – М., 2001.
2. Баранов А.Г. Понимание как семиозис // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. – М., 2003.
3. Бибихин В.В. Слово и событие. – М., 2001.
4. Борботько В.Г. Аксиоматический пласт языка в моделирующей деятельности языкового сознания // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. – М., 2003.
5. Бутакова Л.О. Языковое сознание индивида: постулаты когнитивной поэтики // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. – М., 2003.
6. Горошко Е.И. Языковое сознание – опыт ассоциативного анализа // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. – М., 2003.
7. Крюкова Н.Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действия при продукции и рецепции текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000.
8. Ли В.С. О наивной языковой семантике и проблемах концептуального анализа // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы Международного конгресса исследователей русского языка. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г. – М., 2001.
9. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. Москва; Барнаул, 2002.
10. Михайлова О.А. Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы Международного конгресса исследователей русского языка. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г. – М., 2001.
11. Мягкова Е.Ю. Двойственная природа эмоционального значения: возможности дальнейшего исследования // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. – М., 2003.
12. Пицальникова В.А. Психопоэтика. – Барнаул, 1999.
13. Пицальникова В.А. Общее языкознание. – М., 2003.
14. Рогожникова Т.М. Языковое сознание и моделирование процессов ассоциирования // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. – М., 2003.
15. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект. – Москва; Барнаул, 2003.
16. Рябцева Н.К. Новая лингвистика и моделирование естественного интеллекта // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы Международного конгресса исследователей русского языка. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г. – М., 2001.
17. Сазонова Т.Ю. Идентификация слова: процесс и результат // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. – М., 2003.

18. Семиколенова Е.И. Функциональная парадигма русского глагола как отражение когнитивного опыта // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы Международного конгресса исследователей русского языка. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г. – М., 2001.
19. Сонин А.Г. Гетерогенные тексты как средство обучения и предмет изучения (о некоторых психологических проблемах содержания школьного образования) // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 3. – Барнаул, 2001.
20. Сонин А.Г. Комикс как форма вербально-авербального овнешнения сознания // Методология современной психолингвистики. – Москва; Барнаул, 2002.
21. Сонин А.Г. Когнитивная лингвистика: становление парадигмы. – Москва; Барнаул, 2003.
22. Стернин И.А. Языковое, коммуникативное и когнитивное сознание: проблема разграничения // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. – М., 2003.
23. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание: устоявшееся и спорное (предисловие) // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. – М., 2003.
24. Убийко В.И. Словарь концептосферы и динамика дискурса // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы Международного конгресса исследователей русского языка. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г. – М., 2001.
25. Уфимцева Н.В. Глобализация и языковое сознание // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. – М., 2003.
26. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учебное пособие. – М., 2001.
27. Шадрина И.В. Фоносемантическая доминанта как структурообразующий компонент текста перевода (экспериментальное исследование на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2001.
28. Шаховский В.И. Эмоции в языке и сознании: биологический аспект // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. – М., 2003.

А.А. Залевская

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Еще в 1988 г. на IX Всесоюзном симпозиуме по психолингвистике И.Н. Горелов указал на то, что содержание термина «языковое сознание» четко не определено и что этот термин функционирует в научных текстах в качестве интуитивно найденного обозначения различных «ясно-смутных» представлений об обозначаемых, часто синонимичных «языковому мышлению». К сожалению, положение вещей остается прежним, а обсуждаемые представления не стали более ясными, хотя термин «языковое сознание» фигурирует почти в каждой психолингвистической публикации.

Мне кажется, что это словосочетание уже стало штампом, о содержании которого просто не принято задумываться, подобно тому, как из работы в работу уже много лет перекочевывает словосочетание «речевое высказывание», как будто «высказывание» может быть каким-то еще, т.е. не речевым.

Если же задуматься над содержанием термина «языковое сознание», то окажется, что разные исследователи понимают его далеко не однозначно. Это термин то и дело используют как синонимичный терминам «речевое сознание» и «языковое мышление»; под языковым сознанием нередко понимают то, что точнее следовало бы назвать «мета-языковым сознанием», и т.д. Перечисленные термины используются один вместо другого и из стилистических побуждений, хотя их следовало бы четко разграничивать, поскольку каждый из них не только предполагает определенный ракурс рассмотрения того, что получает выход на «табло сознания», в его «светлую зону», но может также быть связанным с той или иной научной концепцией. Более того, по моим наблюдениям, за использованием термина «языковое сознание» иногда по сути выглядывают уши вроде бы давно похороненной концепции *вербального мышления* (полагаю, что в частности именно это имел в виду Илья Наумович Горелов в своем высказывании 1988 г.) Не ставя амбициозную задачу дать научное определение названным терминам, попытаюсь пояснить, что я сама понимаю под языковым сознанием и какими я вижу пути его исследования.

Думается, что при оперировании термином «языковое сознание» мы то и дело попадаем в ловушку магии слов: если нечто *языковое*, то оно должно адекватно передаваться языковыми средствами, которые кажутся самодостаточными, полностью поддающимися анализу и описанию с позиций соответствующей науки – лингвистики; если речь идет о *сознании*, то вроде бы само собой разумеется, что ничего неосознаваемого (к тому же – не вербализованного!) изначально не допускается. Это вполне объяснимая ситуация, подстерегающая человека на каждом шагу: то, что акцентируется, «раздувается» подобно флюсу, когда мы забываем, что, кроме больного зуба, у нас есть еще много здоровых зубов.

Феномен «флюса» прослеживается в самых разнообразных проявлениях как в теоретических изысканиях, так и в анализе экспериментальных материалов, в которых исследователи склонны видеть то и только то, что отвечает нашим ожиданиям и вписывается в заданную систему координат. В свое время были весьма популярными книги Грегги, который ввел понятие «разумный глаз». В отличие от него моя концепция «флюса» акцентирует внимание не на осознаваемости того, что направляет наши действия, а – наоборот – на том, что «собака зарыта» гораздо глубже, поскольку «разумный глаз» функционирует параллельно с «бездумным глазом» и, более того, первый может направляться, настраиваться последним под воздействием фактора доминирующей мотивации. Речь идет о ситуации неосознаваемого *редукционизма*, в которой в равной мере оказывается как «наивный» носитель языка, так и ученый-исследователь.

Для того чтобы вырваться из прокрустовых ложа, которое задается термином-словосочетанием «языковое сознание», представляется полезным прежде всего помнить, что речемышление протекает на различных уровнях осознаваемости. Это общеизвестный факт, о котором мы почему-то забываем. В работах Алексея Николаевича и Алексея Алексеевича Леонтьевых разграничиваются

четыре уровня осознаваемости: актуальное осознание, сознательный контроль, бессознательный контроль и неосознаваемое; имеет место постоянная динамика переходов между этими уровнями. Если к тому же принимать во внимание, что на уровень актуального сознания может поступать только ограниченное число единиц (вспомним о классической работе Д. Миллера «Магическая цифра семь плюс-минус два»), то становится очевидным, что осознаваемое как вершина, или пик, огромного айсберга, опирается на *массивную платформу* того, что за пределами актуализируемого обеспечивает его осмысление. Более того, при попытках *эпюцировать* используемые нами опоры мы оказываемся в позиции путника, пытающегося достичь линии горизонта: чем дальше идешь, тем дальше эта линия отодвигается, если заранее за конечную точку не принят какой-либо ориентир. В процессах речемышления и общения роль такого ориентира играет *переживание понятности*, достаточными для которого могут быть перцептивно-когнитивно-аффективные опоры, не находящие выхода в вербализацию и осознание, но мгновенно «подпирающие» понимание.

Хочу особо подчеркнуть, что *переживание* понятности и *вербальное описание* того, что именно понято, – разные процессы. Принципиальное различие между ними обуславливается, как мне представляется, следующим. Для акта мгновенного переживания понимания достаточен выход на табло сознания емких единиц внутренней речи, понятной «для себя» за счет многомерности образов сознания и их включенности в индивидуальный образ мира, составляющий ту самую платформу, основу гигантского айсберга, которая всегда так или иначе направляет процессы функционирования человека в мире, хотя он осознает это преимущественно в ситуациях затруднений или рассогласований между планируемым/ожидаемым и реально свершающимся. Для *вербального описания* понятого, особенно если оно сразу ориентировано «на других», необходимо от континуальности, многомерности, объемности, предметности, эмоционально-оценочной окрашенности образов сознания в их множественных связях и отношениях перейти к использованию *дискретных языковых единиц*, к тому же комбинируемых по

определенным прескрептивным правилам. Каждому известно, что даже когда более или менее развернутое вербальное описание понятого делается «для самого себя», мы неоднократно уточняем, детализируем, пересматриваем эти описания. Такие процессы *надстраиваются* над первичным по своей функции актом переживания понимания и включают *рефлексию* и *интерпретацию* с *постоянным контролем* того, насколько удачно дискретные языковые единицы способны отобразить многомерный континуум понятого или задуманного.

Так, мы приходим к проблеме *роли слова* (и шире – языка) в функционировании того, что принято называть языковым сознанием.

Обсуждение этого вопроса невозможно вне контекста актуальных проблем мировой науки, в которой произошло осознание необходимости пересмотра некоторых постулатов, казавшихся незыблемыми и принятыми в качестве истины в последней инстанции. Так, в публикациях последнего десятилетия все чаще высказываются сомнения в том, что язык может рассматриваться как самостоятельная сущность. Вместо этого звучат предположения, что язык «паразитирует» на невербальных средствах репрезентации мира у человека; он не может ничего значить сам по себе, без опоры на перцептивные и когнитивные процессы и на эмоционально-оценочные переживания индивида. В этой связи важно прежде всего подчеркнуть, что переход на антропоцентрическую парадигму (если он не просто декларируется, а действительно реализуется!) несомненно требует рассмотрения языка как одного из психических процессов, который может протекать только во взаимодействии с другими психическими процессами. В свете сказанного языковое произведение оказывается ключом ко множеству далеко не всегда поддающихся вербализации продуктов различных процессов переработки индивидом его разностороннего опыта взаимодействия с окружающим миром. Слово выступает в качестве средства фиксации таких продуктов *для самого себя и для общения* с окружающими.

К сожалению, в научных исследованиях не принято разграничивать эти две ситуации: «для себя» и «для других» – *вторая по умолчанию принимается за тождественную первой*, хотя на самом деле они различаются

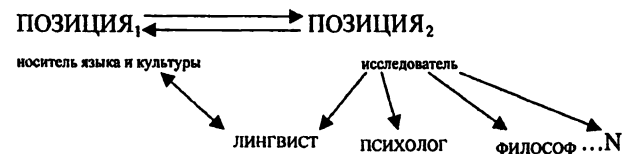
по многим параметрам. Для индивида слово играет роль своеобразного «якоря», ориентира, посредством которого на разных уровнях осознаваемости или «высвечивается» некоторый фрагмент предшествующего (вербального и невербального) опыта индивида, имеющий смысл по принципу «для меня – здесь – и сейчас», актуализируемый в определенном ракурсе и с теми или иными «поправками», которые учитывают специфику наличных прагматических факторов. Этот ракурс может варьироваться, обуславливая глубину развертки, а также яркость, отчетливость высвечивания множественных объектов, качеств, признаков, связей, отношений, переживаний, фактически – разнообразнейших многоступенчатых *выводных знаний*, так или иначе связанных со словом. С этих позиций весьма наивной представляется вера некоторых исследователей в то, что якобы можно описать содержание некоторой языковой единицы в том виде, в каком она присутствует в сознании носителей языка. В данном случае следует уточнить, что мы можем лишь *строить определенные предположения, модели и подобное* в отношении того, что не поддается прямому наблюдению, по-разному проявляется в экспериментах в зависимости от ряда взаимодействующих факторов и к тому же по-разному видится нам под воздействием наших теоретических «флюсов».

Сказанное весьма существенно для обсуждения ряда актуальных сегодня проблем. Одна из них – это проблема соотношения понятий «образ мира» и «языковая картина мира». Одного только разграничения позиций «для себя» и «для других» достаточно для демонстрации неравнозначности этих понятий. То, что фиксируется в языковой картине мира через слово, указывает всего только на некоторый *диапазон возможностей идентификации* какой-то – нередко весьма приблизительной – *позиции в континуальном и многомерном образе мира*, а взаимопонимание, каким бы полным оно ни казалось, на самом деле чаще всего представляет собой преодоление трудностей из-за почти неизбежных «недолетов» или «перелетов» в наших поисках возможности координации таких позиций.

Еще одна проблема: *какой должна быть наука, способная обеспечить теоретическую базу и процедуры для исследования языко-*

вого сознания, для описания образа мира и т.п.? Стало весьма популярным говорить в подобных случаях о *взаимодополнительности* наук, в том числе – психолингвистики и лингвистики, поскольку лингвистика одной из своих задач ставит описание языковой картины мира, а только через язык мы можем судить о тех или иных проявлениях интеллектуальной жизни человека. К сожалению, требование взаимодополнительности нередко оборачивается *удобной ширмой* для прикрытия чисто *эkleктических* по своей сути изысканий, в которых результаты экспериментов с обращением к языковой способности носителей языка и культуры обсуждаются в терминах денотативного, коннотативного и сигнификативного значения; материалы свободных ассоциативных экспериментов анализируются с позиций парадигматических и синтагматических связей, устанавливаемых на основе жестких лингвистических критериев, вообще не применимых в подобной ситуации, и т.п. Таким образом, оказывается, что в психолингвистический контекст вклиниваются термины иной парадигмы, что не способствует научности исследования. Напомню, что еще Л.В. Щерба предостерегал от подмены таких, по его выражению, «теоретически несоизмеримых понятий», какими являются языковая система и речевая организация индивида (в современных терминах – языковая способность человека). Широко распространено и встраивание психолингвистических категорий в лингвистические парадигмы.

Чтобы подойти к ответу на вопрос, какой должна быть искомая наука, представляется очень важным разграничить две позиции, в которых в принципе фигурируют *язык, языковое сознание, образ мира, языковая картина мира* и т.д.

В позиции с индексом «1» имеет место *реальное функционирование языка, языкового сознания и т.д.*, а в позиции с индексом «2» – то, каким это предстает с позиций отдельной науки, т.е. в рамках целенаправленно разработанной модели. Поскольку каждый исследователь в то же время является и носителем определенного языка, он считает

себя вправе судить о том, как язык функционирует, по его мнению, «на самом деле», в то время как в действительности он описывает всего лишь *тот продукт рефлексии и интерпретации, который обусловлен действием соответствующего теоретического «флюса»*. При постановке задачи взаимодополнительности результатов исследований, полученных в ряде наук о человеке, из смежных наук берутся теоретические положения и эмпирические факты, а чаще без нее, после некоторой их адаптации согласующиеся с исходными теоретическими постулатами; то, что сюда не вписывается, не замечается или намеренно игнорируется. Однако наука, действительно имеющая *объяснительную силу*, должна быть способной не только дать теоретическое обоснование противоречивых фактов, но и, более того, – прогнозировать возможные отклонения от разрабатываемых ею базовых положений. Хочу высказать свое убеждение в том, что подобную задачу может решить только **интегративный подход** к анализу языка как достояния человека, разрабатывающий соответствующую теорию на базе того, что на современном этапе развития мировой науки известно о человеке как индивиде и члене социума со всеми вытекающими отсюда следствиями. Каким же должен быть такой подход?

В книге Петера Гэрденфорса, посвященной концептуальным полям, автор сравнивает себя с кентавром, стоящим на четырех ногах и машущим двумя руками. В роли ног выступают философия, компьютерное моделирование, психология и лингвистика; свою цель П. Гэрденфорс видит в том, чтобы тем самым объединить идеи из разных дисциплин в некоторую *общую теорию репрезентации*. Одна рука кентавра машет, чтобы привлечь внимание инженеров и конструкторов роботов для разработки искусственных систем, способных решать когнитивные задачи, для чего необходимо располагать гипотезами относительно того, как репрезентируется используемая такими системами информация. Вторая рука машет, чтобы привлечь исследователей-практиков (в основном в области лингвистики и психологии), поскольку автор делает попытку объяснить некоторые аспекты формирования концептов, индуктивного рассуждения и семантики естественного языка. Нейронауке в этом обра-

зе кентавра почему-то отведена роль хвоста. Как ни странно, П. Гэрденфорс полностью забыл о том, что у кентавра к тому же должна быть еще и голова, добавление которой при определенных условиях должно снять хотя бы часть стоящих перед гипотетическим кентавром проблем.

К числу таких проблем П. Гэрденфорс относит прежде всего то, что дисциплины, которым он отвел место ног кентавра, «несут» его в разных направлениях (особенно в случаях, когда речь идет о вопросах методологии), отсюда имеется большой риск, что этот кентавр кончит тем, что поскользнется на все четыре ноги. Ни одна из этих наук не будет удовлетворена результатами попытки объединить идеи из разных дисциплин в некоторую общую теорию репрезентации: философы будут жаловаться на слабость аргументов; психологи укажут, что не учтены многочисленные свидетельства того, как формируются концепты; лингвистов не устроит анализ семантики, а специалисты в области компьютерного моделирования высмеют за то, что не разработаны алгоритмы для описываемых процессов.

Мне представляется, что избежать подобного положения вещей можно в случае, если роль головы гипотетического кентавра будет отведена *интегративному подходу* к исследованию и объяснению особенностей и механизмов интеллектуальной жизни человека. Более того, интегративный подход не только сделает более устойчивыми названные выше четыре ноги, координируя их поступь при движении в едином направлении, но и значительно увеличит количество таких ног-опор в первую очередь за счет изменения роли нейронауки, несомненно, составляющей одну из ее фундаментальных основ, а также добавления не менее важных исследований в области семиотики, культурологии, онтогенеза и т.д., не говоря уже о том, что «рук» (если действительно есть необходимость их особо выделять) тоже может быть значительно больше. Однако таким образом вместо кентавра у нас получится некая многоножка-многоручка, не нашедшая описания ни в естественных науках, ни в мифологии, поэтому я вернусь к сделанному ранее разграничению двух позиций, чтобы особо подчеркнуть необходимость постоянного соотнесения продуктов научных изысканий (предлагаемых концеп-

ций, гипотез, моделей и т.д.) с обнаруживаемыми совокупными особенностями, закономерностями, условиями протекания *естественных процессов* функционирования языка в познании и общении. Вот почему на рисунке, где представлены две позиции, проведена дополнительная линия, соединяющая научные подходы с позицией носителя языка и культуры.

При решении этой сложнейшей задачи важно исходить из «презумпции ума», т.е. признания правомерности суждений с разных позиций, поскольку каждое из альтернативных мнений может нести в себе рациональное зерно, увидеть которое можно лишь благодаря определенному углу зрения. Одно из преимуществ интегративного подхода состоит в том, что он не может принять никакую из имеющихся точек зрения как единственно правомерную, поскольку изначально признается необходимость подлинной взаимодополнительности (но не эклектического сочетания) как можно более разнообразных «углов зрения» на изучаемый объект в целях его разностороннего описания и объяснения.

Достижение такой цели требует многих лет согласованных научных изысканий, для проведения которых нужны *кадры* молодых

исследователей, *не скованных «табу» той или иной науки, исходные постулаты которой могли уже перейти в статус предрассудков.* Подготовка таких кадров – одна из первостепенных задач современного вуза. Однако речь идет не о формировании своеобразных «научных космополитов», способных ухватить кое-что из разных наук, чтобы далее чувствовать себя всезнайками, готовыми вещать истину в последней инстанции. Необходимо другое: молодые специалисты должны быть хорошо информированными о необычайной сложности стоящих перед ними проблем, о возможных подходах к их решению, об ошибках и достижениях на тернистом пути, уже пройденном учеными в разных странах, а также о том, какие возможности открываются для специалиста, действительно увлеченного наукой и разносторонне подготовленного как для проведения теоретических изысканий, так и для организации экспериментальных исследований.

При таком подходе и при таких условиях будущему поколению исследователей, возможно, удастся ближе, чем нам, подойти к разгадке тайны естественного семиозиса и той роли, которую играет в нем то, что мы называем языковым сознанием.

Н.О. Золотова

ЯДРО МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ В ПОЗНАНИИ И ОБЩЕНИИ

Динамика представлений о лексиконе человека неизбежно соотносится с общими тенденциями развития психолингвистики, когнитологии и других наук о человеке. В центре внимания исследователей, занимающихся проблемами словаря «в голове» человека, обычно оказывается целый ряд вопросов, касающихся того, что понимается под значением слова как единицы ментального лексикона, какие именно функции оно выполняет в речемыслительных процессах, как организован ментальный лексикон, каким образом осуществляется доступ к его единицам и т.п.

Как замечает Дж. Эйтчисон, необходимость делать предположения относительно структуры чего-либо неизвестного заставляет исследователей в поисках вдохновения обращаться к арсеналу метафор [25, с. 33]. В ее работе уделяется внимание истории формирования интуитивных идей, связанных с устройством человеческой памяти. Изменение образных представлений о внутренней сущности этого феномена отражает общую тенденцию рассматривать его как некое «место», «хранилище» (знаний), на что намекают аналогии с птичьей клеткой у Платона, сокровищницей у Цицерона, мансардой (чердаком) у Конан Дойла, библиотекой у Канта.

Разнообразное содержимое перечисленных вместилищ трудно привести в надлежащий порядок, за исключением библиотеки, в которой книги распределяются по основным рубрикам в соответствии с централизованным каталогом, дающим информацию о каждой книге и ее местонахождении. «Библиотечная» метафора оказалась приложимой не только к памяти в целом, но и к ментальному лексикону, где слова уподобляются книгам на полках. В свою очередь в эру развитых технологий уже не библиотека, а современные системы, связанные с хранением и передачей информации, являются источником актуальных метафор памяти и ментального лексикона.

Речь идет о «компьютерной метафоре», которая в современных когнитивных исследованиях имеет тенденцию заменяться на «мозговую» («brain metaphor») в связи

с появлением постоянно усложняющихся компьютерных систем очередных поколений, пытающихся имитировать человеческий мозг как механизм внутренней переработки информации. Отметим, однако, что обе метафоры так или иначе отражают подход к лексикону с точки зрения моделирования искусственного интеллекта. Стремительное развитие компьютерных технологий и соответственно рост потребностей пользователей компьютерных систем вынуждают исследователей искусственного интеллекта решать такие практические задачи, как разработка лексических баз данных для обработки текстов на естественном языке; на пути к достижению этой цели возникают проблемы понимания и усвоения слова компьютерной системой. Таким образом, с одной стороны, осознается тот факт, что лексикон является проблемой для развития подобных систем, а с другой – становится очевидным, что модель ментального лексикона, основанная на представлении о «модуле» как составляющей искусственного интеллекта, далека от психологической реальности: лексикон рассматривается в отрыве от его носителя – человека, включенного в социальный и коммуникативный контекст. В этом и заключается ограниченность «компьютерной» метафоры как опоры для формирования представлений о лексиконе «живого» человека (не только думающего, но чувствующего и переживающего), его ментальной организации.

Начиная с семидесятых годов предыдущего столетия, в отечественной психолингвистике активно развивается концепция внутреннего лексикона как достояния индивида. В работе А.А. Залевской [3] ряд определений внутреннего (ментального) лексикона человека и принципы его организации последовательно выводятся из рассмотрения специфических (психофизиологических) особенностей речевой организации человека, описанных Л.В. Щербой. Дальнейшее развитие этих идей с позиций психолингвистики послужило основанием для современной трактовки ментального лексикона как лексического компонента речевой организации

человека, обладающего теми же свойствами, которые специфичны для речевой организации в целом, т.е. лексикон понимается не как пассивное хранилище сведений о языке, а как динамическая функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянного взаимодействия между процессами переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами [7].

По мнению Н.Д. Арутюновой, «смена научной парадигмы всегда сопровождается сменной ключевой метафорой, вводящей новую область уподоблений, новую аналогию» [2, с. 15]. В основе метафоры, дающей ключ к пониманию специфики индивидуального (ментального) лексикона в изложенной выше трактовке (см. [3]), лежит представление о голограмме. «Голографическая» метафора этимологически восходит к греческому «holos» – «весь», «полный», «целый». Целостный, объемный образ лексикона выстраивается как система многоярусных многократно пересекающихся полей, с помощью которых упорядочивается и хранится в более или менее полной готовности к употреблению в деятельности разносторонняя информация о предметах и явлениях окружающего мира, об их свойствах и отношениях, об их оценке индивидом и т.п. Роль слова как единицы, функционирующей в ментальном лексиконе, при подобном подходе сравнивается с ролью лазерного луча при считывании голограммы: «...оно делает доступным для человека определенный условно-дискретный фрагмент континуальной и многомерной индивидуальной картины мира во всем богатстве связей и отношений, полнота которых обеспечивается в разной мере осознаваемой опорой на прямые и/или опосредованные выводные знания и переживания разных видов» [6, с. 245].

Идея «целостности» тесно переплетается с понятием «живого». «Непрерывным признаком живого знания является его целостность» [9, с. 34]. Живое знание – это знание живого о живом [9, с. 30]. Мы понимаем это как знание пристрастного носителя языка и культуры о мире, о себе самом, включая язык, с позиций «для меня-здесь-и-сейчас». Доступ к живому знанию происходит через ментальный лексикон, единицы которого задействованы в процессах идентификации (опознания) актуальной для человека информации, выводящей в конечном итоге на образ мира,

в контексте которого происходит понимание. Можно предположить, что эффективность этого процесса будет обусловлена участием в нем именно тех единиц, специфические характеристики которых позволяют им выступать в качестве необходимых человеку опор.

Таким образом, пространство такого ментального образования как лексикон предполагает некую внутреннюю организацию его единиц, которая в состоянии обеспечить человеку возможность успешного пользования им. Упорядоченность хранения знаний в формах репрезентации, оптимальных для использования в речемыслительной деятельности, соотносится со сложной конфигурацией ассоциативных связей, неравноценных по своей энергетике: наиболее активные фокусируются в ядро, вокруг которого распределяются все остальные связи. Активизация любого участка лексикона приводит к передаче возбуждения в центр, единицам ядра: сила ассоциативных связей последних позволяет им одновременно входить в ассоциативные поля менее активных единиц. Этот факт позволяет рассматривать единицы ядра в качестве эффективных средств кодирования ситуаций, связанных с прошлым и текущим опытом человека и обеспечивающих незатрудненный доступ к следам этого опыта в памяти, полному объему хранимых там энциклопедических и языковых знаний, сопровождаемых эмоциональными впечатлениями и вырабатываемыми в социуме аксиологическими ориентирами.

Экспериментальные материалы «Ассоциативного тезауруса английского языка» [27] предоставили возможность исследовать ассоциативную структуру лексикона с точки зрения ее неоднородности: подсчет не только количества исходящих и входящих связей, но их силы позволил обнаружить центральную часть ассоциативной сети со множеством связей, все более разреживающихся по направлению к периферии, названного ядром лексикона, что впервые было зафиксировано А.А. Залевской [4]. В нашем исследовании [10], ставившем своей целью детальное изучение специфики единиц ядра лексикона, было расширено количество единиц, относимых к ядру, выделены пять «слов» ядра ментального лексикона с разными уровнями активности входящих в них единиц и установлены такие специфические

свойства единиц ядра, как выраженная степень конкретности их значений и легкости, с которой эти единицы могут включаться в более обширную категорию, способность без труда вызывать мысленный образ в сознании, эмоциональная значимость для носителя языка как личности и т.п. Было также выявлено, что перечисленные характеристики так или иначе связаны с ранним возрастом усвоения этих единиц и в комплексе отражают их чувственную природу.

В более поздних исследованиях лексики, ставящих своей задачей рассмотрение языка с позиций обыденного сознания его носителя, рассматривается вероятностная организация внутреннего лексикона человека [1]; сопоставляются ядра лексиконов носителей русского и английского языков с акцентированием внимания на национально-культурной специфике языкового сознания [20; 21]; описывается стратумная презентация ассоциативного тезауруса ребенка 3–6 лет с выделением ядра его внутреннего лексикона [19]; исследуется ассоциативный стандарт младшего школьника – наиболее активное ядро его лексикона [18] и т.д. Сам факт выделения в подобных исследованиях ограниченного количества единиц, обладающих максимальной ассоциативной силой и называемых ядром лексикона, может рассматриваться как признание последнего универсальной тенденцией в организации ментального лексикона носителя любого языка, а принадлежность некоторых единиц лексикона к его ядру определяется их особым статусом в познании и общении.

Представляется, что на текущем этапе изучения особенностей ядра ментального лексикона особую актуальность составляет разработка теории, способной дать объяснение функциональной значимости обсуждаемых единиц в организации ментального лексикона в целом и в процессах ориентации человека в окружающем (хаотическом) мире, где они используются как своеобразные и необходимые ориентиры. Основой для такой теории может служить предложенная А.А. Залевской [5] концепция слова как средства доступа к единой информационной базе человека как сложному продукту перцептивно-когнитивно-аффективной переработки индивидом его многогранного опыта познания и общения, а также принятая в русле этой концепции трактовка ментального лек-

сикона, обсуждаемая выше. В нашем исследовании [11; 12; 13] названная исходная теория и результаты сопоставительного анализа материалов ассоциативных экспериментов с носителями разных языков и культур в сочетании с представлениями о распространяющейся активации в ассоциативных сетях и базовыми положениями теории хаоса позволили сформулировать ряд положений, связанных с установлением функциональной роли единиц ядра, с одной стороны, как действительных идентификаторов в процессах познания и общения, а с другой – как специфических аттракторов, обеспечивающих организацию ментального лексикона оптимальным для их использования способом. К числу таких положений относятся следующие.

- Эффект опознания слова для неисключенного носителя языка заключается в «переживании» слова как понятого (правильно или неправильно), за счет соотнесения «неизвестного», «сложного» с «хорошо знакомой» и «простой» единицей, функционально достаточной, чтобы стать средством выхода на индивидуальный образ мира, вне которого никакое понимание или взаимопонимание невозможно.

- Роль таких средств (идентификаторов) выполняют единицы ядра, которые служат отправными пунктами внутренней референции и активизации возможного выводного знания, направляющего процессы понимания.

- В норме подобные процессы протекают в скрытых как от носителя языка, так и от исследователя формах и принадлежат исключительно области подсознания. В ряде ситуаций, требующих разъяснения значений слов «для себя» или «для других», идентификатор может быть вербализован, сигнализируя таким образом о констатации факта понимания и о метакогнитивной и метаязыковой функциях единиц ядра. Актуализация идентификатора как база для самокоррекции наблюдается также в случаях затруднения понимания и/или рассогласования между ожидаемым и реализованным: при оговорках, речевых ошибках, разгадывании языковых трюков, трудностях в «подборе слова» для наиболее точной передачи смысла и т.п.

- Эффективность функционирования идентификаторов обеспечивается сложной конфигурацией ассоциативных связей, нерав-

ноценных по своей энергетике: наиболее активные связи фокусируются в гетерархии единиц ядра лексикона, выступающих в роли *аттракторов*, организующих все остальные связи.

Изложенные представления о функциональной роли единиц ментального лексикона человека как и базовые положения принятой нами за исходную теории лексикона как самоорганизующейся системы хорошо согласуются с результатами отечественных и зарубежных научных исследований последних лет. В их числе следует назвать целостную концепцию значения как достояния человека К. Харди [26].

В терминах концепции К. Харди интересующие нас единицы могут трактоваться как констелляции значений, или семантические констелляции, под которыми автор подразумевает специализированные сети, объединяющие и организующие все связанное в опыте индивида. Допускается, что такая сеть объединяет все возможные типы элементов, в том числе не только языковые, но и любые *физиологические, психологические и мозговые процессы* (такие как ощущения, аффекты, процедуры, жесты, паттерны поведения и соотносимые с ними нейрологические процессы), являясь, таким образом, *единицей нашей ментальной жизни* [26, с. 16]. Понимание ментальных образований как интегральных, т.е. включающих разнообразные виды компонентов опыта (в том числе словесно-речевой, визуально-пространственный, чувственно-сенсорный, операционально-логический, мнемический, аттенционный), находим у М.А. Холодной [24].

Подобное определение близко нашему пониманию единиц ядра ментального лексикона как ментальных образований, тесно связанных с их нейрофизиологическими основами, а то, что доступно наблюдению в ходе ассоциативных экспериментов, является их возможной вербализованной стороной. В этом смысле нам понятен скепсис К. Харди по поводу того, что вряд ли вербальные единицы способны отобразить богатство значимого опыта; отображение может быть только очень обедненным, поскольку не существует изолированного значения: все имеет значение по отношению к другим значимым сущностям. Чтобы быть понятыми, слова требуют других слов, которые, в свою очередь,

репрезентируют сложные концепты [26, с. 18]. Подобное можно наблюдать в ходе свободно-го ассоциирования, когда налицо имплицирование одного слова другим, прямо или через цепи ассоциаций приводящим к словам-идентификаторам. Актуализация идентификаторов имеет место также в ситуации саморефлексии и при восприятии чужого текста.

Означенное выше явление «разъяснения одних слов через другие» может реализоваться только за счет слов, хорошо знакомых человеку, а такими, скорее всего, будут слова, усвоенные в детстве, значения которых достаточно конкретны и эмоционально-образны в контексте внутреннего мира человека. Психология интеллекта изучает формирование метаязыковых навыков в раннем детстве в процессе овладения языком и общего интеллектуального развития. Наблюдения над фактами языка и высказывания по этому поводу в дошкольном возрасте носят яркий творческий характер и отражают становление языковой личности. В школьном возрасте, с началом обучения ребенка чтению и письму, а затем и второму (иностранному) языку, на первый план выступает сознательное отношение к закономерностям языка и речи. Процесс развития языковой личности продолжается вместе с интеллектуальным ростом, одним из важных показателей которого выступает наличие контроля над работой собственного ума. Психологической основой регулирующих эффектов в работе интеллекта являются, по мнению М.А. Холодной, особые ментальные структуры, отражающие метакогнитивный опыт человека. Их основное назначение – определять, где, когда и как будут использоваться наличные индивидуальные интеллектуальные ресурсы [24, с. 127]. В ряд основных психологических индикаторов сформированности метакогнитивных структур опыта, лежащих в основе произвольного интеллектуального контроля, входит способность выбирать стратегию собственного обучения и модифицировать ее под влиянием новых требований и с учетом своих интеллектуальных возможностей. Как считает М.А. Холодная, жизнь и другие люди, конечно, учат многому. Однако вопрос заключается в том, что эти уроки могут оказаться бесполезными, если они не сочетаются со способностью человека к произвольному

самообучению [24, с. 131]. Таким образом, формирование метаязыковых способностей находится в зависимости от уровня когнитивного развития ребенка, в частности от специфики протекания метакогнитивных процессов, отвечающих за управление ходом текущей интеллектуальной деятельности.

Размышления о языке свойственны и его взрослым носителям, причем не только профессиональным лингвистам: «наивный» пользователь языка также думает о языковых процессах и делает это довольно часто. Зыбкость границ между «профессионалом» и «непрофессионалом» в языковой ситуации обусловлена тем, что и тот, и другой являются действующими языковыми субъектами, носителями одного языка и культуры. В этой связи трудно не согласиться с В.Б. Кашкиным по поводу того, что человек является и субъектом, и объектом в сфере гуманитарных исследований, граница между ними лишь функциональна и возникает в процессе деятельности, метакогнитивной по своей сути [14, с. 7]. Это приводит к тому, что в научных теориях можно увидеть следы наивных представлений об устройстве языка, а рядовой пользователь «позволяет себе» рассуждать о языковых явлениях, развивая так называемую повседневную философию языка. Бытовая философия языка представляет собой систему мифологем, организующих жизнь и деятельность индивида в языке и с языком: ее основу составляет скрытый слой мифов и поверий относительно природы языка и его единиц, а также эксплицитные мини-теории о том, как устроен язык, как его следует изучать и т.п. [14, с. 12].

Нетрадиционное понимание сознания в работе М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского обуславливает оригинальную постановку проблемы метаязыка как достояния самого сознания, а не теории (или науки) о нем [17]. Рассуждая о сознании, авторы разграничивают первичный и вторичный метаязык, полагая, что кроме метаязыка, который создается исследователями с целью построения метатеории сознания, существует и другой, первичный, метаязык самого сознания как некоторая *естественно функционирующая сила*. Следы первичного метаязыка можно обнаружить в древнеиндийских трактатах о языке или других мифологических системах: индологи и лингвисты привычно

рассматривают древнеиндийские грамматические представления как знание о языке и как зачатки научной грамматики языка, якобы содержащиеся в этих текстах. По мнению ученых, эти представления являются «естественными образованиями», условиями «работы» самого языка, внутренней возможностью функционирования любого языка, независимо от существования какой-либо науки о языке [14, с. 67–68]. Такого же рода параллель наблюдается и в древнеиндийских теориях сознания. Сознание и язык, в понимании авторов, относятся к такому типу предметов, которые могут функционировать лишь при условии существования каких-то представлений (метапредметов) о самих этих предметах. Важно отметить, что эти метавысказывания о предметах, являющиеся одновременно элементами функционирования самого этого предмета, могут существовать в совершенно объективной форме как метаобразования, условно называемые прагмемами. Последние существуют в силу прагматической связи человека с ситуацией его деятельности и возникают в силу этой прагматической связи как объекты, обслуживающие ее [17, с. 68]. Понимание первичного метаязыка сознания в терминах М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского, сформулированное вне классической проблемы соотношения субъекта и объекта, находит свое развитие в психолингвистических представлениях о метаязыковой и метакогнитивной функциях ядра ментального лексикона человека [12], при этом разграничивается *первичный метаязык индивида* («наивного» носителя языка) как специфический функциональный орган – новообразование, появляющееся в онтогенезе, и *вторичный метаязык*, который используется лингвистом, строящим описательную модель исследуемого объекта.

Концепция функциональных органов индивида достаточно хорошо развита в отечественной физиологии активности и в психологической теории деятельности, а строгое определение понятия функционального органа как «всякого временного сочетания сил, способных осуществить определенное достижение», принадлежит А.А. Ухтомскому [22, с. 95]. Он объективировал субъективное, психическое в «теле» функциональных органов индивида, которые считал не менее реальными, чем морфологически сложившие-

ся образования. И если в ходе эволюции изменения по существу не коснулись морфологических признаков человека, таких как, например, строение человеческой руки, то в усовершенствовании тех орудий, которыми рука действует (т.е. орудий труда), они проявились наиболее ярко.

Обозначенная таким образом ситуация в практической трудовой деятельности человека, опосредствуемой орудиями труда, может быть перенесена и на теоретическую, в первую очередь познавательную деятельность, опосредствуемую тем, что Л.С. Выготский называл «психологическими орудиями», т.е. знаками, которые видоизменяют протекание и структуру психических функций. Формирование новых способностей человека происходит в результате специфической деятельности объединения различных физиологических механизмов в единую функциональную систему, называемую А.Н. Леонтьевым, вслед за А.А. Ухтомским, «функциональным органом». Об этом говорит А.А. Леонтьев в одной из своих ранних работ, опубликованных недавно [16]. К числу таких функциональных органов относят движения, действия, образы восприятия, человеческую память, мышление, знание, сознание, эмоции, включая любовь, и многое другое, возникающее в активном взаимодействии со средой. По сути дела, к числу таких органов можно отнести все феномены психической жизни человека, в том числе и язык.

Возвращение к понятию функционального органа на почве органической психологии было осуществлено В.П. Зинченко: замечательная идея Л.С. Выготского о «зоне ближайшего развития ребенка» трансформируется им в идею о перспективе бесконечного развития человека, его духовного (само)развития. Исследователь предлагает рассматривать развивающуюся личность человека как живой организм, приобретающий в ходе своего духовного развития (роста) все новые и новые функциональные органы («психологические функциональные системы» в терминах Выготского), наделенные телесными свойствами и качествами, например, биодинамической, чувственной, аффективной тканью [8].

Восхождение к духовности, по мнению В.П. Зинченко [9], опосредствовано различными формами внешней и внутренней активности субъекта: коммуникацией, жизнедеятельностью, поведением, рефлексией и т.д.

Помимо форм активности имеется особый класс медиаторов, главными из которых являются знак, слово, символ и миф. Таким образом, важнейшей характеристикой живой системы (человека, социума) является возможность создания ею в процессе становления и развития недостающих ей органов. Сказанное можно в полной мере отнести к ситуации овладения языком в раннем детстве.

Процесс формирования внутреннего лексикона, в частности его ядра, начинается в дословесный период, протекает одновременно с необходимыми структурными изменениями психики новорожденного ребенка, в контексте общего системного психофизиологического развития, которое может рассматриваться как «то русло, в границах которого «зреет зерно» будущей речевой способности» [23]. Аналогичная метафора используется и М. Коулом, он говорит о «семенах языка», с которыми рождаются дети, имея в виду их богатые речевые возможности [15]. Вопрос в том, каковы же тогда условия, при которых эти семена прорастут и расцветут? Здесь исследователь обращается к метафоре сада: для того, чтобы продолжалось развитие проклюнувшегося из семени ростка, он теперь должен получать солнечный свет. Как семя в почве, человеческое дитя должно иметь достаточную поддержку: оно должно быть согрето и накормлено, иначе оно умрет [15, с. 227]. Однако, по мнению М. Коула, для освоения детьми большего, нежели зачатки языка (т.е. чтобы достигнуть в развитии стадии зрелого языка. – Н.З.), дети обязаны не только слышать (видеть) речь, но и *участвовать в деятельности*, которую этот язык помогает осуществить. Это вовсе не означает, что взрослые должны открыто учить языку; скорее, они должны предоставить детям участие в культурно организованных действиях, опосредованных речью [15, с. 230]. На наш взгляд, совместная деятельность является, с одной стороны, необходимым условием формирования функциональных свойств единиц, усваиваемых в первую очередь, а с другой – успешность такой деятельности зависит от постоянного обращения к этим единицам, т.е. их востребованности. Таким образом, единицы ядра служат целям идентификации, конкретизации, приобщения к живому знанию (неразрывно связанному с личностными смыслами и переживаниями) новых усваи-

ваемых единиц лексикона, которые увязываются друг с другом по множеству параметров. В этом заключается особая значимость таких единиц, «присвоенных» личностью в качестве *средства* выхода на образ мира и необходимого *условия* оперирования языком в речемыслительной деятельности и общении.

Акт приписывания значения чему-либо, имеющему для человека определенный смысл, неизбежно выводит на проблему референции в индивидуальном сознании. В традиционной лингвистической трактовке референция – это отнесенность имени к конкретному объекту в контексте высказывания, где контекст понимается исключительно как ситуативный и/или вербальный, т.е. как внешний фактор, направляющий процесс понимания «извне». В ментальном пространстве индивида внутренний контекст представлен всем предшествующим и текущим опытом человека: перцептивным, когнитивным, аффективным и находится во взаимодействии с внешним контекстом. Эффект переживания значимой информации как опознанной (идентифицированной) заключатся в мгновенном включении ее во внутренний контекст и соотношении с присутствующими там ментальными структурами (образами, представления-

ми, мыслительными схемами и т.п.). При необходимости результат подобной, чаще всего спонтанной, операции может быть вербализован, т.е. получит имя и актуализирует на уровне знака/слова, способного служить источником выводного знания как необходимого звена понимания.

На потенциальную возможность лексического значения вести к выводному знанию указывает П. Виоли [28], разрабатывающая концепцию семантики опыта и выводного знания. В ее терминологии слова являются семантическими конденсациями с определенной степенью синхронной стабильности, в связи с чем они могут эффективно рассматриваться как отправные пункты для человеческой деятельности по получению выводного знания – относительно фиксированные пункты, отталкиваясь от которых люди формулируют гипотезы в процессе понимания и приписывания значения тексту [12]. Сходным образом можно предположить, что относительная стабильность единиц ядра, связанная с их ранним появлением в онтогенезе и другими специфическими характеристиками, делает их когнитивно рельефными на фоне других единиц и создает предпосылки для возможного выводного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агибалов А.К. Вероятностная организация внутреннего лексикона человека: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990.
3. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. – Калинин, 1977.
4. Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, 1981.
5. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. – Воронеж, 1990.
6. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. – М., 1999.
7. Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография. – Тверь, 2001.
8. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М., 1997.
9. Зинченко В.П. Психологическая педагогика: Материалы к курсу лекций. Ч. 1: Живое Знание. – Самара, 1998.
10. Золотова Н.О. Специфика ядра лексикона носителя английского языка (на материале «Ассоциативного тезауруса английского языка»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1989.
11. Золотова Н.О. Ядро лексикона человека: формирование в онтогенезе // Психолингвистические исследования: слово и текст. – Тверь, 2002.
12. Золотова Н.О. Единицы ядра ментального лексикона как функциональные ориентиры // Психолингвистические исследования слова и текста. – Тверь, 2002.
13. Золотова Н.О. Функционирование единиц ядра лексикона в ментальных процессах // Язык и культура: функционирование и взаимодействие: Материалы Междунар. науч. конф. – Шимкент, 2003.

14. Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты коммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – Вып. 3. – С. 4–32.
15. Коул М. Культурно-историческая психология: Наука будущего. – М., 1997.
16. Леонтьев А.А. Социальное и естественное в семиотике // Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М., 2000.
17. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. – М., 1999.
18. Овчинникова И.Г., Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.Б. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). – Пермь, 2000.
19. Соколова Т.В. Ассоциативный тезаурус ребенка 3-6 лет: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 1999.
20. Уфимцева Н.В. Русские: Опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.
21. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000.
22. Ухтомский А.А. Избранные труды. – Л., 1978.
23. Ушакова Т.В. Детская речь – ее истоки и первые шаги в развитии // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – №3.
24. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования – СПб., 2002.
25. Aitchison J. Words in the mind: An introduction to the mental lexicon. – Malden MA; Oxford UK; Melbourne etc.: Blackwell Publishing, 2003.
26. Hardy C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter. – Westport, Connecticut; London, Praeger, 1998.
27. Kiss G.R., Armstrong G., Milroy R. The associative thesaurus of English. – Edinburg: Univ. of Edinb., MRC Speech and communication Research Unit, 1972.
28. Violi P. Meaning and experience. – Bloomington: Indiana University Press, 2001.

А.Г. Сонин

ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОНИМАНИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ

Бурное развитие новых средств массовой коммуникации постепенно приводит к снижению исключительной значимости печатного слова в создании, преумножении, хранении, поиске, обработке и распространении знаний. Использование новых технологий позволяет соединять вербальную информацию с наглядной, аналогической. Небывалое распространение таких произведений обусловило интерес, который стали проявлять специалисты в самых разных отраслях науки к механизмам динамического взаимодействия между вербальной и образной составляющими мультимедийного текста (МТ), а также к интерактивным формам работы с текстом, обеспечиваемым персональным компьютером.

Очевидно, что новые тексты предполагают новые способы чтения, репрезентации и концептуализации. Возможно, когнитивные механизмы, используемые при постраничном чтении вербального текста, отличаются от тех, что задействованы индивидом при чтении гипертекста в Интернете, а репрезентация содержания полимодального вербально-рисуночного текста строится иначе, чем репрезентация содержания вербального произведения. В связи с этим перед исследователями встают задачи выяснения специфики мотивационных, когнитивных и других механизмов, используемых для понимания текстов нового типа, раскрытия особенностей взаимодействия между разными перцептивными модальностями и семиотическими системами в рамках одного текста, уточнения механизмов воздействия на индивида каждой из отдельно взятых составляющих МТ, установления степени эффективности и целесообразности использования таких текстов, связанной со способностью индивида их интегрировать, и многие другие.

Если поначалу представлялось очевидным, что мультимедийные произведения должны характеризоваться большей эффективностью в передаче информации по сравнению с близкими по содержанию вербальными произведениями за счет одновременного использования разных каналов передачи ин-

формации и за счет их более гибкой структуры, то вскоре эйфория прошла, как это уже не раз случалось, когда надежды, возлагаемые на технологические новшества, не сопровождались серьезным осмыслением форм и методов их использования. Многие экспериментальные исследования показали, что индивид может сталкиваться с серьезными затруднениями, пытаясь усвоить информацию, предлагаемую в мультимедийной форме [37]. Даже опытный пользователь нередко теряется в лабиринтах гипертекста, осуществляя поиск в Интернете, а ученик, использующий мультимедийную обучающую программу, далеко не всегда справляется с постоянными переходами от учебного видеоматериала к дидактическому комментарию и назад, будучи не в состоянии освоить новые когнитивные стратегии восприятия. Исследователи также ставят вопрос о когнитивных затратах, связанных с симультанным и квазисимультанным восприятием гетерогенных составляющих [29; 35]. Одним словом, радужные ожидания разработчиков мультимедийной продукции постепенно сменяются многочисленными вопросами и проблемами. Ясно лишь одно: простое соположение гетерогенных произведений без концептуального осмысления общих принципов построения МТ и специфики его понимания вряд ли приведет к революционным изменениям в отношениях человек-текст.

В этой работе делается попытка указать на самые общие проблемы, связанные с распространением МТ, раскрыть когнитивную основу специфики их понимания, уточнить особенности обработки гетерогенных составляющих текстов такого типа и установить механизмы взаимодействия между этими процессами. Однако прежде необходимо уточнить, что мы понимаем под мультимедийным произведением и на каких основаниях такое произведение может быть противопоставлено другим видам текста. Эта необходимость обусловлена тем, что понятийный аппарат, используемый для анализа МТ, находится еще в стадии формирования. Многие иссле-

дователи – как российские, так и западные – называют мультимедийным любой текст, включающий, кроме вербальной составляющей, произведение иной семиотической природы, что позволяет рассматривать в качестве мультимедийного такие разные формы, как иллюстрированный письменный текст, телевизионную передачу и функционирующий на основе компьютерной программы гипертекст Интернета. Представляется, что такое размывание границ изучаемого объекта не способствует взаимопониманию между специалистами, занимающимися его изучением. Предлагаемые далее определения рассматриваются как рабочие, направленные на частичное преодоление терминологической неустойчивости и неоднозначности, характеризующих исследования МТ.

Определение мультимедийного произведения

Соединение текстов различной семиотической природы привело к созданию самых разных комбинированных произведений. Сначала кинематограф, названный седьмым и «самым народным» из искусств, а затем и телевидение, быстро превратившееся в важнейшее орудие формирования общественного сознания, стали неотъемлемой частью жизни современного общества. Если к этим средствам коммуникации добавить комикс, рекламу в ее журнальном, плакатном или телевизионном вариантах, массовую компьютеризацию, а также все менее виртуальную сеть Интернета, то с большой долей уверенности можно говорить о заметном повышении роли смешанных вербально-изобразительных форм в культуре нового тысячелетия.

Зрительная информация, воздействующая на индивида по схеме «от увиденного к усвоенному», получает все более широкое распространение, нарушая монополию печатного текста на передачу информации в самых разных сферах жизнедеятельности человека. Как справедливо замечает Вайан, инструкции по эксплуатации все больше напоминают комиксы, настенные правила безопасности – детский альбом-раскраску, панели управления электробытовых приборов нередко содержат только идеограммы [44]. Печатная продукция сдает свои позиции под натиском телевидения и Интернета. В то же

время сами газеты и журналы продолжают увеличивать долю зрительной информации в предлагаемом читателю материале.

Стремление к максимальной очевидности и зрительной наглядности означаемого трудно отнести к специфическим чертам современного общества. Во все времена иконографические знаки предпочитались типографическим как на вывеске перед лавкой торговца или мастерской ремесленника, так и на родовом гербе дворянина, а такой важный элемент христианской культуры, как религиозное образование масс, в большой степени опиралось на иконы, фрески или витражи храмов. Таким образом, революционными можно считать достижения технического прогресса, открывающие новые возможности структурирования наглядной иконической информации, но не само стремление к ее широкому использованию.

Склонность человека к «совершенствованию изобразительной техники при стабильности вербальных средств информации» отмечается российскими исследователями Н.И. Гореловым и К.Ф. Седовым. Проследившая историю совершенствования коммуникативных возможностей человека, ученые приходят к выводу, что «для человека естественно увеличивать объем зрительной информации, ее ресурсы и возможности сравнительно с другими видами и средствами коммуникации» [54].

По-видимому, первыми и самыми простыми средствами массовой коммуникации, соединившими вербальный и изобразительный тексты, можно считать иллюстрированный роман и иллюстрированный журнал для детей. Специфика этих произведений, а также появившегося несколько позже комикса состоит в том, что включаемые ими тексты различны по своей семиотической природе, однако представляют собой лишь разные перцептивные модальности зрительного восприятия. Никакие другие каналы при чтении таких текстов не задействуются. В связи с этим подобные тексты в дальнейшем будут называться *полимодальными*, а их семиотически разнородные составляющие – *гетерогенными*. Необходимо отметить, что при всей «простоте» таких произведений по сравнению с телевизионными передачами и компьютерными программами, восприятие которых требует подключения дополнительных каналов, раскрытие когнитивных механизмов понимания

полимодальных текстов остается крайне сложной проблемой, исследование которой до сих пор не преодолело уровень эмбрионального развития.

В отличие от полимодальных текстов тексты **многоканальные** позволяют гибко комбинировать более широкий спектр гетерогенных составляющих. Кроме письменного вербального текста, в них входят звучащий устный текст диалогического характера и квазиустный (прочитанный вслух письменный) текст комментариев. Звуковая составляющая также может включать шумовые и музыкальные средства структурирования текста. Рисуночные изобразительные произведения нередко обогащаются в таких текстах элементами анимации (мультипликационные произведения), а также видеоматериалами. Целесообразность использования элементов анимации признается далеко не всеми исследователями. Так, Р. Лоу утверждает, что у индивидов, не имеющих достаточных знаний в области, к которой относится изучаемый текст, анимация может вызывать проблемы с усвоением содержащейся в нем информации. Исследователь объясняет этот экспериментально установленный факт перегрузкой внимания: фиксация отношений между различными фреймами анимации не оставляет достаточно ресурсов для других когнитивных действий, обеспечивающих понимание и усвоение содержания текста. Лоу указывает еще на одну немаловажную проблему. Согласно его наблюдениям новички отмечают и запоминают в первую очередь не концептуально релевантные, а формально выделенные компоненты текста: те, что подвергаются наиболее заметным изменениям или, наоборот, остаются практически неизменными. В связи с этим при несовпадении степени формальной выделенности компонентов многоканального текста и степени их концептуальной значимости неподготовленный реципиент испытывает серьезные затруднения с построением программируемой создателями этого текста ментальной репрезентации [30]. Заключение Лоу отчасти подтверждается экспериментами Д. Ливолтер, которая при исследовании различных стратегий понимания «анимированного» произведения обнаружила, что грамотно составленная статичная иллюстрация не уступает динамичной [28]. Таким образом, доказать эффективность

видеоматериала по сравнению с обычной статичной иллюстрацией крайне сложно. На сегодняшний день не существует теории, которая бы рационально объясняла, какие факторы (свойства текста, качества субъекта, мотив и цели его деятельности) обуславливают преимущества видео перед статичным рисунком, и предлагала пути оптимального использования этих преимуществ. Пока же создатели мультимедийных программ включают в свои произведения столько видеоматериалов, сколько это позволяет сделать бюджет, исходя из принципа «чем больше – тем лучше».

Наконец, **собственно мультимедийным** будет называться произведение, доступ к гетерогенным составляющим которого регулируется компьютерной программой, изменяющей текст в зависимости от выбранной субъектом стратегии его чтения. Такое свойство МТ будет называться **интерактивностью** и рассматриваться как главная отличительная характеристика этих текстов по сравнению с текстами полимодальными и многоканальными. Наиболее распространенной формой интерактивности является **гипертекст**, т.е. такая организация электронного мультимедиа, которая позволяет переходить от одного текста к связанным с ним произведениям при помощи активации соответствующего поля этого текста. Эта возможность в наибольшей степени используется сегодня в электронных словарях и энциклопедиях, а также является основным принципом построения глобальной электронной сети Интернет.

Отмеченные выше структурные особенности сложных текстов, включающих гетерогенные составляющие, позволяют определить в качестве их ключевых свойств полимодальность (многоканальность) как сопряжение в едином пространстве разных по своей семиотической природе произведений и интерактивность как гибкую обусловленность реакции компьютерной программы на действия пользователя. Ниже будут рассмотрены общепсихологические и когнитивные механизмы, лежащие в основе понимания текстов с указанной структурной спецификой.

Полимодальность (многоканальность)

Какие бы особые качества и функции – мотивационные, риторические, иные – ни

приписывались составляющим полимодального и многоканального текстов, их специфика обусловлена не столько особенностями этих составляющих, сколько синергетическим эффектом их взаимодействия. Справедливость выдвигаемого положения была доказана автором этих строк на материале «комиксового» текста [58]. Анализ последнего показал, что его становление как специфического полимодального текста происходит на основе объединения генетически разных знаковых систем, служащих для выражения общего смысла, в едином графическом пространстве. Рисуночная и вербальная составляющие взаимодействуют, порождая особые компоненты структуры текста. В частности, вербальный текст начинает участвовать в процессах смыслопорождения своей графической формой, а рисуночная составляющая организуется с учетом сложившихся правил чтения письменного вербального текста. По-видимому, формальное и концептуальное структурирование более сложных многоканальных и собственно мультимедийных текстов осуществляется на тех же основаниях. Косвенным подтверждением тому могут быть результаты экспериментальных исследований, полученные Р. Майером [34] на материале иллюстрированных книжных текстов и компьютерных программ. Автор подчеркивает, что «мультимедийный» эффект (субъект усваивает лучше иллюстрированный текст) и эффект «пространственной соположенности» (субъект усваивает лучше, когда текст и иллюстрация находятся рядом) в равной степени проявляются как в компьютерном, так и в книжном текстах.

Рисунок и график всегда появляются в сопровождении короткого пояснительного текста или названия. Анимированные рисунки и видеоматериалы имеют собственную звуковую дорожку, включающую устный и квазиустный вербальный текст. Письменный вербальный текст, даже если он не иллюстрируется рисунком, выстраивается в соответствии с общей графической концепцией включающего его мультимедийного произведения. Одним словом, применяемые в МТ в разных комбинациях составляющие практически никогда не функционируют изолированно друг от друга. Текст, полученный на основе соположения гетерогенных компонентов, всегда больше, чем просто сумма состав-

ляющих. Включаясь в состав более сложного произведения, попадая в новый контекст, последние меняют на основе взаимодействия свою структуру, свои функции, свой «синтаксис».

Разные составляющие могут дополнять друг друга, во-первых, содержательно, что позволяет распределять сложную информацию по нескольким гетерогенным компонентам во избежание информационной перегруженности каждого из них, во-вторых, формально, поскольку каждая форма отличается от других эффективностью в передаче определенного типа информации: вербальный текст значительно лучше передает ассертивность конструкций и выражает временные отношения, рисунок лучше приспособлен для отражения пространственных отношений. В-третьих, каждая из составляющих может определять направление интерпретации других [1]. Указанные особенности полимодальных и мультимедийных текстов позволяют представить их содержание в разных ракурсах, комбинируя комплементарные и взаимообуславливающие составляющие. Это позволяет читателю усваивать представляемый материал на основе сочетания разных стратегий чтения и понимания, а также повышает возможность возникновения синергетического эффекта при усвоении знаний с опорой на полимодальный (многоканальный) текст.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что речь идет лишь о возможности возникновения синергии составляющих, которая не должна восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Эффект зависит как от организации составляющих внутри МТ, так и от способности читающего дополнять устанавливаемую внутримодальную связность каждой составляющей связностью межмодальной, без чего построение единой ментальной репрезентации содержания текста, а также ее последующее эффективное использование просто невозможно. Затруднения, с которыми может столкнуться индивид, не подготовленный к работе с полимодальными текстами, отмечаются многими исследователями (см., например, [46]). Нередко отмечается и тот факт, что неподготовленный читатель вместо того, чтобы опираться на обе составляющие, концентрируется на одной из них (более привычной или лучше структурированной) [8, 39, 43]. Эти и некоторые другие проблемы показали, что систе-

матическое изучение способов организации входящих в МТ гетерогенных составляющих, оптимизация использования многоканальности и мобилизация необходимых для этого семиотических и речевых навыков индивида невозможны без построения адекватной модели понимания полимодального текста.

Когнитивные модели понимания полимодальных текстов

В исследовании полимодальных текстов может быть выделено два основных этапа, которые, по сути, представляют два разных аспекта рассмотрения проблемы их понимания. Первый этап приходится на 80-е гг. XX в. и отмечен преимущественно работами по педагогической психологии, в которых исследуется влияние иллюстраций на понимание и запоминание вербального текста. Основным приемом в изучении иллюстрированных текстов было сравнение усвоения учащимися двух форм: вербального текста, представленного в устной или письменной форме, и того же текста, сопровождаемого иллюстрациями (рисунки, схемы, графики). В. Леви и Р. Лентц [26] анализируют 48 таких работ, а более позднее исследование Левина и его коллег [27] сравнивает результаты 150 экспериментов. В целом накопленный эмпирический материал недвусмысленно свидетельствует о преимуществе иллюстрированных текстов и позволяет уточнить многие параметры, которые могут влиять на результаты: функция иллюстраций, способ представления вербального текста, тип контролируемой информации и др. Однако собравшие его исследователи ограничивались дескриптивным анализом, не делая попытки объяснить когнитивные механизмы, обуславливающие эффективность иллюстраций, которая выявлялась в экспериментах.

Начало второго этапа в изучении иллюстрированных текстов приходится на 1990-е гг., когда появляется больше работ когнитивной направленности, в которых предпринимается попытка осмыслить накопленный экспериментальный материал (см., например, [19; 20, 32]). Это осмысление проводится главным образом на основе одной из двух теорий: теории двойного кодирования А. Пэйвио [6; 36] и теории ментальных моделей П. Джонсона-Лэарда [23].

Согласно теории двойного кодирования когнитивная деятельность индивида управляется функционированием двух систем, или двумя видами репрезентации, каждый из которых характеризуется специфическими чертами (структурными и функциональными):

а) системой образных репрезентаций, развитие которой связано с опытом конкретных взаимодействий с окружающей средой (ее использование обычно определяется такими ситуациями, в которых индивид обрабатывает информацию о конкретных объектах и событиях);

б) системой вербальных репрезентаций, связанной с опытом вербального общения и в меньшей степени зависящей от конкретности/абстрактности ситуации (ее значимость тем выше, чем абстрактней задача, стоящая перед индивидом).

Слова и фразы обычно обрабатываются и кодируются только вербальной подсистемой, тогда как рисунки обрабатываются и кодируются сразу двумя подсистемами – вербальной и образной. В связи с этим эффект, производимый иллюстрацией, приписывается преимуществам двойного кодирования.

Наиболее последовательно теория двойного кодирования в применении к механизмам понимания полимодальных текстов развивается в последние годы Р. Майером [32–34]. Предлагаемая им модель, кроме уже упомянутого постулата двойного кодирования, опирается на два положения, разделяемых большинством исследователей-«когнитивистов». Это положение об ограниченности ресурсов (the limited capacity assumption), которые могут одновременно использоваться когнитивной системой для обработки поступающей информации [2; 3; 5], а также положение об активном характере усвоения информации (the active learning assumption). Суть последнего постулата состоит в том, что осмысленное усвоение материала субъектом возможно лишь при его активной деятельности с привлечением внимания к релевантным моментам текста и изображения, с организацией информации в связанные репрезентации и последующей интеграцией репрезентаций вербального и рисуночного содержания в концептуальной системе индивида [34; 50].

Согласно модели Майера первый этап понимания полимодального текста состоит в *отборе* информации, когда на основе зву-

чащего и/или письменного текста субъект строит вербальные репрезентации, а на основе видеоряда – образные. На этом этапе в результате раздельной обработки вербальной и изобразительной составляющих разными когнитивными подсистемами строятся ментальные репрезентации разного типа: отбор вербальной информации ведет к построению пропозициональной базы текста, а изобразительная информация служит для построения зрительного образа. На следующем этапе обработки – этапе *организации* – пропозициональная база трансформируется в связную ментальную репрезентацию вербального материала (формирование вербальной модели), а первичный образ оформляется в репрезентацию рисуночной составляющей (формирование образной модели). На третьем этапе устанавливаются связи между вербальной и образной моделями, с одной стороны, и между выстраиваемой общей моделью полимодального текста и концептуальной базой – с другой. Механизм прохождения третьего этапа – этапа интеграции – представляется автором как взаимное наложение двух моделей, построенных на втором этапе. Полученная в результате информация хранится в долгосрочной памяти для последующего использования [34].

Один из наиболее очевидных недостатков объяснения процессов понимания МТ, основанного на теории двойного кодирования, состоит в попытке рассмотреть структурно-концептуальную интеграцию содержания составляющих текста как процесс «наложения» вербальной и образной репрезентаций. Поскольку речь идет о разных форматах репрезентации, такое структурное наложение в принципе невозможно: вербальная репрезентация (пропозициональный формат) основана на формально произвольных конвенциональных символах, а образная репрезентация – на аналогических. На сегодняшний день исследователи предлагают два способа решения этой проблемы. Один из них опирается на теорию ментальных моделей [41], другой – на идеи, сформировавшиеся в рамках коннекционистской парадигмы [42].

При построении своей модели Шнотц и Баннерт опираются на противопоставление дескрипции (*description*) и депикции (*depiction*) как фундаментально различных

форм репрезентации. Авторы полагают, что в ходе понимания МТ одновременно разворачиваются два процесса, первый из которых связан с обработкой вербальной составляющей, а второй – с восприятием изобразительных компонентов текста. Понимание вербального произведения трактуется в духе трехэтапной концепции ван Дейка и Кинча [45]. Первый этап связан с построением субъектом ментальной репрезентации поверхностной структуры текста. В ходе второго этапа на основе первичного представления о структуре текста порождается пропозициональная репрезентация его семантического содержания. Наконец, на основе полученной информации строится ментальная модель содержания текста, или модель описанной в нем ситуации. Авторы подчеркивают, что в ходе построения ментальной модели дескриптивная репрезентация (пропозициональный, произвольный по отношению к отображаемому формат) переходит в депиктивную (структурно изоморфную описываемой ситуации). Таким образом, в рамках процесса понимания вербальной составляющей пропозициональные репрезентации и ментальные модели непрерывно взаимодействуют до оформления итогового представления.

При понимании изобразительной составляющей полимодального текста индивид порождает на основе первичных перцепций образную репрезентацию. По мнению авторов, последняя строится благодаря неосознаваемым процессам, которые включают идентификацию и дискриминацию графических компонентов, а также их визуальную организацию по законам, установленным гештальт-психологией [49]. Сформированная депиктивная репрезентация сохраняет структурные характеристики рисунка, однако для понимания содержания изобразительной составляющей такой репрезентации недостаточно. Она должна подвергнуться семантической обработке, суть которой заключается в проецировании представления о графических компонентах объекта на ментальные схемы. Другими словами, понимание рисунка рассматривается как процесс аналогического структурного проецирования между системой зрительно-пространственных отношений и системой семантических отношений [13; 40]. Результатом такого проецирования будет еще одна ментальная модель. Вне зави-

симости от того, построена ли она на основе вербального или рисуночного текста, она является внутренней депиктивной репрезентацией, обладающей структурным и/или функциональным сходством с репрезентируемым объектом [22; 23]. При этом В. Шнотц и М. Баннерт подчеркивают, что на основе полученной ментальной модели может быть построена новая пропозициональная репрезентация содержания полимодального текста.

Таким образом, в отличие от модели Майера, концепция, опирающаяся на теорию ментальных моделей, отказывается от постулата зависимости формата репрезентации от формы представления информации в тексте. Вне зависимости от внешней формы текста в ходе его понимания строятся как дескриптивная, так и депиктивная репрезентации. Другое фундаментальное отличие состоит в том, что двойное кодирование допускается не только при обработке рисунка, но и при интерпретации содержания вербального текста. При этом построение ментальной модели рассматривается не просто как суммирование двух кодов, имеющее количественное преимущество перед одинарным кодированием. Объяснение преимуществ иллюстрированного текста идет за счет указания на определенную комплементарность этих кодов. То, что в модели двойного кодирования рассматривается как структурно интегрированная репрезентация, основанная на вербальной и образной репрезентациях, в теории Шнотца и Баннерта представлено как непрерывный процесс построения аналогической ментальной модели и ее корректировки; дескриптивные и депиктивные репрезентации не могут быть наложены друг на друга, но они способны взаимодействовать.

Несмотря на очевидные преимущества этой концепции перед моделью, построенной с опорой на теорию двойного кодирования, она не позволяет дать ответы на принципиальные вопросы, связанные с пониманием МТ. В частности, авторы не конкретизируют механизмы взаимодействия ментальных моделей, порождаемых на основе составляющих разной семиотической модальности. Более того, лежащая в основе концепции теория ментальных моделей в принципе не позволяет описать эти механизмы, так как по все еще справедливому замечанию Денъера и Бодэ, «на сегодняшний день когнитивистика

не располагает концептуальным аппаратом, который позволял бы описывать аналогические ментальные структуры» [11, с. 137]. Указанная теория создавалась как форма критики пропозициональных моделей. В поисках альтернативы последним Джонсон-Лэрд довольствуется лишь указанием на возможность трансформации первичных репрезентаций, близких к поверхностной структуре текста, в аналогические репрезентации (ментальные модели), но не формулирует никаких конкретных механизмов, позволяющих осуществлять такую трансформацию.

Думается, что более тонкий анализ когнитивных механизмов понимания МТ возможен на основе коннекционистских моделей, одинаково успешно используемых как для распознавания рисуночного текста, так и для имитации высших когнитивных функций. Рассредоточенные сети – основа таких моделей – изначально создавались для имитации принципов работы нейронной сети. Как следствие, они опираются на современные знания о нейрофизиологической основе когнитивных процессов и позволяют предложить с опорой на эти знания конкретные механизмы построения ментальной репрезентации. Кроме того, при использовании указанного формата проблема интерпретации когнитивных процессов логически независима от проблемы существования специфических подсистем обработки (пропозициональной, аналогической, полимодальной). Даже если постулировать вслед за Фодором [14] модульную организацию когнитивной системы и разделение функций, остается неоспоримым тот факт, что все когнитивные процессы проходят на единой нейронной основе, одинаковой для любого модуля.

Для моделирования процессов построения ментальной репрезентации текста любого типа – вербального, рисуночного, полимодального – исследователи-«коннекционисты» используют единые рассредоточенные псевдонейронные сети. Каждый концепт, входящий в ментальную репрезентацию, не является неделимой единицей (более того, с точки зрения создателей концепции, речь в данном случае должна идти не о реально существующих единицах репрезентации, а о теоретических конструктах, порождаемых символической интерпретацией физических процессов). Концепт может рассматриваться как

набор элементарных компонентов – оставшихся в нейронной сети следов взаимодействия индивида с внешним миром. Совокупность таких следов составляет перцептивный, моторный, эмоциональный опыты индивида. Как следствие, активация части опыта, традиционно интерпретируемая как построение ментальной репрезентации, может осуществляться на основе как рисуночного, так и вербального текста, поскольку и тот и другой обращены к этому опыту. В связи с вышеизложенным использование рассредоточенного формата представляется наиболее адекватным для моделирования механизмов понимания полимодального текста.

Заметим, что сама идея рассредоточенной репрезентации не является новой для отечественной науки. Уже в 60-е гг. XX в. А.А. Леонтьев выдвигал и обосновывал гипотезу о рассредоточенном «содержании слова», о «записи» значения в сознании индивида в форме правил его порождения. Более того, российские нейрофизиологи неоднократно высказывали идеи, созвучные с теми, что легли в основу коннекционизма (см. исследования Е.Н. Соколовым нейронных механизмов памяти и обучения и, в частности, предлагаемый им принцип «меченых линий» [57], теорию функциональных систем П.К. Анохина [51], а также теорию паттерного кодирования Н.П. Бехтеревой [52]). Однако гипотеза А.А. Леонтьева не получила в дальнейшем должной проработки, и на сегодняшний день наиболее влиятельной остается трактовка значения, которая «базируется на представлении о нем как сложной многокомпонентной системе, состоящей из более дробных, чем значение, единиц – семантических признаков, семантических множителей, «атомов смысла», сем и т.д.» [55, с. 40].

Западные когнитивисты, напротив, очень серьезно подошли к разработке гипотезы рассредоточенной репрезентации и моделированию на ее основе некоторых когнитивных процессов (см. обзор в [4; 59]). Использование общих принципов, представленных в коннекционистских моделях, а также теории смысловой доминанты [56] позволили автору этих строк уточнить механизмы взаимодействия гетерогенных составляющих полимодального текста. В дальнейшем сформулированные положения были верифицированы на основе серии экспериментов [42]. Ниже из-

лагаются основные моменты предлагаемой модели понимания полимодальных текстов.

Основной целью проведенного исследования было установление различий в когнитивной обработке составляющих полимодального произведения. Для этого вслед за другими авторами были обозначены три этапа обработки: первичная структурная обработка (идентификация), лексическая и семантическая виды обработки. Выделение этих трех этапов согласуются с экспериментальными данными [47; 48], а также с данными нейропсихологии: пациенты с поражениями различных зон мозга испытывают затруднения либо с определением формы объектов, либо установлением его функций, либо с его названием.

Многочисленные исследования деятельности коры головного мозга показывают, что существенных отличий между механизмами идентификации гетерогенных составляющих на первом этапе обработки информации нет: первичная обработка текста – будь то письменный вербальный текст или рисунок – состоит в разложении поступающей информации на мельчайшие компоненты, обработка которых ведется параллельно в разных участках головного мозга специализированными нейронами и группами нейронов [9; 10; 21; 51]. После изолированной обработки в разных участках установленные элементы зрительной информации комбинируются в единое представление о форме. Последнее порождается, таким образом, на основе активации группы амодальных взаимосвязанных узлов (см. также созвучную теорию Марра [31] о хранении представлений об объектах в памяти индивида в виде набора геонов – примитивов визуальной репрезентации – и отношений между ними). Постулат о рассредоточенной репрезентации позволяет объяснить, почему человек узнает объект вне зависимости от пространственного расположения и ориентации последнего. Кроме того, при рассредоточенном хранении зрительной информации ее успешное распознавание в значительно меньшей степени зависит от недостающих фрагментов или неточного изображения деталей, поскольку когнитивная система дает ответ, активируя ту репрезентацию, которая была сформирована на основе наиболее близкого по структуре текста [4].

После первичной обработки информация комбинируется в соответствующих центрах,

а полученный узор активации запускает механизмы следующего этапа, на котором этот узор сравнивается с теми, что уже знакомы системе на основе предыдущего опыта. Повидимому, различия между обработкой гетерогенных составляющих появляются именно на этой стадии. Активация представлений о форме объекта, связанная с обработкой изображения, автоматически подключает семантические репрезентации, ассоциируемые с активированной формой [48]. Активация графического образа слова, связанная с обработкой письменного вербального текста, ведет к подключению лексических репрезентаций. Предшествование формальной лексической обработке содержания вербального текста активации семантического уровня устанавливается практически во всех когнитивных моделях чтения вне зависимости от количества постулируемых путей прохождения информации (см. обзор в [7]), а также в наиболее авторитетных моделях понимания текста [23; 24; 45].

Так, в концепции, предложенной в 1983 г. ван Дейком и Кинчем, построение модели ситуации начинается с анализа поверхностной структуры фраз, на основе которой устанавливаются пропозициональные схемы. Из этих схем строится микроструктура пропозициональной базы текста. На основе полученной базы производится выбор стратегий понимания, обусловленных как лингвистическими характеристиками текста, так и содержанием семантической памяти индивида [45]. Выбранные стратегии приводят к построению модели ситуации, представленной в тексте.

Концепт модели ситуации использован в более поздней модели [24]. Кинч предлагает в качестве ключевых для построения ментальной репрезентации процессы конструкции и интеграции. На первом этапе понимания (конструкция) в ходе формальной и лексической обработки активируется сеть, включающая максимальное количество узлов, в том числе неадекватных и даже просто противоречащих содержанию текста. Семантические отношения принимаются во внимание лишь на втором этапе обработки – этапе интеграции. На этом этапе исключаются те концепты, которые не согласуются с устанавливаемым содержанием. Таким образом, в этой модели еще четче обозначено предшествование структурной и лексической

обработки по отношению к обработке семантической.

Джонсон-Лэрд в своей теории ментальных моделей [23] также выделяет три уровня ментальной репрезентации: графемная (фонемная) репрезентация, пропозициональная репрезентация и ментальная модель. Эти уровни в общих чертах соответствуют структурному, лексическому и семантическому уровням, постулируемым в нашей модели. Опытный читатель автоматически преобразует графемные репрезентации в пропозициональные. Последние определяются как последовательность символов с произвольной синтаксической структурой и членами, близкими к естественному языку. На основе пропозициональной репрезентации может строиться ментальная модель – внутренняя модель состояния объектов (state of affairs) внешнего мира, описанных в тексте. В отличие от Кинча, постулирующего пропозициональный формат, Джонсон-Лэрд полагает, что структура внутренней модели изоморфна структуре репрезентируемых объектов. Однако в остальном сходство моделей очевидно. Согласно обеим моделям, вербальный текст подвергается обработке на лингвистическом уровне прежде, чем начинается построение репрезентации на уровне семантическом.

Таким образом, прохождение активации отличается для разных составляющих. После первичной идентификации каждая из них может подвергаться как лексической, так и семантической обработке. Однако последовательность соответствующих операций различна. При восприятии рисунка обработка проходит по направлению от идентификации к непосредственной активации семантических репрезентаций, а лексические репрезентации задействуются позже. При обработке вербального текста семантические репрезентации, связанные с каждым из слов, активируются уже после того, как в обработке были задействованы лексические сети [15; 24]. Другими словами, на первом этапе активируют все возможные значения, которые могут приниматься полисемичные вербальные компоненты, и лишь затем происходит отбор контекстуально адекватных значений. Такая схема построения репрезентации содержания текста подтверждается, например, результатами экспериментальных исследований Гернсбахер и Фауста [17; 18], обнаруживших, что испытуе-

мые тратят больше времени на чтение первого слова фразы и первой фразы текста.

Констатация этого отличия принципиальна для предлагаемой модели, поскольку его последствия для когнитивных механизмов построения ментальной репрезентации содержания полимодального текста весьма существенны. Базовая репрезентация содержания текста (первичная конфигурация сети) строится преимущественно на основе обработки изобразительной составляющей. Именно ее содержание определяет структуру семантической сети. Первичная активация и ингибция узлов семантической сети, проходящие на основе рисуночного компонента и видеоряда, устанавливают определенный контекст, обуславливающий семантическую обработку вербальной информации. Это делает невозможным «нормальное» протекание процессов понимания вербального текста, устанавливаемых общепризнанными моделями [15; 16; 24]. В частности, становится невозможным первый, «внеконтекстный» этап понимания вербального текста. Механизмы подавления и усиления концептов, которые в концепциях названных ученых подключаются на втором этапе обработки вербальной информации, включаются в мультимедийном произведении одновременно с обработкой вербального текста, так как контекст предварительно создается семантической обработкой рисуночной составляющей. Как следствие, нерелевантные концепты заранее исключаются из обработки вербальной составляющей, устанавливаются определенные паттерны активации значения полисемических слов.

Описанные процессы формируют первый этап построения семантической репрезентации содержания полимодального текста. Этот этап связан с дестабилизацией семантической сети на основе новой информации и с определением преимущественного направления дальнейшего распространения активации. Последующая обработка новой информации, исходящей от вербальной составляющей, начинается тогда, когда на основе содержания изобразительной составляющей уже намечена базовая репрезентация содержания воспринимаемого текста, а активированная сеть начинает менять значения некоторых узлов для установления временного стабильного состояния. Поэтому информация, содер-

жащаяся в вербальном тексте, усваивается в зависимости от конфигурации сети, заданной рисуночной составляющей.

На этом этапе перед системой открываются по меньшей мере две основных возможности дальнейшего развития ментальной репрезентации:

1) если новая информация, полученная на основе вербального текста, когерентна с базовой структурой ментальной репрезентации, установленной после начала обработки рисуночной составляющей, она активировывает те же узлы, что и рисунок, усиливая их и оказывая тем самым стабилизирующее влияние на сеть [15; 16];

2) если вербальная информация представляется некогерентной и направлена на активацию ингибированных или слабо активированных узлов, то в зависимости от силы воздействия (степени выраженности этой информации в вербальном тексте), она либо а) расширяет и обогащает сеть или даже приводит к началу построения новой сети, замедляя стабилизацию структуры ментальной репрезентации содержания кадра, либо б) забывается системой, стремящейся к равновесию [38; 53].

Поскольку формирование базовой репрезентации происходит до начала семантической обработки вербальной составляющей, влияние последней на ментальную репрезентацию полимодального текста рассматривается как модулирующее, а определяющую роль в его понимании играет изобразительный ряд, устанавливающий исходную базовую структуру ментальной репрезентации содержания МТ. Это заключение существенным образом дополняет представленные выше модели, позволяя создателям мультимедийных произведений оптимизировать их структуру с учетом различий в когнитивной обработке гетерогенных компонентов.

Интерактивность

Как уже отмечалось выше, экспериментальное сравнение вербальных и полимодальных (многоканальных) текстов свидетельствует о большей эффективности последних в передаче информации. За счет все более жесткого навязывания реципиенту того или иного взгляда на предмет или явление эти произведения преодолевают возможные лич-

ностные интерпретации, а иногда и те, что являются традиционными для данной культуры. Тем самым создаются новые конвенциональные стереотипы, выходящие за рамки какой-то одной культуры и способствующие разрушению в самосознании как индивидуального, так и национального. По сути, семиотически неоднородные тексты, вторгаясь в жизнь и сознание индивида, выстраиваются во все более совершенный «виртуальный» мир, искусственную среду, которая становится таким же фактом психической реальности, как и воспринимаемый нами мир материальных объектов. На смену двумерному пиктографическому знаку первобытного художника, изображающего трехмерное пространство, приходит четырехмерная модель четырехмерной действительности, которая (модель) не может более рассматриваться исключительно с точки зрения ее информирующей функции, обусловленной аналогической формой представления действительности. Благодаря использованию современных средств видеотехники (цвет, компьютерная графика, мультимедиа, звук) виртуальная реальность все более точно воспроизводит реальность «объективную». Однако при всей важности полимодальности (многоканальности) МТ и семантической изоморфности его составляющих не менее значима для трансформации текстов этого типа в элемент объективной реальности их так называемая интерактивность – предоставляемая пользователю возможность манипулировать предлагаемыми компонентами произведения и трансформировать общую структуру их исходного представления. Влияние проводимых реципиентом структурных преобразований мультимедийного произведения на механизмы восприятия содержащейся в нем информации может быть проанализировано с позиций развиваемого в российской психологии деятельностного подхода.

Согласно идеям его основоположников восприятие человеком объектов окружающего мира в значительной степени обусловлено его деятельностью по их преобразованию. Никакой объект не может стать частью предметного мира человека иначе как через его включение в эту деятельность, через его преобразование. До последнего времени рисунок активно использовался человеком как для собственной трансформации, так и для пре-

образования окружающего мира, но производить «в реальном времени» изменения в самом рисунке стало возможным только на основе компьютерных программ.

Первые наскальные рисунки воспринимаются сегодня как неоспоримое свидетельство коренных изменений, происходивших в ту эпоху в человеческом сознании, освобождавшемся благодаря пиктографическим знакам от сиюминутности психического образа. Соответственно наиболее древний способ анализа пиктографического произведения – семантический, рассматривающий отношение изображения и изображаемого. На том этапе развития изобразительных текстов, когда человек делал лишь первые шаги в освоении техники рисунка, пытаясь свернуть трехмерность воспринимаемого мира в двумерное изображение, наиболее важной была сопоставимость (аналогическая или символическая) пиктографии с тем психическим образом, который должен был в ней материализоваться. Значительно позже, когда были осознаны и проанализированы элементы рисунка (форма, цвет), а также значимость того способа, которым они в нем взаимодействуют (композиция, план, точка зрения), внимание специалистов стало обращаться главным образом на синтактику – отношение между этими знаками (кодами) в теле рисунка, рассматриваемого как замкнутая система, функционирующая в соответствии с заданным набором правил. Существенное усовершенствование системы пиктографических знаков привело к созданию карт и чертежей, послуживших важным орудием освоения мира, а также опредмечивания объектов, не существовавших в природе, зародившихся в глубинах человеческого сознания.

Разумеется, выполнение рисунком функции трансформации не могло быть реализовано без изменения самого рисунка. Всякий раз, выступая в качестве опоры для прогресса цивилизации и дальнейшего психического развития отдельного индивида, рисунок мысленно трансформировался им. Эта внутренняя трансформация неизменно выступала необходимым звеном в процессе трансформаций внешних, направленных на окружающий мир, однако *противопоставление внешней и внутренней деятельности определяло основное отличие пиктографического текста от того, что этот текст репрезен-*

тировал. Во второй половине XX в., с появлением интерактивных телевизионных и компьютерных программ, ситуация изменяется коренным образом. Создаются тексты, в которых взаимодействие между различными составляющими выстраивается на основе общей концепции мультимедийного произведения, разрабатываемой его создателем, однако в рамках общей концепции пользователь может сам выбирать возможные комбинации различных компонентов. Гибкая структура МТ может изменяться по воле пользователя. Тем самым стирается важнейшая грань между объективной и виртуальной реальностями: **субъект по-**

лучает возможность входить в изображение и совершать в нем желаемые преобразования в реальном времени, т.е. **совершать по отношению к изображению уже не внутреннюю, а внешнюю деятельность.** Это позволяет ему **включать в картину мира элементы искусственно созданной среды по тем же механизмам и на тех же основаниях, что и объекты реальной действительности.**

Отмеченные свойства мультимедийных произведений превращают их в мощнейшее орудие социализации новых членов общества, их обучения и развития, а также формирования общественного мнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ainsworth S. The functions of multiple representations // Computers & Education. 1999. 33.
2. Baddeley A. Working memory. Science. 255. 1992.
3. Baddeley A. Human memory. Boston, 1998.
4. Bechtel W., Abrahamsen A. Connectionism and the Mind: An Introduction to Parallel Processing in Networks. Cambridge, 1990.
5. Chandler P., Sweller J. Cognitive load theory and the format of instruction // Cognition and Instruction. 1991. 8.
6. Clark J.M., Paivio A. Dual coding theory and education. Educational. 1991.
7. Cornuejols M. Sens du mot, sens de l'image. Paris, 2001.
8. Cox R., Brna P. Supporting the use of external representations in problem solving: the need for flexible learning environments // Journal of Artificial Intelligence in Education. 1995. 6 (2/3).
9. Damasio A.R. Time-locked multiregional retroactivation: A systems-level proposal for the neural substrates of recall and recognition // Cognition. 1989. 33.
10. Damasio A R., Tranel D. Knowledge systems // Current Opinion in Neurobiology. 1992. 2.
11. Denhiere G., Baudet S. Lecture, comprehension de textes et science cognitive. Paris, 1992.
12. Duquette L., Laurier M. Apprendre une langue dans un environnement multimedia. Outremont, 2000.
13. Falkenhainer B., Forbus K.D., Gentner D. The structure-mapping engine: algorithm and examples // Artificial Intelligence. 1989. 41.
14. Fodor J.A. Psychosemantics. The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind, MIT Press. Cambridge, 1987.
15. Gernsbacher M.A. Language comprehension as structure building. Hillsdale. N.-J., 1990.
16. Gernsbacher M.A. The structure-building framework: What it is, what it might also be, and why // B.K. Britton, A.C. Graesser (Eds.). Models of understanding text. Hillsdale. N. J., 1996.
17. Gernsbacher M.A., Faust M. Fine-tuning in the activation of lexical representations during comprehension // G.B. Simpson (Ed.). Comprehending word and sentence. Amsterdam, 1990.
18. Gernsbacher M.A., Faust M. The mechanism of suppression, a component of general comprehension skill // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. 1991. 17.
19. Glenberg A.M., Langston W.E. Comprehension of illustrated text: Pictures help to build mental models // Journal of Memory and Language. 1992. 31.
20. Gyselinck V. Les modeles mentaux dans la comprehension de textes: le role des illustrations. These de doctorat. Universite de Paris. 1995. 5.
21. Iwata M. Modular organization of visual thinking // Behavioural Neurology. 1989. 2 (3).
22. Johnson-Laird P.N., Byrne R. M. J. Deduction. Hillsdale. N.-J., 1991.
23. Johnson-Laird P.N. Mental Models. Cambridge, 1983.
24. Kintsch W. The role of knowledge in discourse comprehension: A construction-integration model // Psychological Review. 1988. 95 (2).

25. Lancien T. Le multimedia. Pans: CLE International, Collection Didactique des langues etrangeres. 1998.
26. Levie W.H., Lentz R. Effect of text illustrations: A review of research // Educational Communication and Technology Journal. 1982. 30 (4)..
27. Levin J.R., Anglin, G.J., Carney R.N. «On empirically validating functions of pictures in prose», hi D.M. Willows & H. Houghton (Eds.) // The psychology of illustrations. Vol. 1: Basic research. N.-Y., 1987.
28. Lewalter D. Cognitive strategies for learning from static and dynamic visuals // Learning and Instruction. 2003. 13.
29. Lin X. Metacognition: Implications for Research and Hypermedia-based Learning Environment // Proceedings of Selected Research and Development Presentations at the 1994 National Convention of The Association for Educational Communcations and Technology. 1994.
30. Lowe R.K. Animation and learning: selective processing of information in dynamic graphics / / Learning and Instructio. 2003. 13.
31. Marr D. Vision. San Francisco, 1982.
32. Mayer R.E. Multimedia learning: Are we asking the right questions? // Educational Psychologist. 1997. 32.
33. Mayer R.E. Multimedia learning. N.-Y., 2001.
34. Mayer R.E. The promise of multimedia learning: using the same instructional design methods across different media // Learning and Instruction. 2003. 13.
35. Merlet S. Niveaux de traitement et integration des informations multimédias. L'exemple de la comprehension orale en langue etrangere // A. Tricot & J.-F. Rouet (Dir.). Les hypermedias: approches cognitives et ergonomiques. Paris, 1998.
36. Paivio A. Mental representations: A dual-coding approach. New York; Oxford, 1986.
37. Plowman L. The Primitive Mode of Representation and the evolution of interactive multimedia // Journal of Educational Multimedia and Hypermedia. 1994. 3 (3/4).
38. Prigogine I., Stengers I. Order out of Chaos: Man's new dialogue with nature, N.-Y., 1984.
39. Scanlon E. How beginning students use graphs of motion // M. van Someren, P. Reimann, H.P.A. Boshuizen, T. de Jong (Eds.). Learning with multiple representations. Oxford, 1998.
40. Schnotz W. On the relation between dual coding and mental models in graphics comprehension // Learning and Instruction. 1993. 3.
41. Schnotz W., Bannert M. Construction and interference in learning from multiple representation // Learning and Instruction. 2003. 13.
42. Sonme A. Comprehension des textes multimodaux: exemple de la bande dessmee. These de doctorat. Umversite de Nantes. 2003.
43. Tabachnek H.J.M., Simon H. A. One person, multiple representations: an analysis of a simple, realistic multiple representation learning task // M. van Someren, P. Reimann, H.P.A. Boshuizen, T. de Jong (Eds.). Learning with multiple representations. Oxford, 1998.
44. Vaillant P. Semiotique des langages d'icdnes. Paris, 1999.
45. Dijk T.A. van, Kintsch W. Strategies of discourse comprehension. N.-Y., 1983.
46. Someren M.W., Reimann P., Boshuizen H.P.A., DeJong T. (Eds.). Learning with multiple representations. Oxford, 1998.
47. Vitkovitch M., Humphreys G.W. Perseverant responding in speeded naming of pictures: It's in the links // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition. 1991. 17 (4).
48. Vitkovitch M., Humphreys G.W., Lloyd-Jones T.J. On naming a giraffe a zebra: Picture naming errors across different object categories // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition. 1993. 19 (2).
49. Winn W.D. Contributions of perceptual and cognitive processes to the comprehension of graphics // W. Schnotz, R. Kulhavy (Eds.). Comprehension of graphics. Amsterdam, 1994.
50. Wittrock M. C. Generative processes of comprehension // Educational Psychologist. 1989. 24.
51. Анохин П.К. Узловые вопросы функциональной системы. М., 1980.
52. Бехтерева Н.П., Гоголицын Ю.Л., Кропотов Ю.Д., Медведев С.В. Нейрофизиологические механизмы мышления. Л., 1985.
53. Герман И. А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул, 1999.

54. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997.
55. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
56. Пищальникова, В.А. Психопоэтика. Барнаул, 1999.
57. Соколов Е.Н. Нейронные механизмы памяти и обучения. М., 1981
58. Сонин А.Г. Комикс: психолингвистический анализ: Монография / Под ред. В.А. Пищальниковой. Барнаул, 1999.
59. Сонин А.Г. Когнитивная лингвистика: становление парадигмы: Монография. Барнаул, 2002.

ТЕКСТ: ВОСПРИЯТИЕ, ПОНИМАНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Л.О. Бутакова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ПОЭТИКА «С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ», «УСРЕДНЕННЫМ» СОЗНАНИЕМ ИЛИ ПОЭТИКА БЕЗ «ЛИЦА» И «СОЗНАНИЯ»?

Современные исследователи художественного текста (вне зависимости от принадлежности к конкретному научному направлению) все настойчивее заявляют о формировании поэтики с «человеческое лицом». Возникают закономерные вопросы: что представляет собой такая поэтика? Чье «лицо» воссоздается ее методами – автора, реципиента, исследователя, всех одновременно? Насколько адекватна такая реконструкция текста? Общеизвестно, что «текст автора» и «текст читателя», «текст автора₁» и «текста автора₂» – не одно и то же. Тогда чья «художественная модель мира» реконструируется? Эти частные вопросы обусловлены необходимостью определения общего основания изучения художественного текста, в том числе и *когнитивной теории литературы, когнитивной поэтики, когнитивной стилистики*.

«Возрастную» квалификацию когнитивной поэтики как «достаточно юной отрасли» вряд ли следует считать корректной. Если говорить о поэтике, ориентированной на западный когнитивизм, то такая разновидность теории текста действительно молода. Обращение к русской психологической лингвистике, поэтике, литературоведению (А.А. Потебня, Д.Н. Овсянко-Куликовский), эстетической теории словесного творчества (М.М. Бахтин), к выросшей из них современной психопоэтике (В.А. Пищальникова, Ю.А. Сорокин и др.) обнаруживает не только глубокие рассуждения об актуальных проблемах, квалифицируемых ныне как когнитивные, но и убедительные варианты их решения. Давняя постановка проблем, оказавшихся сегодня когнитивными, – следствие закономерного развития лингвистики (в том числе занимающейся текстом) в об-

ширном русле русской психологической школы, причем не только теоретической, но и экспериментальной.

В противовес психологическому подходу теоретические положения и методики, предложенные Маргарет Фримен в качестве базовых для нового направления и подхваченные рядом когнитивистов в Америке, Европе и России, вытекают из традиционных для когнитивной лингвистики постулатов. Так, основа аналогового картирования мира, позволяющего концептуализировать абстрактные (эпистемические) понятия или сферы через проецирование конкретных (эмпирических) представлений, которые вытекают из опыта, преломляются через культурологический фильтр, включают ритм и сенсорикy, видится ученым в *воплощенном понимании* (the embodied mind) и *метафорическом мышлении*.

Превалирование в художественной семантике тех форм концептуализации, которые недоступны непосредственному наблюдению и открываются только в процессе глубокой реконструкции многомерной семантико-когнитивной структуры художественного текста, связывается с *когнитивным бессознательным*. Сущность концептуально-семантической организации текста при его создании и восприятии (прочтении) определяется через *прототипичность*. Генерация новых смыслов путем концептуальной интеграции, регулирующей рациональный аспект эмергентных структур, связывается с *креативностью когнитивных процессов*.

Выделяется также явление эмотивного резонанса, базирующегося на иконичности, проявления которого составляют эмоциональный аспект эмергентных структур. В качестве дополнительных принципов отмечают разработанный Й. Шеном принцип *селектив-*

ности, воплощающий когнитивные ограничения, налагаемые на формирование и функционирование поэтических фигур [15].

Не все выделенные принципы однозначно принимаются самими сторонниками когнитивной поэтики на Западе. В частности, ее основоположник Р. Цур категорично отрицает ведущий принцип интерпретации художественного текста Дж. Лакоффом через выходы на базовые концептуальные метафоры. Пафос Р. Цура направлен против обязательности и прямолинейности этого выхода при интерпретации текста. Ученый полагает, что множественность и неоднозначность смыслов, порождаемые текстом, предполагают множественность и неоднозначность интерпретаций, «в основе которых лежит так называемая «отложенная, задержанная, приостановленная концептуализация» (*delayed conceptualization*) в отличие от «быстрой концептуализации» (*rapid conceptualization*), характерной для повседневного общения». Р. Цур считает, что отложенная концептуализация не обязательно активизирует кластеры концептуальных метафор, оставляет возможность для неопределенности, неоднозначности, амбивалентности художественных (поэтических) эффектов [16].

Такие взгляды не случайны. Западноориентированные представители когнитивной поэтики видят ее назначение быть «инструментом раскрытия и объяснения когнитивных процессов и стратегий, лежащих в основе формирования и интерпретации художественного текста как продукта познающего разума (*cognizing mind*) в контексте физического и социокультурного миров его, текста, создания и восприятия» [14, s. 253–254]. Эти акценты на универсальных стратегиях разума, неопределенности физического и социокультурного «миров разума» и «миров текста» (феноменов? моделей?) для данного направления принципиальны. Они напрямую следуют из центральных постулатов когнитивизма, подчеркивающих момент стабильного, универсального, типового в работе человеческой когниции. Стоит согласиться с Ю.А. Сорокиным и В.А. Пищальниковой, настаивающими на том, что в этом случае речь идет не о когниции, а о когитии, соотносимой с результатами познания, а не с самим способом осуществления познания.

Вне исследовательского внимания часто остаются деятельностная природа познания,

работа механизмов сознания индивида и пр. Это и не может быть учтено поэтикой, для которой главное – поэтические эффекты, и которая эксплуатирует когнитивную гипотезу, чтобы системно соотнести специфические поэтические эффекты с закономерностями, прослеживаемыми в художественных текстах [16]. Поиски системы поэтических / прозаических «результатов» без исследования деятельности, приведшей к ним, не обнаруживают сущности поэтических структур.

Если же мы хотим реконструировать когнитивную специфику художественных моделей (поэтических и прозаических систем), выяснить ее типичные и атипичные составляющие, мы не должны игнорировать механизмы речевой и когнитивной деятельности как таковой, особенности эстетизированной эмоции, специфику устройства и работы человеческого сознания, наличие в нем разных когнитивных поэзии и прозы (при порождении и восприятии) и пр. Говоря о когнитивном типе, мы имеем в виду его понимание А.Г. Барановым, который связывает основу порождения и понимания текста с наличием когнитивной базы текстовой деятельности,

вырабатываемой в социуме через проявления творческой индивидуальности [2, с. 24]. Ученый распространяет понятие «когнитивная компетенция» на текстовую деятельность исходя из имеющегося в русской когнитивно-психолингвистической школе мнения о языке как о системе ресурсов для выражения смыслов в текстовой деятельности, управляемой конвенциональными правилами и стратегиями, в противовес точке зрения на него как на систему правил для порождения структур [1, с. 5]. Когнитивный тип в такой трактовке – своеобразная «ментально-лингвистическая заготовка текстовой деятельности», которая трансформируется и переакцентируется через замысел и волю субъекта в прагматическом контексте и превращается в реальную текстовую ткань – законченный текст или фрагмент более сложной текстовой конфигурации [1, с. 11]. Не углубляясь в теорию текстового когнитивного типа, отметим в ней центральные моменты. Текстовая деятельность – одна из разновидностей речемыслительной деятельности, в которой сочетаются инвариантное и индивидуальное, превращая «заготовку», имеющуюся в речевой организации индивида, в «первичный про-

дукт» или продукт, по терминологии А.А. Залевской.

Именно с мыслительной и речевой деятельностью связана непрерывная динамика индивидуального сознания, познающего мир, континуальность процесса образования актуальных когнитивных признаков, делающих смысл «структурой актуального содержания в процессе данного речепорождения» [11, с. 37]. Также непрерывно формирование, структурирование и переструктурирование объемных психоментальных единиц (концептов), отражающих все, что индивид знает, думает, полагает, представляет, чувствует по поводу данного фрагмента действительности [8, с. 280]. Не стоит забывать и о том, что именно смысл субъективен, а вербальные средства его обозначения, передачи универсальны. Когнитивны и механизмы образования смысла и результаты их действия. Также когнитивен содержательный аспект языковой единицы любого уровня (в частности, лексическое значение слова). Подобный подход к значению не случаен: последнее признается своеобразной устойчивой, принципиально незамкнутой, динамичной когнитивной структурой (структурой познания, реализующей способ этого познания), дискретизированной внешней формой слова (звуковой оболочкой), входящей в значение и символизирующей его [12, с. 34].

Любой говорящий использует языковую единицу как средство репрезентации смысла, существующего в конкретной концептуальной системе. Основой этой репрезентации служит когнитивная структура, представленная в значении [12, с. 96]. Такой путь проходит каждый, в том числе автор художественного текста. Отличие его речевой деятельности в момент создания произведения состоит в иной мотивации, направляющей характер деятельности и ее результат. Создание текста организовано эстетизированной эмоцией, что проявляется во всем строе поэтического или прозаического произведения. Но типовые представления о форме, жанре, размере произведения существуют в сознании до процесса его создания / восприятия в виде когнитивных структур.

Когнитивная лингвистика, описывая устойчивые результаты работы сознания, «потеряла» его носителя – человека, оставила в стороне разницу устройства сознания инди-

видов (феномена), нетождественность генетической природы структур сознания (ментальных единиц) и структур языка (языковых единиц), совмещенность в когнитивных единицах ментального и языкового содержания при постоянной обширности первого, дискретности, частности репрезентации второго. Сделав это, она приравняла результаты эстетической деятельности этого сознания (модель) к формам деятельности (феномену).

Если художественный текст порожден индивидуальным сознанием в ходе эстетически направленной речевой деятельности автора и является вербальной моделью одновременно и конкретного сознания, и его деятельности, то можно ли его исследовать методом, предназначенным для описания типовых механизмов, стабильных структур познания, воплощенных в стабильных структурах языка (как поступает обычно когнитивная лингвистика)?

Насколько велика в ходе порождения (соответственно – в ходе восприятия и исследования) роль прототипического способа познания мира эстетически настроенным сознанием? Думаю, только экспериментальная проверка может дать ответ на этот вопрос. Кроме того, стоит ли абсолютизировать этот фактор в области текстовой деятельности, если мы до конца не можем очертить область действия прототипа, выяснить несходство этнонациональной окрашенности представителей категории и установить момент, когда сознание начинает картировать мир по прототипическому сценарию? Необходимо помнить и о том, что категоризация как деятельность сознания при образовании когнитивных структур и актуализация субъективного смысла, обусловленная состоянием сильной эмоциональной напряженности в момент порождения текста, – не одно и то же. Тогда исходя из какого прототипа исследователь воссоздает «глубинную семантико-когнитивную структуру текста»?

Не менее болезнен вопрос о соотношении понятий и терминов «семантический» и «когнитивный». Если область семантики ограничить областью языковой системы или языка₂ как системы конструкторов и правил их комбинирования [4–5], то совмещение в одном понятии семантического и когнитивного при анализе художественного текста возможно только в одном случае: семантический

анализ значения языковых единиц, присутствующих в тексте, позволяет производить реконструкцию актуальных смыслов, инвариантно репрезентированных в нем, и определять, какие когнитивные структуры последние представляют. Традиционный семантический анализ предполагает выявление семантической структуры слова, т.е. имеет дело со структурой и функцией реального объекта в системе языка и является продуктом научного осмысления. Идеальный же образ, эквивалент реального предметного мира в обыденном сознании носителей языка – когнитивная или концептуальная структура (структуры сознания). Эти структуры – разнопорядковые, хоть и коррелирующие явления, находящиеся в компетенции разных наук.

Вклад сознательного и бессознательного в когнитивные процессы тоже трудно определить с помощью заявленного семантического или концептуально-семантического анализа текста. Во всяком случае, его, видимо, следует оценивать, учитывая данные нейрофизиологии о том, какие действия мозга и структуры мышления генетически запрограммированы, а какие – благоприобретены.

Предложенные Й. Шеном, Дж. Лакоффом, М. Фримен, Р. Цуром и другими пути когнитивного исследования специфики художественных систем как воплощения стабильных результатов познавательных процессов не учитывают качеств динамичности и функциональности, присущих индивидуальному сознанию в процессе категоризации мира. По этим причинам без внимания остается специфичность разнонаправленной деятельности сознания. Имеем в виду деятельность при формировании собственных когнитивных структур (концептов, стереотипов и пр.), при организации художественной материи для воплощения индивидуальных актуальных смыслов, существующих в рамках имеющихся когнитивных моделей, при восприятии, понимании, интерпретации этой материи как деятельности принципиально целенаправленной, креативной.

Текст в таком случае должен исследоваться как функциональное устройство, передающее особенности авторской интерпретации мира, и форма воплощения специфических смысловых (когнитивных) структур автор-

ского сознания, совпадающих / не совпадающих со структурами другого индивидуального или конвенционального сознания. В последнем случае еще предстоит выяснить, что под ним понимать, на каком толковании остановиться и как определить его состав.

Процессы создания текста и процессы его восприятия – взаимонаправленные, совпадающие по своей сути когнитивные процессы. Способы образования концептов (феноменов) индивидуальными и коллективными сознаниями принципиально одинаковы, поскольку едины психофизические механизмы восприятия, категоризации, связывания ментальных и вербальных единиц и пр. Последние содержат не только аналоговые стратегии, но и стратегии причинно-следственные, включения, исключения, подведения частного под общее и т.п. Все они находят формы своего когнитивного воплощения и способы текстового, речевого (художественного и бытового) воплощения.

Культурологический «фильтр» в процессе категоризации взаимодействует с социальными, эстетическими, возрастными и прочими «фильтрами», причем результаты их совокупных действий в каждом случае неодинаковы, поскольку их роль в интегративном процессе не равнозначна. Согласимся с распространенным тезисом о том, что «текст «обитает» в культуре», что «именно коллективное знание задает те ориентиры, в соответствии с которыми продуцент текста придает последнему определенную структуру, отвечающую принятым культурой требованиям к языковому оформлению содержания высказывания» [4, с. 26]. Но это коллективное знание индивидуально присваивается и субъектно воплощается в отобранных языковых средствах при продуцировании текста. Читатель (исследователь) получает к нему доступ опосредованным путем в ходе собственной речемыслительной деятельности, так как средой обитания текста является концептуальная система реципиента [3]. Именно поэтому возникает множественность смыслов и неоднозначность интерпретаций текста. Они – следствие несовпадения концептосистем реципиента и продуцента, неравенства доминирующих компонентов их сознаний, когнитивных, семиотических, коммуникативных стратегий и эстетизированных эмоций.

В этом отношении нет принципиального различия между «отложенной» и «быстрой» концептуализациями. Само противопоставление этих понятий свидетельствует о том, что в области концептуализации в очередной раз происходит смешение феномена и модели. Оно приводит к отождествлению процессов образования единиц сознания (концептов), актуализации ряда смыслов, образованных на базе их компонентов, вербальной передачи их говорящим, дающим лишь «намек» на смысловые и информационные области, соотносимые им с данными языковыми знаками, и моделями этих процессов, которые осознанно или неосознанно «творит» читатель и целенаправленно выстраивает исследователь. Тогда о каких концептах (может быть, конструктах?) мы говорим? Какую концептуализацию имеем в виду: процессы работы сознания или деятельность по реконструкции его составляющих, образование психоментальных единиц или их моделирование по языковым компонентам?

Конечно, художественный текст может оказывать большее воздействие, чем бытовая речь, поскольку мотивы речевой деятельности в бытовом диалоге и при создании текста различны. Кроме того, любой текст обладает выраженной ритмической (проза) и ритмомелодической (поэзия) структурой. Ритм, как известно, – мощный фактор суггестии, дающей художественным системам дополнительное воздействующее качество. Для поэзии, как правило, рассчитанной на произнесение вслух, кроме зрительного восприятия, еще одним добавочным фактором является фактор любой «внешней формы» (имею в виду структуру всего поэтического текста и каждого его фрагмента – композиционную, метрическую, фоносемантическую, графическую и пр.).

Когда исследователь «воскрешает глубинную структуру текста» или «раскрывает глубинный смысл художественной модели», он занимается сознательной профессиональной реконструкцией смысловой системы текста и автора, производимой по параметрам, заданным исследователем, но с учетом «указателей», расставленных автором. Таким образом, «отложенная» концептуализация – очередная интерпретация того же текста, произведенная с позиций другого состояния концептуальной системы реципиента (послед-

няя находится в постоянном движении), имеющая в основе другие мотивы речевой деятельности.

Кроме того, художественный текст – всегда форма «неестественной» или «имитирующей» коммуникации. Традиционно считается, что большей степенью приближенности к обычной речи обладает поэзия, меньшей – проза. И та и другая формы имитирующей коммуникации организованы эстетизированной эмоцией, являются проявлением смыслообразующего компонента текста и всей концептуальной системы автора [10; 11]. Следовательно, специфика коммуникативной структуры текста всегда свидетельствует о специфике соответствующих когнитивных структур и актуальных когнитивных признаков авторского сознания. Набор типичных коммуникативных моделей автора или текста – индивидуальный когнитивный набор, организованный коммуникативными стратегиями, отличающий одни художественные системы от других. Конвенциональный состав таких моделей ограничен. Но возможности их комбинаций, способов изменения по ходу разворачивания текста велики. Последнее – проявление, в том числе когнитивных устремлений автора, и дифференцирующая с позиций поэтики величина.

Эмотивная составляющая текста как коммуникативно направленного вербального произведения, обладающего структурно-смысловым единством [6, с. 42], играет далеко не последнюю роль. А.В. Кинцель экспериментально обосновала зависимость цельности текста от эмоциональной доминанты. Исследователь считает грамматическую и семантическую связность формой представления смысловой (психической) связности, которая определяется в первую очередь мотивом речевой деятельности. Единственным представителем мотива в тексте как результате речевой деятельности является эмоция [6, с. 30].

Отсюда вытекает, во-первых, что неэмоциональных текстов нет, во-вторых, не может быть «эмотивной диффузности» художественного текста, о которой пишет Р. Цур как о типичном поэтическом эффекте, когда эмоциональность размывается, растворяется в «ткани» текста, создавая не всегда уловимую эмоциональную атмосферу, ускользающую от категоризации и кристаллизации [16, с. 5–6].

Эффект размытости, как и явление «эмоционального резонанса», могут быть интерпретированы в психолингвистическом ключе как адекватное восприятие реципиентом доминантной эмоции автора (эмоционального компонента доминантного смысла), обнаруженной через языковые структуры текста, и порождение ответной эмоции сходной модальности. Именно эмоциональный компонент доминантного смысла, по мнению А.В. Кинцель, регулирует восприятие текста [6, с. 38]. В разных текстах он реализуется по-разному в зависимости от характера мотива речевой деятельности. Эстетизированная эмоция, представленная в художественном тексте, соотносена с эстетическим идеалом автора [9, с. 145], она, как правило, сильнее, чем обычная нейтрально-положительная модальность разговорного или публицистического речевого произведения, потому и выражена целым комплексом языковых средств, структурированных в рамках поэтических или прозаических когнитивных моделей.

Текст – цельная, динамичная, открытая система (в современном синергетическом понимании системы). В этом смысле текст не только некое графически зафиксированное сообщение, но и сложное целое, находящееся на пересечении вне- и внутритекстовых связей. Любые художественные приемы, поэтические фигуры, текстовые формы, «языковые трюки», языковая (когнитивная) игра, лакуны или «сгущения» не случайны. Они активизируют поисковую и эмоционально-оценочную деятельность человека, заставляют реципиента актуально осознавать языковые формы и отношения между ними и/или «между содержанием текста и индивидуальной картиной мира, принятой в социуме системой норм и оценок и т.д., что в других ситуациях не замечается по причине «прозрачности» понимаемого» [4, с. 26]. В этой деятельности реципиент, хочет он этого или не хочет, воспринимает наиболее целенаправленно выраженные, следовательно, наиболее важные, доминантные для продуцента, актуальные когнитивные признаки. Тогда стоит подчеркнуть: когнитивно доминирующей величиной текста является авторское сознание. Игнорирование этого приводит к созданию поэтики «без человека», к установлению когнитивных параметров вне выявления структур индивидуального художествен-

ного сознания в частности и человеческого сознания в целом.

Оставление без внимания функционального механизма, вырабатывающего не только абстрактные поэтические единицы, приемы, модели, оперирующего отнюдь не только типовыми поэтическими метафорами, опирающегося не только и не столько на прототипические ментальные модели, исключает, во-первых, деятельность сторону индивидуального сознания. Во-вторых, не позволяет считать дифференциацию частных художественных систем дифференциацией типов авторских сознаний (а не разграничением наборов «специфических поэтических знаков», выражающих «типовое поэтическое содержание», бессознательно или сознательно порожденное). В-третьих, не затрагивает сущностную разницу поэтических и прозаических художественных моделей мира как моделей порождения принципиально разных типов художественного текста.

Учитывая сказанное, предлагаем под термином *когнитивная поэтика* объединить совокупность смысловых, концептуальных, семиотических и коммуникативных методик, направленных на выяснение когнитивной мотивации любых эстетически значимых компонентов и всего текста как целого.

Когнитивная поэтика, таким образом, – специфическая комплексная когнитивно-смысловая интерпретация речевого произведения, художественной модели, концептосистемы автора.

Центральной проблемой когнитивной поэтики может стать моделирование структуры и типа сознания автора по всем компонентам текста (в противовес традиционной для поэтики реконструкции фрагментов концептосистемы, отдельных концептов, доминант идиостиля, ключевых слов, с одной стороны, поэтических парадигм, парадигм образов, стилистических приемов, художественных средств и прочего, с другой).

Цель и принципы подобного исследования производны от особенностей когнитивного понимания природы языка, его структуры, механизмов функционирования, от признания эстетической мотивировки основным и главным мотивом порождения художественного текста. Современная лингвистика квалифицирует язык в качестве объекта, помогающего установить доступ к деятель-

ности сознания, к разным сторонам познавательных процессов мышления, к компонентам репрезентированного мира в сознании человека [7, с. 5]. Его индивидуальное использование, выбор определенных грамматических, лексических, синтаксических и других средств для целей представления смыслов, повтор знаков, доминирование отдельных единиц, эксплуатация конкретных языковых механизмов может дать возможность увидеть и понять значительную часть когнитивного айсберга.

С таких позиций когнитивная поэтика – лингвистическое направление, исследующее

моделирующие свойства сознания как креативной системы говорящего (динамической по своему характеру, когнитивной по направленности и способу функционирования), воплощенные в результате эстетически мотивированной речевой деятельности – тексте.

Когнитивный анализ – специфическая разновидность смыслового анализа, итогом применения которого является определение того, какие компоненты каких когнитивных структур с помощью каких языковых средств актуализированы на определенном участке текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Г. Когниотипичность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) // Жанры речи. Вып. 1. – Саратов, 1997.
2. Баранов А.Г. Уровни когниотипичности в текстовой деятельности // Когнитивная парадигма: Тезисы международной конференции. – Пенза, 2000.
3. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. – Барнаул, 1999.
4. Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь, 2001.
5. Залевская А.А. Языковое сознание и описательная модель языка // Методология современной психолингвистики. – М.; Барнаул, 2003.
6. Кинцель А.В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. – Барнаул, 2000.
7. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58. – №5–6.
8. Павленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М., 1983.
9. Пищальникова В.А. Концептуальный анализ поэтического текста. – Барнаул, 1991.
10. Пищальникова В.А. Психопоэтика. – Барнаул, 1999.
11. Пищальникова В.А. Теория значения: синергетический аспект // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы второй школы-семинара. – Барнаул, 2001.
12. Пищальникова В.А. Общее языкознание. – М., 2003.
13. Ухтомский А.А. Избранные труды. – Л., 1978.
14. Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. By Antonio Barcelona. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002.
15. Shen Y. Cognitive constraints on poetic figures // Cognitive Linguistics. – 1997. – V. 8, №1.
16. R. Tsur. Toward a theory of Cognitive Poetics. – Amsterdam, etc.: Elsevier Science Publishers, 1992.

А.И. Новиков

ТЕКСТ И «КОНТРТЕКСТ»: ДВЕ СТОРОНЫ ПРОЦЕССА ПОНИМАНИЯ

Восприятие текста и его понимание, несмотря на все увеличивающееся количество работ по этой проблематике, остается по-прежнему недостаточно изученным, а потому интересным и актуальным не только для лингвистики, но и для ряда других смежных с ней научных дисциплин.

Обычно о понимании текста судят по результату этого процесса. В теоретическом плане такой результат иногда связывают с метафорическим представлением о проекции текста на сознание, где под влиянием языковых средств, составляющих текст, формируются определенные ментальные структуры. Такие структуры и представляют собой результат понимания. Они, как полагают многие исследователи, отображают главным образом то содержание, ту информацию, то знание, которое содержится в воспринимаемом тексте.

В практическом плане о понимании чаще всего судят по пересказам воспринятого текста «своими словами». Такая методика используется часто и в психолингвистических экспериментах. Она позволяет судить прежде всего о самом факте понимания или непонимания субъектом воспринимаемого текста, о полноте и точности понимания с точки зрения усвоения содержащегося в тексте знания, о самом этом знании как содержании текста.

Таким образом, все это служит целям изучения результата понимания, притом опосредованного результата. Это связано с тем, что воспроизведение воспринятого содержания текста в виде другого текста представляет собой специальную деятельность, направленную на порождение вторичного текста, где первичный текст предстает преломленно и опосредствованно.

Между тем при таком подходе остается в тени изучение понимания как мыслительного процесса, отражающего продуктивную аналитическую и синтетическую деятельность сознания. В связи с этим возникает необходимость нахождения такой методики, которая позволяла бы экспериментально исследовать сам процесс восприятия текста

в его более непосредственном виде и более приближенном к реальному протеканию.

Некоторыми представителями гештальт-психологии, исследовавшими продуктивное мышление на материале решения различного рода творческих задач, использовалась методика «думания вслух». Она заключалась в том, что испытуемые должны были вербально выражать все, даже самые нелепые с их точки зрения соображения, возникающие в их сознании по ходу решения предъявляемых им экспериментальных задач. Эти вербализованные соображения фиксировались экспериментатором, а затем подвергались анализу, который позволял проследить путь от первых попыток анализа условий задачи к нахождению функционального решения. Такая методика использовалась, например, К. Дункером в его экспериментах по исследованию творческого мышления в различного рода проблемных ситуациях [3], М. Вертгеймером в процессе решения некоторых математических и игровых задач [2], А.В. Брушлинским при исследовании особенностей творческого мышления и роли прогнозирования в нем [1] и др. Для исследования понимания собственно текста подобная методика применялась в известных экспериментах А.Н. Соколова [7].

В нашем исследовании для решения поставленной выше задачи была использована методика, в некоторых отношениях близкая к методике «думания вслух». Но в отличие от гештальт-психологов, исследовавших мышление на материале различного рода нелингвистических задач, а также от А.Н. Соколова, изучавшего этот процесс в специфических условиях восприятия иностранного текста испытуемыми, не знавшими этот язык, наша методика была применена для исследования восприятия письменного текста на родном языке. Отличием также являлось и то, что в основу нашего эксперимента были положены несколько иные гипотезы, а это нашло выражение в задании, предъявляемом испытуемым. Особенностью здесь является также и то, что участия экспериментатора (например, подсказки в виде наводящих воп-

росов, ответы на вопросы и др.) практически не было.

В основу эксперимента была положена гипотеза об активной роли реципиента, который не пассивно регистрирует содержащуюся в тексте информацию, не является просто «экраном», на котором проецируется содержание текста, а сам строит как бы «встречный текст», или «контртекст», по терминологии Н.И. Жинкина [4]. Другими словами, предполагалось, что в процессе восприятия имеет место не только проекция текста на сознание, но одновременно – и сознания на текст.

Предполагалось также, что такой «контртекст» (если окажется, что испытуемые действительно смогут его построить), будет содержать материал, который позволит судить более полно и точно о внутренней стороне процесса восприятия текста.

В качестве испытуемых в нашем эксперименте участвовали 20 студентов отделения прикладной лингвистики Московского государственного лингвистического университета. Испытуемым последовательно предлагались для восприятия тексты различных видов. В данной работе будут представлены результаты, полученные по двум текстам. Один из них является художественным текстом, другой – научно-популярным, относящимся к технической тематике. Тексты предъявлялись в письменном виде, причем все предложения в каждом тексте были пронумерованы. Ответы испытуемых также фиксировались в письменном виде.

Задание, предлагавшееся испытуемым, было сформулировано следующим образом.

Читая текст, составьте свой «контртекст». Контртекст – это все то, что возникает в Вашем сознании как результат понимания очередного предложения. Он включает в себя не только то, что прямо сказано, а и то, что подразумевается, дано в неявной форме, опосредствованно, в том числе различного рода ассоциации. Составляйте «контртекст» на каждое очередное предложение, не читая последующие. В практическом плане для выполнения Вами задания необходимо:

1. На отдельном листе бумаги записать номер очередного предложения.
2. Под этим номером записать информацию, касающуюся интерпретации данного предложения.

3. Исходное предложение может быть записано в том случае, если в процессе понимания оно подверглось смысловой трансформации, перефразированию.

4. Допускается интерпретация группы стоящих рядом предложений, если они составляют смысловое единство. В этом случае номера предложений записываются через запятую.

5. После составления «контртекста» сформулируйте общий смысл прочитанного Вами текста.

Первый текст, как уже было сказано, представляет собой художественный текст. Это рассказ К. Паустовского «Снег». В нем речь идет о певице Татьяне Петровне, которая вместе с дочерью и ее няней в начале войны была эвакуирована из Москвы, когда там начались налеты немецкой авиации. Она остановилась в маленьком провинциальном городке в доме, хозяин которого вскоре умер. Но на его имя продолжали приходить письма от его сына, который служил на флоте. Одно из этих писем Татьяна Петровна прочитала и узнала, что молодой моряк находится в госпитале и что ему, возможно, дадут отпуск. Татьяна Петровна начинает готовиться к его приезду, делает все так, как было в доме до его отъезда.

Сын хозяина действительно приезжает домой, но всего лишь на одну ночь. Он находится в доме все, как в прежней жизни. Рано утром Татьяна Петровна провожает моряка на поезд и говорит, что они стали как родные. Вскоре она получает от моряка письмо, в котором он пишет, что узнал ее. Она – та девушка, с которой он случайно встретился в Крыму на тропинке парка. Он мечтал потом увидеть ее, но не знал, где ее найти. И вот он встретил ее... Татьяна Петровна, прочитав письмо, говорит себе, что она никогда не была в Крыму, но считает, что разубеждать его, да и себя тоже, не следует.

Особенностью данного текста является то, что в нем реализуются разного уровня смыслы, которые, однако, не выражаются прямо и эксплицитно, а вытекают из внешне простого и скупого повествования. Даже приметы времени, к которому относится повествование, даны очень скупой и требуют своей «расшифровки». Следует отметить, что испытуемым не сообщили, кто является автором воспринимаемого ими рассказа.

Второй текст был взят из научно-популярного журнала и представлял собой рассуждение о том, как можно было бы сделать устройство в виде гидромотолыжи, позволяющее человеку передвигаться по воде, стоя на ней. Обсуждаются возможные технические решения, каждое из которых имеет свои достоинства и недостатки. Особенностью текста является то, что в нем реализуются довольно сложные средства формальной связности, что при кажущейся простоте изложения создает определенные сложности при его восприятии.

Как уже отмечалось, ответы испытуемых фиксировались в письменном виде. В каждом таком ответе содержится номер предложения исходного текста, выступающего в качестве стимула, а затем некоторое высказывание испытуемого по поводу воспринимаемого предложения, являющееся реакцией на данный стимул. Совокупность реакций на один исходный текст одного испытуемого и составляет контртекст данного испытуемого.

В количественном отношении были получены следующие данные. В первом тексте содержится 222 предложения. На каждый текст было получено 20 контртекстов (по количеству испытуемых), следовательно, всего по данному тексту было получено 4440 реакций. Второй текст содержит 65 предложений, по которому было составлено также 20 контртекстов, содержащих в сумме 1200 реакций. В сумме по двум текстам в эксперименте было получено 5640 реакций.

Анализируя полученные данные в целом, следует констатировать тот факт, что в ходе эксперимента полностью подтвердилась гипотеза об активной роли реципиента в процессе восприятия текста, который, ведя своего рода диалог с исходным текстом, действительно создает свой внутренний текст, или «контртекст». В таком «контртексте» находят выражение определенные закономерности, которые характеризуют процесс восприятия текста более непосредственно и прямо.

Первый же, достаточно поверхностный, анализ полученных данных позволяет сделать общий вывод о том, что здесь реальный процесс восприятия текста предстает как существенно отличный от некоторых общепринятых теоретических построений, предлагаемых в качестве универсальных моделей данного процесса. Как же характеризуется

этот процесс по материалам, полученным в данном эксперименте?

Приведем в качестве примера фрагмент «контртекста», составленного по художественному тексту «Снег» испытуемым Г.А., где номера реакций соответствуют номерам предложений исходного текста:

1. Ну и достала же она его.
2. Несчастливая женщина!
3. Город стоял на реке ...
4. Никогда не думала, что галки кличут ненастьем ...
6. Значит, она была из Москвы.
7. Действительно, не стоило этого делать...
8. Пушкино находится где-то в ближнем Подмосковье.
9. Действительно!
10. Интересно, почему?
11. Лучше бы она стала лечиться в лазаретах ...
12. Я тоже люблю зиму.
- 13, 14. Зима, должно быть, была теплой.
15. Мы это уже поняли.
16. Дом был старый.
- 17, 18. Значит, действие происходит где-то в середине 20-го века.

Для удобства анализа полученных результатов все реакции испытуемых были сведены в поля. Для этого под каждым предложением исходного текста были записаны все реакции испытуемых на это предложение, которые и образуют поле реакций, количество которых равно количеству предложений в соответствующем тексте.

Ниже в качестве примера приводится фрагмент такой записи текста, где под каждым предложением приведены выделенные курсивом реакции испытуемых на данное предложение. Номера реакций соответствуют номерам, которые были предварительно присвоены испытуемым.

1. Старик Потапов умер через месяц после того, как Татьяна Петровна поселилась у него в доме.

1. *Татьяна Петровна поселилась в доме старика Потапова и ухаживала за ним, но он умер через месяц.*

2. *Наверное, Татьяна Петровна его допекла.*

3. *Черная вдова?*

4. *Неудивительно, что он умер.*

5. Сразу вспоминается ..., и Михайло Потапыч из русских народных сказок... А дом, наверное, деревенский. Конкретно представляется маленькая избушка. Причем на улице в этой деревне пасмурный день ранней весны.

6. Бедный, он, наверное, не смог с ней ужиться.

7. Почему через месяц после того, как она поселилась?

8. Ну и достала же она его!

9. Она уже месяц жила в его доме.

10. Какое ужасное начало. Когда такое плохое начало, это говорит о том, что весь рассказ, видимо, – тоже ничего хорошего.

11. Татьяна Петровна «довела» господина Потапова.

12. У Потапова были проблемы со здоровьем, и он не выдержал такого напряжения.

13. Возраст взял свое – даже забота Татьяны Петровны не помогла.

14. Ему с ней было плохо.

15. Татьяна Петровна приложила руку к его смерти.

16. Заболел, недолгим было счастье старика, она ухаживала за ним, он был очень старым.

17. Семейная жизнь не удалась.

18. Татьяна Петровна свела Потапова в могилу.

19. Интересно, кто они такие? Но дело тут явно темное. Может, эта Татьяна Петровна уморила старикашку?

20. Татьяна Петровна не смогла выжить старика.

2. Татьяна Петровна осталась одна с дочерью Варей и старухой нянькой.

1. Так как старик был одинок, в доме остались жить Татьяна Петровна с дочерью и нянькой.

2. У ребенка нянька. Интересно, в какое время происходит действие?

3. Жили впроголодь.

4. Хорошо, что не одна.

5. Семья, трое человек, без мужчин.

6. И весь дом был в ее распоряжении.

7. Почему нянька – старуха?

8. Несчастливая женщина.

9. В чужом доме.

10. А дочь была ее? Значит, она поселилась не одна или дочь родилась в течение месяца.

11. Без господина Потапова им скучно....

12. Татьяна Петровна должна была содержать двоих человек.

13. Интересно, кто она старику – хозяйство и дом остались на нее?

14. У нее не было мужа.

В первом предложении содержатся реакции в форме утверждений, предположений, вопросов, выводов, а также связанные с попыткой ориентировки испытуемых в содержании (почему через месяц? интересно, кто они такие?), с возникновением ассоциаций («старик Потапов» вызывает ассоциацию с «Михайло Потапычем»), с визуализацией (конкретно представляется маленькая избушка), с оценкой (бедный). Во втором предложении многообразие реакций является еще большим за счет того, что в стимуле разными испытуемыми выделяются разные аспекты, которые для них актуальны. Например, одних испытуемых интересует время, в которое происходит действие, других – почему нянька – старуха? и т.п. Выделяется также такой аспект, как трудности жизни в связи с тем, что Татьяна Петровна осталась одна (жили впроголодь, трудно содержать двоих человек, трое человек, без мужчин). Остальные реакции отражают отдельные самостоятельные аспекты: сочувствие (несчастливая женщина, ориентировка (а дочь была ее?)), вывод (у нее не было мужа) и др. Таким же многообразием характеризуются и все остальные поля реакций по данному тексту.

В результате анализа всех реакций, полученных в эксперименте по первому тексту, было выявлено 15 следующих их видов: ассоциация, вывод, визуализация, генерализация, интертекст, инфиксация, констатация, мнение, ориентировка, оценка, «перевод», предположение, прогноз, перифразирование, свободный ответ. Были даны следующие рабочие определения каждому из этих видов реакций.

Ассоциация – реакция, вызванная связью, не вытекающей непосредственно из содержания данного предложения, а существующей в сознании как связь слов, независимая от содержания данного стимула (домик на отшибе – как домик с приведениями, кот Архип – а у меня кот Рыжий, трещат печи – трещат по швам, дом наполнился звоном – вечерний звон и т.п.).

Вывод – реакция в виде умозаключения, вытекающего из содержания конкретного

слова или определенного выражения исходного предложения (*зима была теплая; значит, у нее не было мужа; значит, у него была семья до Татьяны Петровны и т.п.*).

Визуализация – вербализация конкретного наглядного представления о чем-то (*так и представляешь себе пейзаж с таким вот домиком, большой шерстистый кот мне представляется и др.*).

Генерализация – сведение содержания предложения к более общему, как правило, банальному суждению.

Интертекст – реакция в виде цитаты из какого-либо другого, как правило, общеизвестного, произведения или в виде отсылки к такому произведению (*«и Родина щедро поила меня березовым соком...», «Евгений Онегин», «мосты все сожжены» и др.*).

Инфиксация – здесь реакция выступает в форме как бы продолжения воспринимаемого предложения, его дополнения, своего рода заполнения межфразового «пространства» (*Снега тускло светили в окна ... под свеченные луной и звездами.*).

Констатация – подтверждение, согласие с тем, что сказано в предложении (*с Москвой, конечно, это не сравнится..., что сделано, то сделано... и т.п.*).

Мнение – как правило, личное отношение испытуемого к тому, что сказано в предложении (*не люблю галок, ненавижу зиму, мне тоже кажется иногда... и т.п.*).

Ориентировка – реакция в виде вопроса (*почему через месяц после того, как она поселилась? интересно, тучи галок там откуда? и т.п.*).

Оценка – реакция, связанная с оценкой того, что сказано в предложении (*какое ужасное начало! логично! и др.*).

«Перевод» – обозначение содержания предложения полностью другими языковыми средствами, как правило, в краткой форме, что можно рассматривать как смысловую интерпретацию данного предложения, собственно выражение его смысла (*семейная жизнь не удалась! это любовь! флирт... и т.п.*).

Предположение – это суждение о прошлом. Индикатором этого типа реакции являются слова «наверно», «возможно», иногда они представлены в форме вопроса (*это, наверно, народная примета, возможно, речь идет о войне или революции? Татьяна Петровна, наверно, была актрисой ... и т.п.*).

Прогноз – в отличие от «предположения» это суждение о будущем, как правило, в плане развития сюжета (*она, наверно, искать его будет! Потом она, конечно, внезапно вспомнит, где она его встречала... и др.*).

Перифразирование – это исходное предположение, пересказанное «своими словами». В нем часто смещены акценты, выделены иные аспекты, внесено дополнительное содержание, или наоборот, некоторая часть содержания утрачена за счет определенной трансформации исходного предложения (*Татьяна Петровна поселилась в доме старика Потапова и ухаживала за ним, но он умер через месяц.*).

Свободный ответ – это реакция, как правило, не имеющая прямого отношения к исходному предложению (*Что наша жизнь – игра!*).

Для каждого из этих видов реакций были получены количественные показатели, характеризующие процентное соотношение их частоты на всем множестве имеющихся реакций. Для художественного текста «Снег» распределение видов реакций по этим их количественным показателям имеет следующий вид.

1. Перевод	– 18.3%
2. Оценка	– 14.8
3. Перифразирование	– 9.8
4. Ориентировка	– 8.3
5. Мнение	– 7.4
6. Предположение	– 7.2
7. Генерализация	– 6.6
8. Констатация	– 5.2
9. Вывод	– 5.0
10. Инфиксация	– 4.8
11. Ассоциация	– 4.1
12. Интертекст	– 2.7
13. Свободный ответ	– 2.6
14. Прогноз	– 2.1
15. Визуализация	– 1.2

Как видно из приведенного выше распределения, большим многообразием характеризуются не только сами реакции, но и показатели их частоты, которые имеют также большой диапазон распределения. Можно предположить, что эти показатели характеризуют виды реакции по их степени сущности в процессе восприятия текста испытуемыми. Но эта сущность является формальной, основанной на количественных показателях. Более интересна сущность содержательная, характеризующая данные

виды реакций с качественной стороны. Для определения такого рода существенности была предпринята попытка соотнести отдельные виды реакций с содержанием конкретных предложений исходного текста. Оказалось, что собственно с содержанием предложений непосредственно соотносятся прежде всего такие виды реакций, как перевод и перефразирование, а также вывод, предположение, ассоциация, ориентировка, прогноз. Назовем эти виды реакций содержательными. Другие же виды реакций к содержанию предложений непосредственно не относятся. Они выражают скорее отношение реципиента к воспринимаемым предложениям, вследствие чего их можно назвать релятивными. Релятивные реакции, не являясь содержательными, участвуют в создании определенного эмоционально-аксиологического поля, определенных интенций и установок, что, как можно предположить, также «работает» в конечном итоге на формирование адекватного образа содержания текста.

Если суммировать количественные показатели видов реакций по двум этим классам, то можно установить соотношение между содержательными и релятивными реакциями в данном тексте. Было установлено, что сумма показателей содержательных реакций составляет 56.1%, а релятивных – 43.8%, вследствие чего содержательные реакции в данном тексте преобладают над релятивными на 12.3%. Все это наглядно демонстрирует не только непосредственную включенность такого рода операций в процесс восприятия текста, но и их «вес» в этой деятельности.

Обратимся к анализу результатов эксперимента, полученных по второму тексту, который по своему жанру существенно отличается от первого прежде всего тем, что является не художественным, а научно-популярным. Кроме того, здесь существенно также и то, что несмотря на свою «популярность», этот текст содержит некоторые технические данные. Вследствие этого его восприятие предполагает использование некоторых, хотя и несложных, но специальных знаний, что, несомненно, должно затруднять восприятие этого текста студентами, получающими гуманитарное образование.

В результате проведенного анализа было установлено, что по составу здесь имеют место в основном те же виды реакций, что

и в первом случае. Отличие заключается лишь в том, что здесь появился дополнительный вид реакций, который мы назвали «аргументация», а такой вид реакций, как «визуализация» здесь отсутствует. Но распределение видов реакций в этом тексте по их процентному соотношению имеет совершенно иной вид.

1. Мнение	– 20.8%
2. Оценка	– 19.3
3. Ориентировка	– 13.8
4. Аргументация	– 8.4
5. Вывод	– 8.2
6. Предположение	– 7.5
7. Констатация	– 6.3
8. Инкорпорация	– 4.5
9. Ассоциация	– 3.1
10. Генерализация	– 2.1
11. Перевод	– 2.1
12. Перефразирование	– 2.0
13. Прогнозирование	– 1.1
14. Интертекст	– 0.4
15. Свободный ответ	– 0.3

В связи с тем, что данный текст содержит в значительной мере фактографическую информацию, предполагалось, что роль содержательных реакций здесь будет более значительной. Поэтому довольно неожиданным было то, что на первом месте здесь оказались релятивные виды реакций, а такие содержательные реакции, как «перевод» и «перефразирование» занимают соответственно всего лишь 11 и 12 места. Но если обратиться непосредственно к самим реакциям, то все это находит вполне рациональное объяснение.

Например, анализ конкретных реакций, входящих в класс «мнение» или «оценка», показывает, что значительная их часть является отношением не столько к содержанию воспринимаемых предложений, сколько к самому тексту, к его тематике, особенностям изложения и т.п. А это вызвано, в свою очередь, тем, что испытуемые, ориентированные на гуманитарное знание, негативно воспринимают технический текст, хотя технические знания и не выходят особенно за рамки их компетенции. Приведем примеры.

1. У Ивана Антоновича Ефремова, замечательного писателя-фантаста, в романе «Туманность Андромеды» есть такие строки.

2. О таком писателе я не слышал
12. Я этот роман не читал.
13. Ефремова я еще не читала.

18. Действительно, хороший писатель.

19. Всего 24 вт/ч на кг.

4. В этом ничего не понимаю.

13. Абсолютно ничего не говорит мне.

Появление здесь дополнительного вида реакций «аргументация» и отсутствие такого вида, как «визуализация» также связано с особенностями данного текста. Рассматриваемый текст представляет собой рассуждение о том, какое из существующих устройств можно было бы выбрать в качестве двигателя для гидромотолыжи. Не довольствуясь доводами автора, испытуемые выдвигают свои аргументы по поводу того или иного обсуждаемого варианта. Например, в тексте содержится фраза:

15. Поэтому бензиновые моторы решительно не годятся.

На нее следуют такого рода реакции:

2. Конечно, во-первых, они тяжелые.

15. А то получится моторная лодка.

16. Выхлопы вредные, пахнут плохо.

Этот вид реакций, несомненно, следует отнести к классу содержательных.

Несмотря на то, что в данном тексте релятивные виды реакций возглавляют частотный список, содержательные реакции здесь также играют существенную роль. В этом можно убедиться, если суммировать по каждому из этих классов их количественные показатели и сопоставить их между собой. Сумма количественных показателей содержательных видов реакций для данного текста составляет 50.7%, а релятивных – 49.2%, т.е. примерно поровну, в отличие от первого случая.

Анализируя содержательные виды реакций, можно прийти к выводу, что они неоднородны по своей функции, которую выполняют в процессе восприятия. Наиболее полно содержательная сторона, как уже отмечалось, выражена в «переводе», поскольку именно в этом случае осуществляется реакция на содержание предложения в целом. Поэтому этот вид реакций является содержательно завершенным и представляет собой сложную интеллектуальную операцию, включающую в себя ряд других, более элементарных операций. «Перевод», являясь результатом осмысления предложения, представляет собой наиболее полный и завершенный механизм восприятия и понимания. Несомненно, что

«перевод» может включать в себя «вывод», которому в свою очередь могут предшествовать «ориентировка», «предположение», «аргументация», «ассоциация». Таким образом, все эти операции, находясь в отношении включения, образуют определенную иерархию и по сути своей являются составляющими мыслительного процесса, лежащего в основе восприятия и понимания текста.

Приведенный выше анализ полученных результатов касался главным образом их достаточно формальных характеристик. Что же они представляют собой в содержательном плане? Другими словами, что они дают для характеристики самого процесса восприятия текста? Для ответа на этот вопрос необходима содержательная интерпретация результатов. Полученный материал столь многообразен, что позволяет осуществлять его анализ многоаспектно, по нескольким различным основаниям, с различных точек зрения. В рамках данной статьи мы имеем возможность обратиться лишь к некоторым из них.

Как уже отмечалось, полученные результаты свидетельствуют о том, что восприятие текста испытуемыми предстает здесь в несколько ином виде, чем это принято в некоторых моделях этого процесса.

Прежде всего, он характеризуется, как уже отмечалось, большим многообразием индивидуальных стратегий, используемых испытуемыми при восприятии и понимании текста, что находит выражение в большом «разбросе» реакций у одного испытуемого по тексту в целом и по одному и тому же предложению у разных испытуемых.

Дополнительной характеристикой многообразия реакций может служить такой параметр, как доминантность того или иного вида реакций внутри каждого поля. Для ее определения вычислялось отношение количества реакций данного вида к общему количеству реакций внутри одного поля. Доминантными считались те виды реакций, у которых данный параметр составлял величину меньше или равную 0.5. Наличие доминанты в том или ином поле свидетельствует о высокой степени единообразия составляющих его реакций и наоборот.

Как показал анализ, такие доминанты в первом тексте содержатся только лишь в 40 предложениях, что составляет 0.17% от об-

щего количества полей. При этом половина из них – такой вид реакций, как «перевод». Это означает, что в остальных полях частота конкретных реакций очень низкая, следовательно, внутри каждого поля представлен большой спектр разных реакций. Этот факт очень важен и значим сам по себе, так как позволяет несколько по-иному посмотреть на сам процесс восприятия и понимания текста. Чем же объясняется такое многообразие, что лежит в его основе?

Как показывает анализ полученных результатов, испытуемые довольно часто реагируют не на предложение в целом, а выделяют в нем какой-либо определенный смысловой аспект. При этом разные испытуемые в одном и том же предложении выделяют разные аспекты, что и находит выражение в многообразии реакций. По нашему мнению, объясняется это характером протекания мыслительного процесса, непосредственно включенного в акт понимания текста. В связи с этим целесообразно рассмотреть данные, полученные в эксперименте, именно с этой точки зрения.

Мыслительный процесс, на котором базируется понимание текста, включает в себя различные, в том числе и стереотипные, рутинные операции. Но нет сомнения, что в данном случае мы имеем дело все же преимущественно с творческим мышлением.

Одним из наиболее известных направлений в изучении продуктивного мышления является направление, рассматривающее этот вид мышления как процесс решения творческих задач, различного рода проблемных ситуаций. Особенностью творческих задач является то, что реципиенту обычно известны исходные данные, составляющие условия задачи, а часто также и то, что необходимо найти. Неизвестным является способ достижения результата. Такое недостающее звено и создает обычно проблему.

Это дает основание говорить о трехкомпонентной структуре таких задач: 1) начальное состояние (исходная ситуация); 2) конечное состояние (конечная ситуация); 3) операция, преобразующая начальную ситуацию в конечную [5; 6]. Продуктивное мышление реализуется в третьем звене данного процесса. Здесь совершается (часто многократное) переструктурирование исходной ситуации в конечную, где эта конечная ситуа-

ция выступает не только в виде цели, но в таком своем качестве и как звено, управляющее этим переструктурированием, направляющее этот процесс.

Простейшей задачей такого типа является, например, ситуация, в которой обезьяна должна достать высоко висящие бананы с помощью имеющихся в ее распоряжении средств: набор палок разной длины, стол, ящик и т.п. Для достижения своей цели обезьяна должна определенным образом комбинировать имеющиеся у нее приспособления до тех пор, пока цель не будет достигнута.

Можно считать, что задача «на понимание текста» также относится к классу проблемных ситуаций. Но ее отличие от предыдущего случая заключается в том, что здесь в той или иной степени известна исходная ситуация, известны средства достижения цели, но конечная ситуация заранее не задана, вследствие чего именно она является «искомой величиной».

В качестве средств достижения цели здесь выступают языковые средства, которые, как уже отмечалось, известны. Известны слова с их словарными значениями, известны правила, по которым слова соединяются в предложении, известны приемы связывания предложений между собой.

Исходная ситуация представлена в тексте информацией, характеризующей «положение дел». В ней должны быть заданы предварительные координаты локализации объекта описания (в художественном произведении – героя) в пространстве и времени, а также исходные, иногда самые общие, параметры и характеристики самого этого объекта. Такая ситуация является как бы внешней по отношению к тексту и может быть выражена в нем минимальными средствами, при этом такие средства могут быть «разбросаны» по тексту, что предполагает их «собрание» в единое целое. Но независимо от степени выраженности исходная ситуация должна быть не только сформирована в сознании реципиента, но и постоянно удерживаться им в оперативной памяти, в чем также может быть скрыта определенная проблемность.

Основной особенностью «задачи на понимание» текста, как уже отмечалось, является то, что здесь не сформулирована в явном виде конечная ситуация, хотя общая цель

ясна. Эта цель базируется на презумпции «содержательности» текста, его осмысленности: если текст написан, то он написан для того, что бы открыть некоторую «тайну», которой владеет автор текста, но она еще не известна читателю. Но это – общая цель понимания всякого текста. В конкретном же тексте эта цель воплощается в конечной ситуации, выражением которой в сознании реципиента является содержание данного текста, его общий смысл, который и служит в данном случае «искомой величиной».

Основным способом решения такого рода задачи также является переструктурирование, позволяющее осуществить переход от представления о «положении дел», связанного с исходной ситуацией, к «сути дела», находящей свое выражение в общем смысле текста. Но если образ конечной ситуации здесь отсутствует, то чем же направляется в данном случае это переструктурирование?

Оно направляется и организуется ситуацией, которую реципиент начинает прогнозировать в своем сознании сразу же после восприятия первых слов, первых же предложений текста. В формировании такой прогнозируемой ситуации помимо языковых средств большую роль играет догадка, базирующаяся на воображении, а также на знаниях, которыми владеет реципиент, и опыте, которым он должен обладать. Поэтому языковые средства сами становятся объектом воздействия такой прогнозируемой ситуации: она, как призма, позволяет «преломлять» под определенным углом зрения языковые средства текста и тем самым осуществлять их осмысление в том или ином ключе.

Но первоначальный прогноз, возникающий в условиях дефицита информации, не всегда является точным, а потому такая прогнозируемая ситуация не всегда и не сразу становится конечной. В процессе осмысления последующих фрагментов текста она может уточняться и существенно изменяться, пока не будет приведена к виду конечной ситуации, что соответствует постижению общего смысла текста в целом.

В художественном тексте «Снег» такая ситуация задается первым же предложением: «Старик Потапов умер через месяц после того, как Татьяна Петровна поселилась у него в доме». То, что здесь задано непосредственно языковыми средствами, является

недостаточно определенным и однозначным. В связи с этим возникают вопросы: кто такой «старик Потапов»? Кто такая «Татьяна Петровна»? Почему Потапов умер через месяц? Почему, на каком основании поселилась у него Татьяна Петровна? и т.д. В зависимости от того, как испытуемые отвечают на эти вопросы, так они и моделируют гипотетическую ситуацию.

В условиях неопределенности в первом предложении на испытуемых большое влияние оказывает оборот «после того, как...», который они интерпретируют как «причина и следствие». В результате практически у всех испытуемых формируется установка: смерть Потапова как-то связана с тем фактом, что Татьяна Петровна поселилась в его доме. Но такая установка в свою очередь требует объяснения, почему она поселилась в этом доме, на каком основании? Не имея в первом предложении никаких пояснений по этому поводу, большинство испытуемых в качестве причины вселения предполагают возникшие «семейные отношения» в результате того, что Татьяна Петровна вышла замуж за Потапова. Далее все эти реакции делятся на те, в которых предполагается, что Татьяна Петровна «заботилась» о Потапове, «ухаживала» за ним, но, несмотря на это, «не смогла выходить старика». Большая же часть испытуемых исходит из другой установки: Татьяна Петровна ускорила смерть Потапова, поскольку она его «допекла», «достала», «довела», «создала напряжение», «приложила руку к его смерти».

Вот эта гипотетическая ситуация и начинает оказывать влияние на интерпретацию языковых средств текста, на его дальнейшее понимание. При этом для разных испытуемых это влияние является различным в зависимости от того, как они воспринимают последующее развитие текста.

Начиная с шестого предложения в тексте появляются некоторые сведения, позволяющие уточнить гипотетическую ситуацию, в частности, представление о Татьяне Петровне и о тех обстоятельствах, которые привели ее в этот провинциальный городок. Приведем данный фрагмент текста. «Татьяна Петровна долго не могла привыкнуть после Москвы к маленькому городку... «Какая я дура! – думала Татьяна Петровна. – Зачем я уехала из Москвы, бросила театр, друзей!

Надо было отвезти Варю к няне в Пушкино – там не было никаких налетов, а самой остаться в Москве. Боже мой, какая я дура!». Но возвратиться в Москву было уже нельзя».

Из этих нескольких предложений становится ясно, что, во-первых, Татьяна Петровна приехала из Москвы, во-вторых, что она работала в театре, следовательно, можно предположить, что Татьяна Петровна – артистка. Кроме того, в городок она приехала вследствие того, что в Москве начались «налеты», а именно налеты немецкой авиации. Это означает, что речь идет об осени 1941 г., и что Татьяна Петровна оказалась в этом городке не по своей воле, а в результате массовой эвакуации, которая проводилась в то время. Все это хотя и косвенно, но объясняет, почему она поселилась у Потапова: скорее всего «по разнарядке» какого-нибудь местного органа власти. Следовательно, никаких причинно-следственных связей между смертью старика Потапова и ее поселением в доме не имеется. Очевидно, что Варя – это ее дочь. Вследствие упоминания о няне можно предположить, что дочь еще маленькая, а отсюда сделать вывод, что Татьяна Петровна – молодая женщина.

Как же пользуются этой информацией испытуемые для уточнения возникшей в их сознании гипотетической ситуации? Очень по-разному.

Некоторые испытуемые реагируют на эту информацию вполне адекватно и сразу. Вот пример таких реакций:

6.8. *Значит, она была из Москвы.*

7.2. *Актриса какого-то театра.*

8.2. *Налеты – Великая Отечественная?*

10.2. *Осень 1941.*

Другие же испытуемые реагируют не столь адекватно (8.7. *Что за налеты? Возможно, речь идет о войне или революции?*) или совсем неадекватно, демонстрируя непонимание сути происходящего (8.3. *Налетов кого? Рэкетиров? 8.10. Налеты – это грабежи?*). Некоторые испытуемые как бы не замечают адресованные им сигналы, выделяя какие-то второстепенные, не очень важные в данном контексте аспекты:

6.11. *Очень приятно пожить в деревне некоторое время, но долго городской человек там не выдержит.*

7.3. *Хандра, сплин.*

7.4. *Самокритично.*

7.10. *Хорошо там, где мы есть...*

У этих испытуемых необходимая перестройка может наступить несколько позже, поэтому можно говорить о некоторой отсроченности воздействия содержащихся в тексте сигналов. Приведем некоторые примеры.

Показательной в этом отношении является реакция испытуемых на предложения, где речь идет о том, что на имя умершего хозяина дома продолжали приходить письма. Возникает вопрос: от кого? И хотя из предшествующего содержания уже можно сделать вывод, что писать мог сын Потапова, только один испытуемый сразу же (31 предложение) делает правильную догадку. Другие же делают правильный вывод в 40-м предложении, а некоторые только в 99-м:

99.4. *А это сын был! Все, я поняла!*

Здесь реализуется закономерность, заключающаяся в том, что по мере восприятия текста происходит своего рода накопление информации, достижение некоторого информационного порога, после чего наступает адекватная реакция, причем иногда в таком месте, где нет явных и прямых показаний для этого. При этом для разных испытуемых этот информационный порог является разным. Так, например, после восприятия предложения 140 некоторые испытуемые делают вывод:

140.6. *Она (Татьяна Петровна) была очень красивая.*

140.8. *Она была красива.*

Примечательно то, что в самом этом предложении не содержатся какие-либо явные сигналы, свидетельствующие о красоте Татьяны Петровны. Тогда на основании чего делается такой вывод? Может быть, такие основания есть в предшествующих предложениях? Приведем полностью данный фрагмент текста.

Кто-то осторожно тронул Потапова за плечо. Позади него стояла молодая женщина с бледным строгим лицом, в накинутом на голову теплом платке. Она молча смотрела на Потапова темными внимательными глазами. На ее ресницах и щеках таял снег, осыпавшийся, должно быть, с веток.

Возможно, предположение о красоте Татьяны Петровны делается на основании каких-то коннотаций, возникающих в связи с такими словами, как: молодая женщина, темные внимательные глаза и др., хотя ни одно из них прямо не свидетельствует о ее красоте.

Подобная же реакция возникает и по поводу другого фрагмента текста:

174. Он посмотрел на нее.

11. Она, наверно, красивая.

175. Свет свечей падал сбоку, освещал половину ее лица.

11. При этом освещении она была еще прекраснее.

Несмотря на такую отсроченность реакций и не всегда ясную их мотивированность, в большинстве случаев испытуемые с разной степенью успешности реализуют механизм попеременной опоры на текст, его языковые средства и прогнозируемую предметную ситуацию, вследствие чего осуществляется последовательное переструктурирование исходной ситуации в конечную, что и является свидетельством понимания текста в целом.

В некоторых случаях о таком переструктурировании можно судить косвенно по содержанию последующих реакций. В других же случаях имеются прямые указания самих испытуемых о такой перестройке первоначальной установки. Например, испытуемый Г.М. (№5) реагирует на предложение 23 следующим образом:

23.5. Так и вижу эту Татьяну Петровну: за 50 лет, полную, с хвостиком на затылке и т.д.

Эта установка на то, что главная героиня – пожилая женщина (возникающая главным образом потому, что автор называет ее по имени и отчеству), также является прогнозируемой ситуацией, которая оказывает вполне определенное влияние на интерпретацию последующих предложений. Но в предложении 96 данный испытуемый делает вывод: *так она молодая? Хм...*, что, несомненно, свидетельствует о перестройке первоначальной гипотезы.

Другой показательный в этом отношении пример:

8.9. Так, значит, была война, отказываюсь от предыдущей реплики.

Между тем наш эксперимент свидетельствует, что для некоторых испытуемых первоначальная гипотетическая ситуация, смоделированная ими в условиях дефицита информации, остается устойчивой надолго, иногда практически до конца текста. Она не подвергается необходимым изменениям и уточнениям под влиянием новой информации, встречающейся испытуемому в тексте.

Наоборот, информация, на основе которой эта гипотетическая ситуация могла бы измениться, сама переосмысливается в соответствии с этой ситуацией, как бы подгоняется под ее понимание. В качестве примера приведем некоторые реакции испытуемой Т.С. (№6), у которой данная тенденция выражена наиболее ярко.

Реакция на первое предложение этой испытуемой мало чем отличается от реакции других испытуемых. Здесь явно выражается негативное отношение к Татьяне Петровне.

Бедный! Он, наверно, не смог с ней ужиться!

На предложение 7, в котором содержится информация, позволяющая понять, кто такая Татьяна Петровна, откуда она и подобная, испытуемая реагирует следующим образом:

Да, действительно, ненормальная!

Из этого ответа ясно, что испытуемая игнорирует важные сигналы, позволяющие переструктурировать гипотетическую ситуацию, и выбирает в предложении несущественный аспект.

Испытуемая не только не изменяет первоначальную модель ситуации при восприятии последующих предложений, но и усиливает ее, что видно из следующих примеров.

Предложение 21 с информацией о том, что Татьяна Петровна знала, что у Потапова есть сын:

Значит, у него была семья до Татьяны Петровны.

Предложение 23, где говорится, что Татьяна Петровна, брала фотографию сына и, нахмутив тонкие брови, задумывалась.

Кому приятно думать о семье (бывшей) своего мужа.

Предложение 31: *...начали приходить письма на имя Потапова.*

Скорее всего письма от его жены (т.е. бывшей жены Потапова). И это притом, что о жене Потапова в тексте нет ни малейшего намека!

Когда в тексте появляются сведения о том, что письма были от сына Потапова, который, выписавшись из госпиталя, возможно, приедет в отпуск домой, испытуемая Т.С. не только не меняет своей первоначальной версии о положении дел, но преломляет эту информацию исходя из своей модели исходной ситуации. Она начинает интерпретировать от-

ношения Татьяны Петровны и молодого Потапова как отношения мачехи и пасынка. Это подтверждает реакция на предложение 67:

Но разум взял верх, и она начинает готовиться к приезду сына своего мужа.

И далее:

Она по-матерински посмотрела на него.

В дальнейшем события в тексте интерпретируются уже исходя не только из первой главной модели, но и из этой дополнительной, которая не отменяет первую, но полностью согласуется с ней, включается в нее. Это подтверждается следующими примерами:

... у Николая была небольшая неприязнь к этой женщине (как к мачехе!—А.Н.).

Реально же в тексте — все наоборот.

В то время как другие испытуемые на предложение 190 реагируют репликами: *Это любовь! Она в него влюбилась!* и т.д., наша испытуемая считает:

Она приняла его и относилась к нему как к части своей семьи.

И только в процессе восприятия второго письма Николая Потапова, где он пишет о своей встрече с якобы Татьяной Петровной в Крыму (205. Этой девушкой были Вы!), наша испытуемая реагирует следующим образом:

Теперь все стало на свои места.

Эта реакция на первый взгляд свидетельствует о том, что испытуемая наконец-то изменила модель исходной ситуации и теперь вполне адекватно может воспринимать дальнейшее развитие текста. Но последующие реплики внушают подозрение, что испытуемая, приняв ситуацию влюбленности, тем не менее полностью от своей первоначальной версии не отказалась.

Судьба сыграла злую шутку.

Любовь!

Все это так странно и так страшно!

Не может быть!

А что же дальше?

Эти последние реакции заставляют думать, что первоначальная установка, если и изменилась под влиянием соответствующей информации, содержащейся в тексте, то не полностью. В какой-то степени об этом свидетельствует и то, как эта испытуемая определяет общий смысл данного текста.

Грустная история от начала и до конца. Начинается со смерти человека и кончается обманом человека, который всю жизнь будет думать, что жизнь к нему

несправедлива. Я считаю, что во всем виновата Татьяна Петровна. Она мне не понравилась с первых строк рассказа.

Жила бы она тихо и не будоражила бы большое воображение молодого мальчика. Она его спровоцировала на такие мысли, будто он был в нее влюблен еще много лет назад. Самое светлое пятно в повести — Варя, маленькая девочка, но которая порой понимает больше, чем ее мать.

Этот краткий анализ реакций испытуемых с точки зрения участия их в мыслительном процессе, направленном на понимание текста, позволяет ответить, как нам представляется, хотя бы в самом общем виде на поставленный выше вопрос: чем объясняется такое разнообразие реакций испытуемых, которое было выявлено в эксперименте?

С нашей точки зрения, это определяется полнотой, точностью и адекватностью прогнозируемой конечной ситуации, «разноскоростным» характером ее переструктурирования, вследствие чего одни и те же предложения по-разному преломляются для разных испытуемых, «поворачиваются» для них разными гранями, а также индивидуальными особенностями испытуемых (их опыт, внутренние установки, эмоциональное состояние, фоновые знания и т.п.), структурными особенностями самого текста.

В контексте полученных данных, как нам кажется, находит объяснение такое явление, как целостность текста, которое в психолингвистике рассматривается как одно из наиболее фундаментальных.

Как известно, психолингвистика, в отличие от собственно лингвистики, исходит принципиально из первичности целостности текста: не части текста, интегрируясь, образуют единство, а наоборот, — целостность задает текст. При порождении эта целостность обеспечивается единством замысла, при восприятии и понимании — целостностью образа содержания текста. Но откуда же берется эта целостность содержания, если текст еще не воспринят в целом?

Результаты нашего эксперимента дают наглядное представление о том, как это происходит. Выявлено, что с восприятия первой же фразы делаются попытки моделирования наиболее общей, глобальной ситуации, которая, даже будучи гипотетической, на каждый определенный момент восприятия тек-

ста выступает как целостность. Принципиальную значимость здесь имеет то, что такая ситуация по своей сути является экстралингвистической. Она задает своего рода

алгоритм интерпретации языковых средств текста, преломления их языковых значений сквозь призму этой целостности и тем самым дает способ постижения их смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. – М., 1979.
2. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. – М., 1999
3. Дункер К. Психология продуктивного мышления. – М., 1965
4. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982.
5. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. – М., 1979.
6. Рейтман У. Познание и мышление. Моделирование на уровне информационных процессов. – М., 1968.
7. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. – М., 1968.

В.А. Пищальникова, С.П. Нестеренко

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГАРНИТУРЫ ШРИФТА КАК РЕГУЛЯТОРА ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ ПЕЧАТНОГО ТЕКСТА

Многоэтапный эксперимент, описываемый в статье, посвящен проверке гипотезы о регулирующем воздействии гарнитуры шрифта на восприятие и понимание печатного текста. Гарнитура шрифта (ГШ) – эстетически значимая смыслодержательная модель модификации графемы, неосознаваемо воспринимаемая реципиентом на стадии визуальной перцепции печатного текста. Единицей регуляции восприятия является гарнитурно-шрифтовой вариант (ГШВ) графемы как функциональное единство художественных особенностей конкретной гарнитуры и графемы. Графема – инвариант графического знака, аккумулирующий минимальный набор его дифференциальных признаков, выполняющий смыслообразительную функцию и представленный в тексте рядом позиционно и непозиционно чередующихся буквенных вариантов. Регулирующая функция ГШ печатного текста проявляется:

а) в характере соотношенности ГШ с графемой, определяющем смыслообразительное различие буквы;

б) в степени интенсивности эстетизированной эмоции, возникающей при восприятии ГШВ;

в) в наличии разной степени и характера ассоциативной связи между графическим способом репрезентации и содержанием текста.

Цель экспериментального исследования – проверить способность гарнитуры шрифта регулировать восприятие печатного текста и при наличии такой способности выявить характер регулирующего воздействия.

Норма условий восприятия печатного текста выработана практикой и описана в ранних исследованиях по восприятию типографских шрифтов. Так, Р. Пайк [16] в качестве естественных условий называет следующие: нормальная поза читателя, нормальное освещение, горизонтальное расположение строк, находящихся одна под другой, приблизительное соотношение количества строчных и прописных букв 9:1, черный цвет текста на белом фоне, расстояние между глазами и текстом – от 6 до 16 дюймов (15,24–40,64 см).

Наши эксперименты проводились в естественных, привычных для реципиентов условиях восприятия печатных текстов, т.е. внешние по отношению к ГШ условия были стандартными: дневное либо искусственное освещение, однокрасочные (черные) тексты распечатаны лазерным принтером на белой бумаге, строки текстов расположены друг под другом (если эксперимент не требовал другого расположения), тексты воспринимались на расстоянии 20–40 см от глаз реципиентов, под углом зрения 30–80 градусов над линией горизонта.

Отбор материала обусловлен спецификой реализации каждого из перечисленных регулирующих факторов ГШ. Так, для анализа регулирующего потенциала ассоциативности необходим текст в единстве его формально-содержательных компонентов. Исследование эстетизированной эмоции можно осуществлять лишь на базе псевдотекста, состоящего из псевдослов, поскольку необходимо обнаружить эмоционально-эстетическое содержание собственно графемы, реализованной в ГВШ, а не слова. Для анализа регулирующих свойств соотношенности ГВШ с графемой также нужен связный текст, так как смыслообразительная функция графемы реализуется в рамках высказывания (текста).

Исследованию гипотетически предлагаемых факторов регуляции предшествовал этап предварительного отбора для эксперимента шрифтовых гарнитур. Статистически была сформирована группа ГШ, имеющих наибольшую вероятность быть объектом восприятия. Известно, что периодическая печатная продукция наиболее регулярно и последовательно привлекает внимание большинства потенциальных реципиентов. В качестве материала для эксперимента мы использовали ряд высокотиражных городских и краевых изданий. Кроме того, в целях нейтрализации возможного эффекта взаимовлияния на стиль оформления этих изданий, в частности подражания в использовании ГШ другими авторитетными изданиями, мы включили в эксперимент

ряд высокотиражных изданий, выходящих в другом регионе и практически не распространенных на территории экспериментального региона. В соответствии с целью эксперимента из всего массива материала были выбраны тексты, ориентированные на оказание регулирующего воздействия – тексты рекламных объявлений. Реклама, представляющая собой «форму коммуникации, которая пытается перевести качества товаров и услуг, а также идеи на язык нужд и запросов потребителя» [15, с. 54], имеет целью регуляцию поведения реципиента: «Прагматические задачи, стоящие... перед работниками рекламы, – побудить людей купить рекламируемые товары или воспользоваться услугами – помогают исследователю рассмотреть реальные задачи, которые стоят перед коммуникантами. Речь действительно служит средством передачи сообщений... но передача речевых сообщений никогда не является конечной целью общения, эта передача всегда есть только средство достижения других целей, конечной из которых является цель управления деятельностью собеседника» [12, с. 9–10] (курсив наш. – В.П., С.Н.). Рекламное объявление представлено в периодических изданиях в виде оригинал-макета – информационного блока, компактного по объему и содержащего текст, иногда – иллюстративный материал (фотографии, рисунки, схемы и проч.). Текст рекламного оригинал-макета, как правило, имеет четкую визуальную иерархическую организацию: графически акцентированы те компоненты, которые должны, по расчетам авторов, выполнять повышенную смысловую нагрузку, иметь наибольшую ценность для реципиента и, соответственно, оказывать наибольшее регулирующее воздействие на процесс восприятия текста в целом. Поэтому мы сочли достаточным основанием для статистического определения наиболее частотных ГШ использование их в акцентированных текстовых элементах. Это позволяет определить их как смысловую доминанту и вычленив репрезентирующие ее текстовые лексические компоненты, которые вследствие повышенной смысловой нагрузки акцентированы графически.

Основным способом графической акцентировки смысловой доминанты в рекламном оригинал-макете является увеличение размера (кегля) слов по сравнению с остальными:

«Чем крупнее шрифт, тем он графически тяжелее, тем сильнее его воздействие на читателя, тем активнее его восприятие» [1, с. 85]; «Броский символ берет на себя роль ударного звена, с которого начинается восприятие. Каждый последующий знак в сознании зрителя ведет к расширению образных и логических связей, последовательному обогащению художественного образа и его органическому слиянию с идеей...» [13, с. 70]. Кроме того, лексемы, представляющие доминантные смыслы (далее для удобства – доминантные слова), выделяются с помощью их специфической пространственной ориентации: они размещаются в так называемом оптическом центре оригинал-макета (об этом см.: [16]). Таким образом, основанием для выделения доминантных слов в рекламном оригинал-макете с позиций автора-разработчика является их повышенная смысловая нагрузка, а с точки зрения реципиента – визуальные характеристики доминантных слов: размер, отличный от размера других слов, размещение в оптическом центре и, как правило, горизонтальная пространственная протяженность. Иные основания для выделения доминантных слов с позиций реципиента в данном случае нерелевантны.

На начальном этапе экспериментального психолингвистического исследования регулирующей функции ГШ с помощью гарнитурно-шрифтовых характеристик доминантных слов, наиболее частотных в исследуемом материале, нами была сформирована группа, состоящая из 14 гарнитур. Эти гарнитуры, с одной стороны, чаще остальных выбираются разработчиками рекламных оригинал-макетов в качестве одного из средств эффективного воздействия на реципиента, а с другой стороны, наиболее часто являются объектом внимания реципиентов. Затем в группе реципиентов был проведен ассоциативный эксперимент, связанный с произвольным выбором для каждого из анализируемых слов наиболее подходящего ГВШ. Реципиентам предлагалось выбрать один или несколько вариантов начертания, по их мнению, более соответствующих значению данного слова. Результаты эксперимента были сопоставлены со статистическими данными, полученными при обработке ассоциативности ГШ в оригинал-макетах. Реципиенты были дифференцированы на две группы: причастные

и непричастные к сфере полиграфической деятельности (известно, что полиграфисты-профессионалы проявляют четко выраженную пристрастность в использовании ГШ). Третий этап экспериментального исследования был направлен на проверку соотнесенности ГШ с графемой. Анализировалась степень узнаваемости каждой ГШ из сформированной ранее группы наиболее частотных гарнитур. Поскольку узнаваемость предполагает распознавание ГВШ графемы на основании дифференциального анализа ее компонентов, эксперимент требовал от реципиентов внимательного и детального анализа гарнитуры доминантных слов. На этом этапе реципиентам сначала было предложено из списка частотных общеупотребительных слов исключить те, которые распознаются с трудом или не распознаются вообще. Слова были предложены в инвертированном (отраженном относительно вертикали) изображении, чтобы затруднить идентификацию букв. Цель усложнения – активизировать способность реципиента к мысленному переконструированию зеркального облика буквы в прямой. Применение инвертированных ГВШ для исследования их регулирующего потенциала обуславливается рядом нейро- и психофизиологических особенностей восприятия. Во-первых, инвертированное слово, усложняя распознавание, делает процесс перцепции более произвольным и осмысленным по сравнению с восприятием неинвертированных частотных слов, происходящим практически операционально. «Затруднить перцептивное действие, сделать его более напряженным можно путем создания таких стимульных условий, которые не способствуют или даже противодействуют решению перцептивной задачи» [3, с. 178]. Усложнение условий перцепции влияет на интенсивность зрительного внимания, реализующуюся «в различной степени осознанности того зрительного содержания, на которое в данный момент направлен взор» [3, с. 228]. Ценность использования инвертированного ГШВ, таким образом, состоит в возможности получения осмысленной, а не спонтанной реакции. Во-вторых, несмотря на качественные изменения, искажения печатного знака, при его распознавании реципиент учитывает те же дифференциальные смысловозначительные признаки, что и при анализе прямого изображения, соотнося их с той же самой

графемой, что обусловлено свойством инвариантности восприятия.

Нейрофизиологический смысл инвариантности состоит в том, что при восприятии объектов в инвариантном и неинвариантном состояниях восходящие афферентации на определенном этапе своего следования всегда приходят к одной и той же нервной структуре. Считать инверсию допустимым вариативным искажением экспериментального объекта позволяет и понятие адаптации, рассматриваемое в отечественной психологии как один из видов деятельности. А.Н. Леонтьев отмечал: «Происходящая адаптация к зрительно перевернутому полю осуществляется субъектом посредством активных, сменяющих друг друга перцептивных действий и операций («стратегий»). Именно благодаря этим операциям и достигается согласованность инвертированных зрительных фрагментов с миром, как он существует независимо от тех сенсорных модальностей, в которых он субъективно отражается» [10, с. 25–26]. Таким образом, адаптация – это сложная целенаправленная деятельность по восстановлению нарушенного инварианта структуры. Для зрительной системы, отмечает А.Д. Логвиненко [11], существует два пути построения нормального видимого мира: либо видимое поле изменит ориентацию, либо на основе инвертированного видимого поля будет построен правильно ориентированный мир. В аспекте деятельности реципиента полная перцептивная адаптация – это возможность совершать транспозицию виртуальной позиции наблюдателя для любого оптического поля. Психология восприятия предполагает наличие определенного ориентира, «системы отсчета», которые способны задавать субъективную позицию наблюдателя. В применении к восприятию инвертированного объекта таким ориентиром является «схема тела», которая может отождествляться с виртуальной позицией наблюдателя. Реципиент мысленно разворачивает воспринимаемый объект относительно вертикальной оси во фронтальной плоскости своего корпуса. Что касается нейрофизиологической природы полной и устойчивой адаптации, то она базируется на способности нейронов к «обучению», к формированию функциональной межнейронной связи. Относительная легкость адаптационных процессов делает эксперимент не

слишком обременительным для испытуемых, что позволяет избежать разного рода негативных мотиваций в процессе выполнения задания и повышает чистоту эксперимента.

Слова, набранные неудобочитаемыми, по мнению реципиентов, гарнитурами, были исключены из списков предъявления. Удобочитаемыми гарнитурами были набраны небольшие связные тексты, и реципиенты должны были оценить теперь уже тексты с точки зрения удобочитаемости (третий этап эксперимента). Особенность экспериментальных текстов состояла в насыщенности специальными терминами, значение которых неизвестно широкому кругу читателей. Функция терминов заключалась в определенном усложнении восприятия за счет снятия эффекта быстрой узнаваемости частотного слова как привычной последовательности букв. По итогам двухэтапного эксперимента был составлен список наиболее удобочитаемых ГШ и проанализированы их структурные особенности, позволяющие, как нам представляется, этим гарнитурам наиболее легко соотноситься с графемой.

Четвертый этап эксперимента был направлен на проверку возможности ГШ вызывать эстетизированную эмоцию. Основанием для ее выделения явилась возможность оценить шрифт в соответствии с представлениями реципиентов о прекрасном и безобразном. Реципиенты должны были из двух предложенных парадигм слов, одна из которых маркировала эмоцию, другая – эстетические качества, выбрать слова, актуальные по отношению к данной гарнитуре (из списка гарнитур, отобранных на первом этапе). Определенные трудности возникли у исследователей при отборе эмоциональных маркеров, поскольку «провести исчерпывающую классификацию ведущих эмоциональных явлений не представляется возможным, так как потребности ни у животных, ни у людей не обнаруживают единообразия, а варьируют в первом случае в зависимости от вида, во втором – от социальных факторов» [2, с. 106]. Мы проанализировали имеющиеся классификации эмоций [5–7; 14] и, вполне соглашаясь с мнением, что «сколько-нибудь полная классификация эмоций представляется делом хотя и увлекательным, но безнадежным» [14], сформировали четыре модально противоположные пары эмоциональных

характеристик: *торжественный – пугающий; беззаботный – тревожный; веселый – грустный; добрый – злой*. По очевидным основаниям к ним были добавлены две эмоционально индифферентные характеристики – *нейтральный* и *спокойный*. Общее количество эмоциональных маркеров (10) практически не превышает среднего объема разовой перцепции (7–9 стимулов), что важно для предупреждения развития негативных мотиваций в ходе эксперимента. Кроме того, было сформировано пять антонимических пар эстетических маркеров: *красивый – уродливый; изящный – неуклюжий; привлекательный – отталкивающий; выразительный – невзрачный; декоративный – строгий*. Антонимические оппозиции обеих парадигм – и эмоциональной, и эстетической, не были при предъявлении противопоставлены графически во избежание автоматизма выбора эпитетов в процессе квалификации текстов. Эксперимент выявил набор эстетических качеств, приписываемых реципиентами каждой гарнитуре наиболее часто, также выявлена модальность эмоций, наиболее часто связываемых с той или иной ГШ.

На первом этапе экспериментального исследования осуществлен отбор ГШ, которые имеют наибольшую вероятность стать объектом внимания реципиента. В каждом номере печатных изданий, использованных в качестве материала, анализировались все рекламные оригинал-макеты, за исключением повторяющихся, затем в них вычленились доминантные слова и определялась гарнитура, которой они набраны. Далее оригинал-макеты группировались на основании гарнитурно-шрифтовой характеристики доминантных слов. Всего на первом этапе обработано 1087 анкет. Статистические результаты первого этапа эксперимента отражены в таблице 1. На основании данных статистического анализа был составлен список гарнитур, наиболее часто используемых при создании рекламных оригинал-макетов. В список включены (в порядке убывания) те гарнитуры, средний процент использования которых превышает единицу (рис. 1).

Второй этап эксперимента был направлен на выявление соотношенности визуальных графических характеристик ГВШ со значением слов, набранных конкретной гарнитурой. На основе анализа материала был

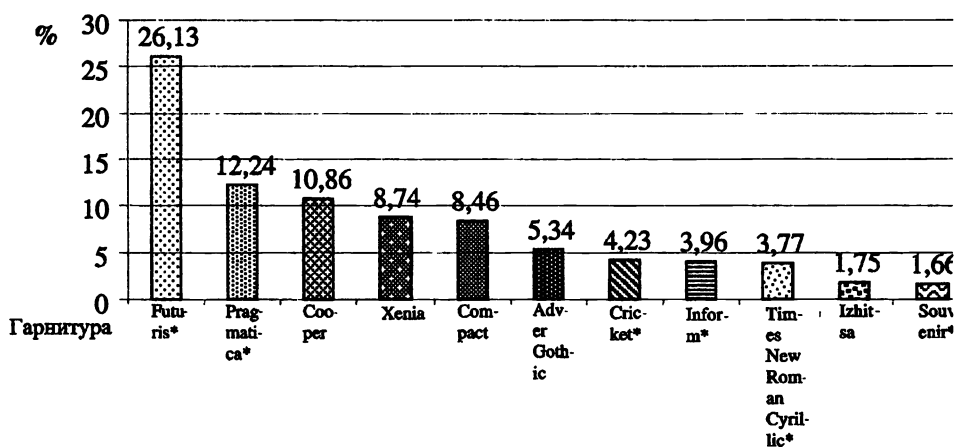

Рис. 1. Гарнитуры, наиболее часто используемые при создании рекламных оригинал-макетов

составлен список слов, частотных в текстах оригинал-макетов и представляющих собой наименования товаров и услуг: *автозапчасти, вино, железнодорожные перевозки, зерно, канцелярские товары, лом, масло, мука, печенье, пиво, сахар, шины, яйцо*. Затем статистически установлен ряд гарнитур (из составленного ранее списка наиболее частотных), которыми каждое из доминантных слов набиралось в оригинал-макетах чаще всего. Результаты, отраженные в таблице 2, свидетельствуют о наличии определенных предпочтений разработчиков оригинал-макетов в выборе той или иной ГШ для каждого слова. Чтобы определить, можно ли считать обнаруженные предпочтения закономерными, был проведен эксперимент на выявление устойчивых ассоциативных связей между значением слова и его гарнитурно-шрифтовой характеристикой. Задание анкет 1 и 2 состояло в выборе из списка разных гарнитурно-шрифтовых начертаний данного слова одного или нескольких вариантов, которые, с точки зрения респондентов, больше всего соответствуют значению этого слова. Нужно было ответить на вопрос «Какой шрифт, по вашему, больше всего подходит для каждого из перечисленных слов?» Было опрошено 142 человека; 78 из них не связаны с полиграфической деятельностью. В эту группу вошли лица мужского и женского пола в возрасте от 12 до 74 лет; учащиеся разных классов средних школ, люди со средним общим и специальным образованием, с высшим образованием (медицинским, математическим, психологическим, техническим, филологическим,

экономическим); несколько человек имели ученые степени. Большинство респондентов второй группы так или иначе связаны с полиграфической деятельностью. Это сотрудники издательства Алтайского государственного университета, Центра информационных технологий Алтайского государственного медицинского университета, газеты «Медик Алтай», рекламного агентства «Перспект», а также учащиеся компьютерных курсов, осваивающие профессиональные текстовые и графические редакторы. Результаты опроса обеих групп представлены в таблице 3. Далее мы соотнесли результаты, полученные в обеих группах, друг с другом и с данными, выявленными на первом этапе экспериментального исследования. Процентные данные сопоставительного анализа представлены в таблице 4. Как видим, разница в процентном соотношении между гарнитурами рекламных текстов и гарнитурами, избранными респондентами 1 и 2 групп, несущественна: процентный показатель несовпадения составляет, как правило, менее 10 (см. табл. 5). Это позволяет считать наличие ассоциативной связи между значением/ смыслом слова и его ГШВ. Средний процент частотности сближения значений слов и ГШВ представлен в таблице 6, по которой можно судить и о степени проявления ассоциативности той или иной гарнитуры. Относительно высокую степень ассоциативности можно констатировать у тех ГШ, которые соотносятся с определенными доминантными словами более чем у 20% респондентов (Futuris, Cooper, Izhitsa), среднюю степень – у гарнитур, ассоциирующихся

Средний процент частотности гарнитур

Гарнитура	«Алтайская правда»	«Вечерний Барнаул»	«Купи-продай»	«Маркет-Экспресс»	«Коммерческие предложения»	«Сибирский еженедельник «Редама»	Итого	Средний процент
Futuris*	70	15	36	6	95	61	283	26,03
Pragmatica*	15	20	13	19	17	48	132	12,14
Cooper	10	3	9	5	59	32	118	10,86
Xenia	10	-	14	-	47	23	94	8,65
Compact	28	2	15	17	18	14	93	8,65
Adver Gothic	6	5	7	11	2	27	58	5,34
Cricket*	5	4	2	5	21	9	46	4,23
Inform*	6	1	16	1	8	11	43	3,96
Times New Roman Cyrillic*	11	1	-	6	11	12	41	3,77
Izhitsa	3	1	1	-	7	7	19	1,75
Souvenir*	6	1	2	-	2	7	18	1,66
Granit*	-	-	1	1	5	6	13	1,12
Tractir	-	-	1	-	2	10	13	1,12
Bengaly*	-	-	1	-	1	10	12	1,10
Proun	1	-	3	-	1	5	10	0,92
Academy*	2	-	-	-	4	3	9	0,83
Bauhaus	-	1	2	-	6	-	9	0,83
Herold	-	-	-	1	1	7	9	0,83
Revue	3	-	-	-	6	-	9	0,83
Windsor	1	-	1	-	2	3	7	0,64
Baltica*	2	1	-	3	-	-	6	0,55
Electron	1	1	-	-	-	4	6	0,55
Cyrillic Gothic	-	2	-	-	1	2	5	0,46
BanBic	-	-	-	-	4	-	4	0,37
Park Avenue	-	2	-	-	-	2	4	0,37
Betina Script	-	-	-	-	2	1	3	0,28
Courier	-	-	-	-	-	3	3	0,28
Derby	-	-	3	-	-	-	3	0,28
Parsek	-	3	-	-	-	-	3	0,28
Rubic	-	-	-	-	1	1	2	0,18
Brick	-	-	-	-	1	1	2	0,18
Aksent	-	-	-	-	1	1	1	0,09
Cyrillic Hover	-	-	-	-	1	-	1	0,09
Lazursky	-	1	-	-	-	-	1	0,09
Mysl	-	-	-	-	1	-	1	0,09
Skazka for Serge	-	-	-	-	-	1	1	0,09
Tornado	-	-	-	-	-	1	1	0,09
University	-	-	-	1	-	-	1	0,09
Zapf	-	-	-	-	1	-	1	0,09
Итого	180	64	128	76	326	313	1087	

Частотность использования гарнитур для набора ключевых слов

Гарнитура	Автозв-части		Вино	Железнодорожные перевозки	Зерно		Канцелярские товары	Лом		Масло	Мука	Печенье	Пиво	Сахар	Шины		Яйцо
	I	II			I	II		I	II						I	II	
Futuris*	6		-	1	4	8	8	7	13			-	1	6	-	2	
Pragmatica*	3		-	2	1	4	4	5	4			-		4	2	-	
Cooper	2		-	-	3	3	2	6	5			3	1	1	3	5	
Xenia	4		-	2	2	1	3	4	1			2	1	1	3	1	
Compact	6		-	3	1	2	2	4	4			1	1	2	-	1	
Adver Gothic	2		-	1	-	1	2	-	1			-	2	2	1	1	
Cricket*	1		-	-	-	-	1	-	1			-	-	-	-	-	
Inform*	-		-	-	-	-	1	2	3			-	-	-	-	1	
Times New Roman Cyrillic*	-		-	1	-	-	-	2	-			-	-	-	-	-	
Izhitsa	-		2	-	2	-	-	-	2			-	-	-	-	-	
Souvenir*	-		-	-	-	-	-	-	-			-	-	-	-	-	
Granit*	-		-	-	-	-	-	1	1			1	-	-	3	-	
Tractir	-		-	-	-	-	-	-	-			-	-	1	-	1	
Bengaly*	-		-	-	-	-	-	-	-			-	-	-	-	-	
Итого	24		2	10	13	17	22	31	35			7	4	7	12	12	

Результаты ассоциативного эксперимента в I-II группах

Гарнитура	Автозв-части		Вино		Железнодорожные перевозки		Зерно		Канцелярские товары		Лом		Масло		Мука		Печенье		Пиво		Сахар		Шины		Яйцо	
	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II
Группы	7	11	3	1	8	1	2	3	-	1	19	8	7	3	8	11	2	1	2	3	2	4	5	4	3	6
Futuris*	15	8	3	3	14	4	7	3	5	4	12	3	2	1	8	6	3	3	3	3	5	6	8	9	8	9
Pragmatica*	8	-	5	3	5	3	5	11	7	3	5	1	8	13	14	4	12	6	15	4	8	1	10	11	12	11
Cooper	5	6	7	4	3	11	8	3	-	6	2	9	3	4	2	1	-	3	-	2	1	-	2	1	-	3
Xenia	3	3	-	1	5	9	2	3	3	4	3	1	5	-	3	-	2	3	2	-	3	4	2	1	2	1
Compact	12	14	5	1	10	6	14	4	15	6	10	8	5	6	2	3	14	4	8	6	8	6	10	9	8	9
Adver Gothic	8	8	7	4	5	11	12	3	10	1	5	8	5	1	14	-	8	4	3	6	10	8	14	14	5	1
Cricket*	2	1	10	6	2	1	7	3	14	17	-	-	12	3	5	1	8	3	7	6	3	3	5	1	7	4
Inform*	2	8	7	4	7	4	-	1	7	6	5	3	5	6	3	9	-	8	8	-	5	9	3	6	3	1
Times New Roman Cyrillic*	5	-	14	13	7	-	12	15	3	1	2	-	19	14	14	17	5	4	5	6	15	1	3	-	5	4
Izhitsa	2	3	8	3	-	1	2	4	2	1	3	4	2	4	-	3	15	8	-	3	3	3	3	1	-	8
Souvenir*	5	-	3	6	2	1	5	3	8	1	10	14	2	3	-	4	3	8	19	18	8	8	8	1	5	3
Granit*	2	-	2	3	2	6	-	1	2	3	-	-	1	2	-	1	2	3	3	1	-	1	-	-	-	-
Tractir	-	1	2	6	7	-	2	3	-	4	2	3	-	1	2	1	2	1	3	3	4	2	4	5	-	7
Bengaly*																										

Процент соотношения анализируемых гарнитур с ключевыми словами

Гарнитура	Автозап-части		Вино		Железнодорожные перевозчики		Зерно		Канцелярские товары		Лом		Масло		Мука		Печенье		Пиво		Сахар		Шины		Яйцо																
	Р	И	П	Р	И	П	Р	И	П	Р	И	П	Р	И	П	Р	И	П	Р	И	П	Р	И	П	Р	И	П														
Группы	25	9	17	-	4	2	10	11	2	31	2	5	47	-	2	36	24	12	22	9	5	37	11	17	-	2	2	25	2	5	35	2	7	-	7	7	17	4	10		
Futuris*	12	20	12	-	4	5	20	18	7	8	9	5	23	7	18	15	5	16	2	2	11	11	10	-	4	5	-	4	5	23	7	10	17	11	15	-	11	15			
Pragmatica*	8	11	-	-	7	5	-	7	5	23	7	17	-	9	5	9	7	2	19	11	20	14	18	7	43	15	10	25	20	7	6	11	2	25	13	17	42	15	17		
Cooper	17	7	10	-	9	7	20	4	17	15	11	5	6	-	10	13	2	15	13	4	7	3	2	2	28	-	5	25	-	6	2	2	2	25	-	5	8	2	5		
Xenia	12	4	5	-	2	30	7	15	8	2	5	11	4	7	9	4	2	13	7	7	10	4	2	5	-	2	-	12	4	7	-	2	2	8	2	2					
Compact	8	15	22	-	7	2	10	13	10	-	18	7	6	20	10	9	13	12	-	7	10	3	2	5	-	18	7	-	11	10	12	11	10	8	13	15	8	22	15		
Adver Gothic	4	11	12	-	9	7	-	7	17	-	15	5	-	13	2	4	7	12	-	7	2	3	18	-	11	7	-	4	10	-	13	12	-	18	22	-	7	2			
Crickit*	-	2	2	-	13	10	-	2	2	-	9	5	6	18	27	-	-	6	15	5	8	7	2	-	11	5	-	9	10	-	4	5	-	7	2	8	9	7			
Inform*	-	2	12	-	9	7	10	9	7	-	-	2	-	9	10	-	7	5	6	7	10	-	4	15	-	12	-	11	-	7	15	-	4	10	-	4	10	-	4	2	
Times New Roman Cyrillic*	-	7	-	100	18	20	-	9	-	15	15	24	-	4	2	-	2	-	24	22	6	18	27	-	7	7	-	7	10	-	20	2	-	4	-	-	7	7			
Izhitsa	-	2	5	-	11	5	-	-	2	-	2	7	-	2	2	-	4	7	-	2	7	-	5	-	20	12	-	5	-	4	5	-	4	5	-	4	2	-	-	12	
Souvenir*	-	7	-	-	4	10	-	2	2	-	7	5	-	11	2	-	13	22	3	2	5	3	-	7	14	4	12	-	24	29	-	11	12	25	11	2	-	7	5		
Granit*	-	2	-	-	2	5	-	2	10	-	2	10	-	2	5	-	-	2	-	2	-	2	-	2	-	5	-	4	2	6	-	2	6	-	2	-	-	8	-		
Tractir	-	-	2	-	2	10	-	9	-	-	2	5	-	-	7	-	2	5	-	2	2	-	2	2	-	4	5	-	7	-	2	7	-	2	7	-	7	-	-	9	-
Bengaly*	-	-	2	-	2	10	-	9	-	-	2	5	-	-	7	-	2	5	-	2	2	-	2	2	-	4	5	-	7	-	2	7	-	2	7	-	7	-	-	9	-

Таблица 5

Разница процентных показателей показателей между группами «Р», «I» и «II» для каждой из гарнитурно-шрифтовых триад каждого ключевого слова

Диапазон разницы, %	Количество триад	Процент от общего количества триад
Менее	38	21
5-10	80	44
11-15	30	16
16-20	13	7
21-25	12	7
Более 25	9	5
Итого	182	100

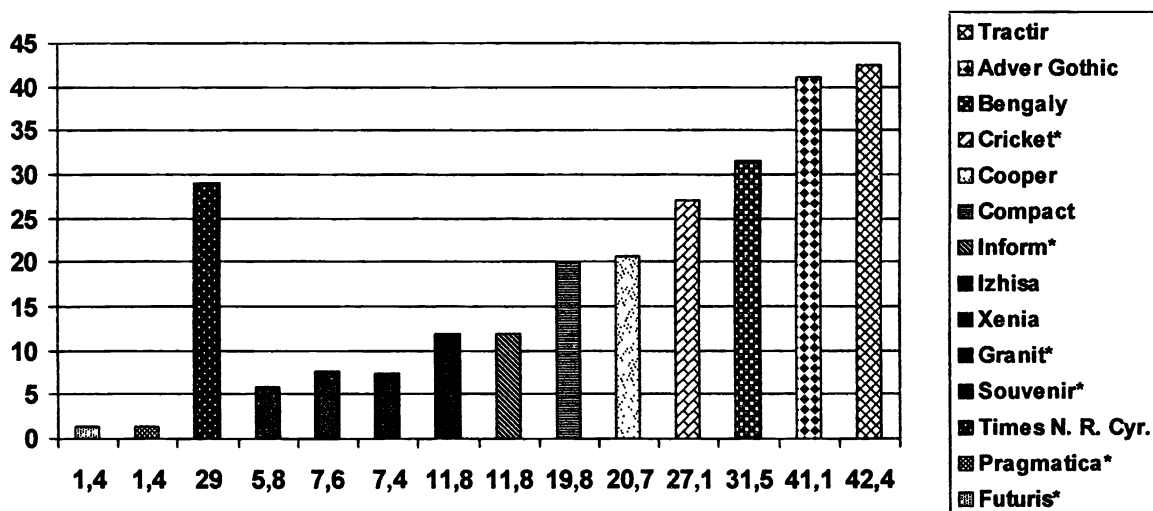

Рис. 2. Средний процент затруднений при распознавании гарнитур

ся с доминантными словами у 10–19% респондентов (Pragmatica, Xenia, Compact, Adver Gothic, Cricket, Inform, Souvenir, Granit), низкую степень – если гарнитура ассоциируется с доминантными словами менее чем у 10% респондентов (Times New Roman Cyrillis, Tractir, Bengali). Высокая степень ассоциативности отдельных ГШ, с одной стороны, делает уместным использование некоторых из них в определенных ситуациях, а с другой – способна ограничить сферу их использования. Те гарнитур, которые, напротив, обладают низкой степенью ассоциативности, позволяют использовать их в стандартизованных текстах. Таким образом, адекватное использование ассоциативного потенциала ГШ может служить успешному решению коммуникативных задач в процессе восприятия и понимания печатного текста.

Следующим этапом экспериментального исследования была проверка регулирующих возможностей соотнесенности ГШ с графемой. Принципы формирования групп респондентов те же. Респондентам предложены анкеты, в которых содержались задания на распознавание зеркально отраженных слов и выявление наименее удобочитаемых среди них. Задание формулировалось так: «Прочитайте слова справа налево. Подчеркните в списке те слова, которые вам было сложнее всего распознать». Анкеты содержали по 14 данных в алфавитном порядке слов, каждое из которых было набрано одной из отобранных ранее 14 гарнитур. При этом слова, набранные одной и той же гарнитурой, состояли из разного набора букв, чтобы по итогам

сопоставительного анализа избежать влияния неудобочитаемости конкретных букв на неудобочитаемость слова в целом, поскольку экспериментально доказано, что буквы алфавита обладают различной удобочитаемостью, обусловленной степенью уникальности их структуры [4]. Результаты первой стадии четвертого этапа эксперимента представлены в таблице 7.

В порядке уменьшения удобочитаемости гарнитур можно расположить в последовательности, представленной на рисунке 2, что позволяет выявить ряд наиболее удобочитаемых ГШ, которые и стали объектом дальнейшего исследования. Реципиентам предлагался небольшой тест, состоящий из 4 предложений (67 слов). Текст давался в шести вариантах, поскольку он был набран каждой из шести наиболее удобочитаемых гарнитур. Реципиентам предлагалось оценить степень удобочитаемости каждого из вариантов текста по пятибалльной шкале («Поставьте оценку шрифту каждого текста за удобочитаемость: 5 – отлично, 4 – хорошо, 3 – удовлетворительно, 2 – плохо, 1 – очень плохо»). Пятибалльная шкала оценок традиционно считается гибкой и достаточной; кроме того, она привычна для всех реципиентов и в силу этого не создает сложностей в применении и не формирует негативной мотивации в ходе эксперимента. Текст для восприятия был намеренно усложнен: он содержал информацию по узкоспециальному медицинскому вопросу, незнакомому даже медикам, принимавшим участие в эксперименте. Такое усложнение необходимо для

Средний процент проявления ассоциативных свойств анализируемых гарнитур

Гарнитура	Автозап-части	Вино	Железнодорожные перевозки	Зерно	Канцелярские товары	Лом	Масло	Мука	Печенье	Пиво	Сахар	Шины	Яйцо
Futuris*	17,0	2,0	7,6	12,6	16,3	24,0	12,0	21,6	1,3	10,6	14,6	5,0	10,3
Pragmatica*	14,7	3,0	15,0	7,3	12,3	12,6	6,6	10,6	3,0	3,0	13,3	14,0	8,6
Cooper	6,3	4,0	4,0	15,6	4,6	6,0	16,6	13,0	22,6	17,3	6,3	18,0	24,6
Xenia	11,3	5,3	13,6	10,3	5,3	10,0	8,0	2,3	11,0	8,3	3,3	10,0	5,0
Compact	7,0	0,6	17,3	5,0	7,7	5,0	6,6	5,0	7,0	9,0	7,6	1,0	4,0
Adver Gothic	15,0	3,0	11,0	8,3	12,0	11,3	5,6	3,3	8,3	7,0	11,0	9,0	15,0
Cricket*	9,0	5,3	8,0	6,6	5,0	7,6	3,0	7,0	6,0	4,6	8,3	13,0	3,0
Inform*	1,3	7,6	1,3	4,6	17,0	-	8,6	5,6	5,3	6,3	3,0	3,0	7,6
Times New Roman Cyrillic*	4,6	5,3	8,6	0,6	6,3	4,0	7,6	6,3	4,0	3,6	7,3	5,0	2,0
Izhitsa	2,3	46,0	3,0	18,0	2,0	0,6	15,3	17,0	4,6	5,6	7,3	1,0	4,6
Souvenir*	2,3	5,3	0,6	3,0	1,3	3,6	3,0	1,6	10,6	1,6	3,0	2,0	4,0
Granit*	2,3	4,6	1,3	4,0	4,3	11,6	3,3	3,3	10,0	17,6	7,6	13,0	4,0
Tractir	0,6	2,3	4,0	0,6	2,3	-	0,6	0,6	1,6	2,0	2,6	-	2,6
Bengaly*	0,6	4,0	3,0	2,3	2,3	2,3	0,6	1,3	3,0	2,3	3,0	2,0	3,0

Таблица 7

Неудобочитаемые гарнитуры (по данным анализа анкет 3 и 4)

Гарнитура	Анкета 3				Анкета 4			
	I группа		II группа		I группа		II группа	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Futuris*	4	5,5	-	-	-	-	-	-
Pragmatica*	4	5,5	-	-	-	-	-	-
Cooper	21	29,1	20	31,2	4	5,5	11	17,2
Xenia	2	2,7	-	-	6	8,3	12	18,7
Compact	8	11,1	3	4,6	21	29,1	22	34,4
Adver Gothic	39	54,1	40	62,5	13	18,0	19	29,7
Cricket*	25	34,7	20	30,7	13	18,0	16	25,0
Inform*	-	-	5	7,8	15	20,8	12	18,7
Times New Roman Cyrillic*	-	-	1	1,6	4	5,5	3	4,6
Izhitsa	10	13,8	5	7,8	13	18,0	5	7,8
Souvenir*	-	-	5	7,8	8	11,1	3	4,6
Granit*	-	-	11	17,2	4	5,5	5	7,8
Tractir	40	55,5	16	25,0	27	37,5	33	51,6
Bengaly*	10	13,8	25	39,0	27	37,5	23	35,9

предупреждения чересчур легкого распознавания: реципиент, воспринимая текст, насыщенный неизвестной ему терминологией, застрахован от влияния эффекта знакомости слова и прочих условий, значительно упрощающих процесс распознавания [8]. Текст был набран привычным для потребителя книжной полиграфической продукции кеглем, равным 11 пунктам (4 мм). Результаты эксперимента представлены в таблице 8. Средний процент реципиентов, оценивших предложенные ГШ по каждому из параметров пятибалльной шкалы, представлен в таблице 9, средний балл, полученный каждой гарнитурой, отражен на рисунке 3.

Чтобы выявить условия удобочитаемости, мы проанализировали структурные особенности наиболее удобочитаемых (Times New Roman Cyrillis, Pragmatica, Futuris) и менее удобочитаемых и неудобочитаемых (Souvenir, Xenia; Granit) ГШ с точки зрения актуальных для них характеристик: пропорциональности (для прописных и строчных, широких и нормальных символов), контрастности, наличия/отсутствия засечек и их формы (см. табл. 10). При анализе гарнитур не учитывался фактор насыщенности, поскольку все шесть рассматриваемых гарнитур были даны в полужирном начертании (в том виде, в котором они использовались в проанализированных на первом этапе эксперимента рекламных оригинал-макетах), из них полужирная насыщенность гарнитуры является постоянной характеристикой.

Таким образом, наиболее удобочитаемыми гарнитурами по результатам эксперимента являются малоконтрастные либо средней

контрастности, обладающие небольшими треугольными засечками, плавно переходящими в основной штрих, либо не имеющие засечек (рубленые). Пропорции наиболее удобочитаемых гарнитур (для знаков нормальной ширины, которых в алфавите большинство) составляют от 0,750 до 0,888 для прописных букв и от 0,684 до 1,084. У неудобочитаемых гарнитур эти показатели значительно выше. При этом можно констатировать степень близости показателей пропорций удобочитаемых гарнитур к коэффициенту «золотого сечения».

Цель четвертого этапа эксперимента – проверка регулирующей способности эстетизированной эмоции как компонента ГШ. Необходимо было установить факт возникновения у реципиента эмоций, обусловленных внешним обликом ГШ и определить их эстетические свойства. Материалом эксперимента послужили таблицы символов гарнитур, предложенные в виде ряда сточных и прописных знаков русского и латинского алфавитов, цифр, пунктуационных знаков и некоторых специальных символов. Реципиентам предлагалось соотнести предложенную гарнитуру с набором слов, представленных на той же анкете под таблицей символов гарнитуры. Слова располагались в две колонки: в первую входили 10 описанных выше слов-маркеров основных эмоций, во вторую – 10 слов-маркеров основных эстетических качеств. Задание формулировалось так: «Подчеркните в каждой колонке слова (одно или несколько), которые, по вашему мнению, могут характеризовать предложенный шрифт». Результаты эксперимента отражены в таблице 11. В таблице 12 представлен средний

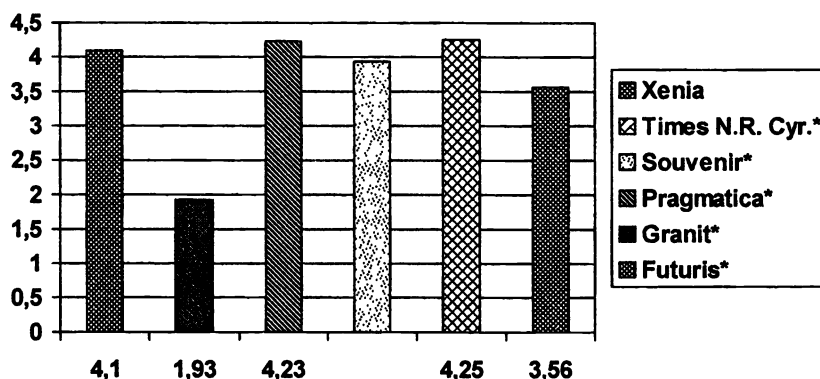

Рис. 3. Средний балл, полученный каждой гарнитурой

Таблица 8
Количественные и процентные показатели оценок предложенных гарнитур по пятибалльной системе

Оценка	«1»				«2»				«3»				«4»				«5»					
	I		II		I		II		I		II		I		II		I		II			
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%		
Гарнитура	17	34,7	14	25,0	24	49,0	2	4,1	2	3,6	8	16,3	2	3,6	22	44,9	39	69,6	17	34,7	12	21,4
Futuris*	-	-	-	-	2	4,1	2	3,6	2	3,6	8	16,3	2	3,6	22	44,9	39	69,6	17	34,7	12	21,4
Granit*	-	-	-	-	29	51,8	4	8,2	12	21,4	4	8,2	12	21,4	2	4,1	-	-	2	4,1	-	-
Pragmatica*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	10,2	9	16,1	21	42,8	22	39,3	22	44,9	24	42,9
Souvenir*	-	-	-	-	-	-	5	8,9	5	8,9	5	10,2	14	25,0	19	38,7	29	51,8	24	49,0	7	12,5
Times New Roman	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	8,2	14	25,0	21	42,8	17	30,4	24	49,0	24	42,9
Cyrillic*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	8,2	14	25,0	21	42,8	17	30,4	24	49,0	24	42,9
Xenia	-	-	-	-	4	8,2	5	8,9	5	8,9	13	26,5	36	64,3	21	42,8	10	17,9	11	22,4	5	8,9

Таблица 9
Средний процент оценок предложенных гарнитур по пятибалльной системе

	«1»	«2»	«3»	«4»	«5»
Гарнитура	-	3,8	9,9	57,3	28,1
Futuris*	29,9	50,4	14,8	2,1	2,1
Granit*	-	-	13,1	41,1	43,9
Pragmatica*	-	4,5	17,6	45,3	30,8
Souvenir*	-	-	16,6	36,6	46,0
Times New Roman	-	8,6	45,4	30,4	15,7
Cyrillic*	-	-	-	-	-
Xenia	-	-	-	-	-

Таблица 10

Структурные особенности анализируемых гарнитур

Гарнитура	Пропорциональность				Контрастность	Особенности засечек
	Прописные		Строчные			
	Шир.	Норм.	Шир.	Норм.		
Times New Roman Cyrillic*	1,277	0,833	1,500	0,830	Средней степени контрастности	Небольшие засечки, располагающиеся под прямым углом к основным штрихам, приближены к треугольной форме, плавно переходят в основные штрихи
Pragmatica*	1,250	0,750	1,158	0,648	Малоконтрастный	–
Futuris*	1,333	0,888	1,666	1,083	Малоконтрастный	–
Souvenir*	1,263	0,895	1,666	1,000	Малоконтрастный	Небольшие округлые декоративные засечки, соответствующие округлой форме основных штрихов
Xenia	1,222	0,833	1,538	0,923	Средней степени контрастности	Утолщенные засечки прямоугольной формы, приблизительно равные по толщине соединительным штрихам
Granit*	1,684	1,105	–	–	Высококонтрастный	Засечки выражены в отдельных буквах (т, л, г), в остальных – малозаметные либо отсутствуют

процентный показатель соотношений того или иного эмоционального и эстетического качества с каждой из проанализированных гарнитур. На основании данных, представленных в таблице 12, были определены доминирующие для каждой гарнитуры эмоциональные и эстетические характеристики по трем наиболее высоким процентным показателям (см. табл. 13). Очевидно, возможно выявление определенного процента совпадений оценок у реципиентов, что позволяет говорить об актуальности эстетизированной эмоции как регулирующего восприятие текста компонента. При этом величина процентного показателя частотности закрепления за конкретной ГШ эмоционального либо эстетического маркера позволяет сделать вывод о функциональности гарнитуры с эмоционально-эс-

тетической точки зрения. Относительно высокий процент негативных или, напротив, положительных характеристик сужает сферу применения отдельных гарнитур, у ГШ со слабо выраженными эмоционально-эстетическими характеристиками можно предполагать более широкий диапазон применения. В таблице 14 представлена классификация проанализированных гарнитур в аспекте их регулирующих свойств, реализуемых каждым из выделенных нами регулирующих компонентов ГШ. Данные таблицы наглядно свидетельствуют о разнообразии отношений между тремя регулируемыми факторами в рамках каждой из 14 гарнитур. Применение данных предложенной классификации должно производиться с учетом специфики их сочетания.

Таблица 11
 Эмоциональные и эстетические характеристики гарнитур: анализируемых гарнитур: количественные соотношения ответов в I и II группах

Гарнитура	Эмоциональные качества										Эстетические качества							Итого				
	Торжественный	Пугающий	Грозный	Тревожный	Беззаботный	Нейтральный	Грустный	Веселый	Спокойный	Добрый	Злой	Красивый	Уродливый	Изысканный	Неуютный	Привлекательный	Отталкивающий		Выразительный	Невыразительный	Декоративный	Строгий
Futuris*	8/2	3/1	5/3	-/-	10/8	1/1	2/-	6/5	3/3	1/-	3/1	2/1	2/-	2/-	3/3	-/-	7/6	3/1	3/1	-/-	16/10	24/20
Pragmatica*	6/3	1/1	3/2	4/1	12/7	-/1	2/1	9/7	1/-	1/-	3/2	1/-	1/1	1/-	5/1	2/1	5/4	3/2	3/2	1/-	5/13	24/23
Cooper	-/3	2/-	2/-	4/2	1/5	4/2	7/4	3/4	6/6	-/2	4/3	2/-	1/2	6/6	9/4	2/2	3/1	7/5	1/2	5/5	5/3	24/22
Xenia	-/2	1/1	7/6	4/1	5/8	2/1	1/-	8/6	1/2	2/-	1/-	-/-	1/1	3/3	2/2	3/1	7/5	8/3	1/3	1/3	14/8	25/23
Compact	1/3	4/1	7/6	1/1	3/7	3/4	1/-	2/4	-/-	2/2	-/3	2/4	1/4	5/2	1/-	8/7	-/1	6/4	-/1	6/4	5/9	23/23
Adver Gothic	1/1	1/2	3/2	4/4	4/6	1/1	4/4	-/3	2/2	2/2	3/2	3/1	2/1	3/4	6/4	2/-	5/3	6/-	4/6	2/4	2/4	23/22
Cricketer*	3/1	2/-	-/1	6/2	5/3	2/-	2/3	6/7	3/3	-/-	7/5	-/-	7/1	-/-	5/3	1/-	9/3	2/1	1/5	3/1	3/1	24/17
Inform*	1/-	2/1	2/1	8/7	-/1	1/-	9/11	1/-	7/1	-/1	5/1	2/-	1/-	6/6	8/4	4/2	2/1	4/1	6/5	2/-	2/-	24/18
Times New Roman Cyrillic*	9/4	-/-	1/2	2/2	7/7	1/-	3/1	6/3	4/3	-/1	4/5	-/-	4/1	-/-	1/3	1/1	8/5	3/-	-/1	13/10	24/18	
Izhitsa	2/3	1/-	3/-	2/2	2/1	5/2	4/3	2/2	9/6	1/-	6/3	2/-	3/4	7/2	9/5	1/1	3/2	3/1	13/11	1/1	24/18	
Souvenir*	6/5	1/1	3/-	2/1	3/4	3/-	2/-	9/4	4/6	1/-	5/6	1/-	2/2	-/-	8/7	1/-	8/4	1/1	1/2	4/2	4/2	24/18
Granit*	4/2	4/6	5/2	1/3	1/1	3/-	2/4	3/-	-/-	4/6	2/-	10/5	-/-	9/8	2/1	4/2	4/3	4/1	4/1	5/2	5/2	24/18
Tractor	2/3	6/2	11/6	2/1	2/1	4/1	-/2	2/-	1/1	4/1	3/1	6/2	4/-	3/3	5/3	12/4	2/5	4/1	2/4	2/3	2/3	24/18
Bengaly*	6/2	-/2	2/3	6/-	11/2	2/-	2/1	5/4	3/3	-/2	5/5	1/1	4/2	1/-	7/5	1/2	11/2	3/1	1/3	4/1	4/1	24/17

Примечание: в числителе – показатели I группы, в знаменателе – II группы реципиентов

Средний процент соотношения эмоциональных и эстетических характеристик с разными гарнитурами

Гарнитура	Эмоциональные качества										Эстетические качества									
	Торжественный	Пугающий	Тревожный	Беззаботный	Нейтральный	Трустный	Веселый	Спокойный	Добрый	Злой	Красивый	Уродливый	Изысканный	Неуклюжий	Привлекательный	Отталкивающий	Выразительный	Невыразительный	Декоративный	Стильный
Futuris*	22	9	18	-	41	5	5	25	14	2	9	7	5	5	14	2	30	9	-	59
Pragmatica*	19	4	10	10	40	2	6	34	2	2	10	2	4	2	12	6	19	10	2	38
Cooper	6	4	4	13	13	13	23	15	26	4	15	4	6	26	28	8	8	6	21	17
Xenia	4	4	27	10	27	6	2	29	6	4	2	-	4	12	8	8	27	22	8	45
Compact	8	10	28	4	21	15	2	13	-	8	6	13	10	15	2	32	2	21	2	30
Adver Gothic	4	6	11	17	22	4	17	6	8	8	11	8	6	15	22	4	17	13	22	13
Cricket*	9	4	2	19	19	4	12	31	14	-	31	-	19	-	19	2	29	7	14	9
Inform*	2	7	7	35	2	2	47	2	19	2	14	4	2	28	28	14	7	11	30	4
Times New Roman Cyrillic*	30	-	7	9	33	2	9	21	16	2	21	-	19	-	9	4	30	7	2	61
Izhitsa	11	2	7	9	7	16	16	9	35	2	21	4	16	21	33	4	11	9	57	4
Souvenir*	26	4	7	7	16	7	4	30	23	2	26	2	9	-	35	2	28	4	7	14
Granit*	14	23	16	9	4	7	14	7	-	23	4	35	-	40	7	14	16	11	11	16
Tractir	11	19	40	7	7	11	4	4	11	11	9	19	9	14	19	38	16	11	14	11
Bengaly*	19	4	12	14	31	4	7	21	4	4	24	4	14	2	29	7	31	9	9	12

Доминирующие эмоциональные и эстетические характеристики, %

Гарнитура	Эмоциональные качества	Эстетические качества
Futuris*	Нейтральный (41), спокойный (25), торжественный (22)	Строгий (59), выразительный (30), привлекательный (14)
Pragmatica*	Нейтральный (40), спокойный (34), торжественный (19)	Строгий (38), выразительный (19), привлекательный (12)
Cooper	Добрый (26), веселый (23), спокойный (15)	Привлекательный (28), неуклюжий (26), декоративный (21)
Xenia	Спокойный (29), нейтральный (27), тревожный (27)	Строгий (45), выразительный (27), невзрачный (22)
Compact	Тревожный (28), нейтральный (21), грустный (15)	Отталкивающий (32), строгий (30), невзрачный (22)
Adver Gothic	Нейтральный (22), веселый (17), беззаботный (17)	Декоративный (22), привлекательный (22), выразительный (17)
Cricket*	Спокойный (31), беззаботный (19), нейтральный (19)	Красивый (31), выразительный (29), изящный, привлекательный (19)
Inform*	Веселый (47), беззаботный (35), добрый (19)	Декоративный (30), неуклюжий (28), привлекательный (28)
Times New Roman Cyrillic*	Нейтральный (33), торжественный (30), спокойный (21)	Строгий (61), выразительный (30), красивый (21)
Izhitsa	Добрый (35), грустный (16), веселый (16)	Декоративный (57), привлекательный (33), красивый, неуклюжий (21)
Souvenir*	Спокойный (30), торжественный (26), добрый (23)	Привлекательный (35), выразительный (28), красивый (26)
Granit*	Злой (23), пугающий (23), тревожный (16)	Неуклюжий (40), уродливый (35), выразительный, строгий (16)
Tractir	Тревожный (40), пугающий (19), торжественный, грустный, злой (11)	Отталкивающий (38), привлекательный (19), уродливый (19)
Bengaly*	Нейтральный (31), спокойный (21), торжественный (19)	Выразительный (31), привлекательный (29), красивый (24)

Таблица 14

**Классификация проанализированных гарнитур
по характеру проявления их регулирующих свойств**

Гарнитура	Степень		Характер эстетизированной эмоции
	проявления и направление ассоциативности	соотнесенности с графемой	
Futuris*	Высокая (лом, мука, автозапчасти, канцелярские товары)	Высокая	Амбивалентный (нейтральный, спокойный, торжественный; строгий, выразительный, привлекательный)
Pragmatica*	Средняя (железнодорожные перевозки, автозапчасти, шины)	Высокая	Амбивалентный (нейтральный, спокойный, торжественный; строгий, выразительный, привлекательный)
Cooper	Высокая (яйцо, печенье, шины)	Низкая	Амбивалентный (добрый, веселый, спокойный; привлекательный, неуклюжий, декоративный)
Xenia	Средняя (железнодорожные перевозки, автозапчасти, печенье)	Низкая	Амбивалентный (спокойный, нейтральный, тревожный; строгий, выразительный, невзрачный)
Compact	Средняя (железнодорожные перевозки, пиво, канцелярские товары)	Низкая	Отрицательный (тревожный, нейтральный, грустный; отталкивающий, строгий, невзрачный)
Adver Gothic	Средняя (автозапчасти, яйцо, канцелярские товары)	Низкая	Положительный (нейтральный, веселый, беззаботный; декоративный, привлекательный, выразительный)
Cricket*	Средняя (шины, сахар, автозапчасти)	Низкая	Положительный (спокойный, беззаботный, нейтральный; красивый, выразительный, изящный, привлекательный)
Inform*	Средняя (канцелярские товары, масло, яйцо, вино)	Низкая	Амбивалентный (веселый, беззаботный, добрый; декоративный, неуклюжий, привлекательный)
Times New Roman Cyrillic*	Низкая (железнодорожные перевозки, масло, сахар)	Высокая	Амбивалентный (нейтральный, торжественный, спокойный; строгий, выразительный, красивый)
Izhitsa	Высокая (вино, зерно, мука)	Низкая	Амбивалентный (добрый, грустный, веселый; декоративный, привлекательный, красивый)
Souvenir*	Средняя (печенье, вино, яйцо)	Средняя	Положительный (спокойный, торжественный, добрый; привлекательный, выразительный, красивый)

Продолжение таблицы 14

Гарнитура	Степень		Характер эстетизированной эмоции
	проявления и направление ассоциативности	соотнесенности с графемой	
Granit*	Средняя (пиво, шины, лом)	Низкая	Амбивалентный (злой, пугающий, тревожный; неуклюжий, уродливый, выразительный, строгий)
Tractir	Низкая (железнодорожные перевозки, яйцо, сахар)	Низкая	Амбивалентный (тревожный, пугающий, торжественный, грустный, злой; отталкивающий, привлекательный, уродливый)
Bengaly*	Низкая (железнодорожные перевозки, печенье, сахар, яйцо, вино)	Низкая	Положительный (нейтральный, спокойный, торжественный; выразительный, привлекательный, красивый)

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамов Е.Б., Бельчиков И.Ф., Быкова В.Я. и др. Художественное конструирование и оформление книги. – М., 1971.
2. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. – М., 1976.
3. Гиппенрейтер Ю.Б. Движения человеческого глаза. – М., 1978.
4. Гусева Е.К. К вопросу о количественном подходе к анализу структурных особенностей буквенных знаков (на материале русских графем) // Проблемы грамматического моделирования / Под ред. А.А. Зализняка. – М., 1973.
5. Злобин А.Т. К классификации эмоций // Вопросы психологии. – 1991. – №4.
6. Изард К.Э. Эмоции человека: Пер. с англ. – М., 1980.
7. Изард К. Э. Психология эмоций: Пер. с англ. – СПб., 2000.
8. Каптелинин В.Н. Экспериментальное исследование зрительного восприятия слов // Вопросы психологии. – 1983. – №1.
9. Кудин П.А., Ломов Б.Ф., Митькин А.А. Психология восприятия и искусство плаката. – М., 1987.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1977.
11. Логвиненко А.Д. Чувственные основы восприятия пространства. – М., 1985.
12. Оптимизация речевого воздействия / Под ред. Р.Г. Котова. – М., 1990.
13. Саттон А. Принципы оформления и макетирования // Оформление газет и журналов за рубежом. – М., 1978.
14. Симонов П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций. – М., 1970.
15. Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К. Реклама. Теория и практика: Пер. с англ. – М., 1989.
16. Pyke R.L. The legibility of print. Medial Research Coucil, Reports of the Commission on the Legibility of Type. – London, 1926.

И.В. Привалова

ПОСТРОЕНИЕ ТИПОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Антропологическая парадигма лингвистических исследований, ориентированная на изучение триады «язык – культура – языковая личность», не просто сменила системно-семиологический подход, но уже доказала свое право считаться единственно перспективной на данном этапе развития языковедческой науки. В рамках этой парадигмы изучаются в том числе и особенности национально-культурного мировидения и восприятия, что позволяет выявлять роль языка в создании культуры и влияние культуры на язык.

Постулат об антропоцентричности и этноцентричности языка генерирует постулат о том, что языковые знаки и, соответственно, вся образуемая ими языковая система национально и культурно маркированы. Степень национально-культурной маркированности может быть различной: при предельно минимизированной (близкой к нулю) степени маркированности мы имеем дело с феноменом вербальной универсальности, примером же максимально допустимой степени маркированности являются лакунизированные языковые явления. Мы не можем согласиться с исследователями, отмечающими окказиональный и вторичный характер явления национально-культурной языковой маркированности. Так, М.А. Ярмашевич указывает: «Между национально-специфической и универсальной частями словаря располагается обширная часть лексики со слабо выраженными культурно-специфическими характеристиками. Точнее было бы сказать, что для значительного числа слов и выражений конкретного языка национально-культурный компонент значения является вторичным, проявляется в специальном объяснительном контексте» [17, с. 106].

В существующих этнопсихоллингвистических, лингвострановедческих и лингвокульту-

рологических исследованиях все национально-маркированные языковые единицы классифицируются как лакунизированная либо нетождественная, либо неконгруэнтная лексика, т.е. изучается способ «прикрепления» национально-культурной информации к языковому знаку лексического уровня. В рамках сравнительного лингвострановедения все национально-культурно маркированные единицы трактуются как лингвострановедческие, при этом для их обозначения используются термины: «национально-культурная реалия» [2], «культурный концепт» [5; 10; 14], «лингвокультурема» [3], «лакуна, лакунизированная единица» [1; 13], «логоэпистема» [7] и др.

Термин «языковые маркеры национально-культурного сознания» (ЯМНКС) вводится нами для обозначения языковых средств, овнешняющих образы национально-культурного сознания. Категория образа сознания наиболее адекватно отображает знания коммуникантов, вовлекаемых в процесс взаимопонимания в речевом общении. Изучение ЯМНКС как овнешнителей образов этнолингвокультурного сознания относится к контрастивным исследованиям, исходной теоретической основой которых является рассмотрение языка и культуры как форм существования общественного сознания [16, с. 6]. Исходя из того, что межкультурное общение (МКО) выступает онтологией анализа языкового сознания [15, с. 7–23], выявленные в результате исследования практики МКО речевые продукты позволяют судить об этнолингвокультурной специфике языкового сознания представителей разных культур. При этом МКО рассматривается как общение носителей разных национальных сознаний, а ЯМНКС – это языковые единицы всех уровней, которые в той или иной степени являются носителями культурной информации и функциониру-

ют как конститuentы определенного коммуникативного универсума. Таким образом, исследуется механизм проникновения национальной культуры не только в определенный языковой знак, но во всю языковую систему.

Понятие «этнолингвокультурное сознание» представляет собой еще один важный момент нашей концепции культурно ориентированных языковых единиц как ЯМНКС. Этнолингвокультурное сознание – это культурно обусловленный инвариантный образ мира, соотношенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии. В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов и когнитивных схем, которые определяют этничность национального сознания как отдельного индивида, так и общества в целом. Поэтому этнолингвокультурное сознание существует как в общественной, так и в индивидуальной формах. Этнолингвокультурное сознание не конгруэнтно языковой картине мира, так как включает не только осознанное, структурированное и вербализованное, но и неосознанное знание. Культурнообусловленное сознание интегрирует знания о культурных предметах, а также правилах и нормах коммуникативного поведения. Этнолингвокультурное сознание – это ансамбль когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их вариабельность от одной культуры к другой. Специфика национально-обусловленного образа мира наиболее очевидна в процессе МКО. Именно в условиях двуязычной коммуникации становится необходимым «включение» информационно-телеологического режима (Ю.А. Сорокин) работы сознания и механизмов информационного сличения.

Базисные функции этнолингвокультурного сознания такие же, как у картины мира – интерпретативная (осуществление видения мира) и регулятивная. Наличие единого этнолингвокультурного сознания может внутренне национально интегрировать и одновременно внешне отграничивать представителей одного этнического сообщества. Этнолингвокультурное сознание опосредует акты мировосприятия и миропонимания, а также осуществляет построение субъективных образов объективного мира, используя особый арсенал функциональных единиц.

Изложенные теоретические основания легли в основу построения единой классификации национально-маркированных языковых единиц. Язык, сознание, культура детерминационно зависимы: в семиотическом коде отражена форма существования предметов культурного мира с особенностями его свойств и взаимодействий. Лингвоэкологическая среда, в которой находятся культурные предметы, представляет собой динамичное, постоянно модифицирующее образование. Образы языкового сознания как прерогатива пространства деятельности языковой личности интегрируют предметные и перцептивные значения, формирующиеся у субъектов в ходе речевого общения. Этнокультурная специфика образа языкового сознания детерминирована реальной действительностью, так как «явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, и образ мира меняется от одной культуры к другой» [16, с. 5].

Образ языкового сознания оформляется с помощью языковых средств, отражающих перцептивные и концептуальные знания языковой личности о культурных предметах реального мира. При этом данный процесс объективирован той реальной ситуацией (экологией), в которой он происходит. Можно предположить, что структура языка, культурные предметы и лингвистическая экология их существования – квантативные образования, взаимосвязь которых получает свое оформление в ЯМНКС лингвоструктурного, лингвокультурного и лингвоэкологического типа.

Особенностью классификации ЯМНКС является ее этно- и антропоцентричность, где дихотомия «язык – речь» рассматривается «сквозь призму языковой личности, а языковая личность, соответственно, осмысливается в свете указанной дихотомии» [8, с. 15]. Выделяется феномен «речевой личности» как атомарной составляющей, находящейся в парадигматических отношениях с феноменом языковой личности [11; 16]. Трактовка феномена речевой личности как языковой личности в парадигме реального общения позволила В.В. Красных трансформировать бинарную оппозицию «языковая личность – речевая

личность» в триаду понятий: «языковая личность – речевая личность – коммуникативная личность». Функциональному аспекту парадигмы соответствует личность, участвующая в конкретном акте коммуникации, т.е. «коммуникативная» личность. Под коммуникативной личностью понимается «конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации» [9, с. 150–151]. Различение понятий *языковая/речевая/коммуникативная* личность концептуально значимо для предлагаемой таксономии ЯМНКС, поскольку дает возможность высказать предположение, что таксон ЯМНКС лингвоструктурного типа может быть соотнесен со сферой деятельности языковой личности, таксон ЯМНКС лингвокультурного типа соотнесен со сферой деятельности речевой личности, тогда как таксон ЯМНКС лингвоэкологического типа соотносится прежде всего со сферой деятельности коммуникативной личности.

Специфика классифицируемых объектов определяет характер и свойства таксономии. В основе построения классификации ЯМНКС используется, с одной стороны, анализ свойств языковых единиц, относимых по наличию ряда признаков к ЯМНКС, а с другой – введенный априорно логический принцип рассмотрения ирреальных сущностей, поэтому разработанную нами таксономию ЯМНКС можно квалифицировать как индуктивно-дедуктивную.

Теоретическое разграничение языка как предмета, как процесса и как способности приводит к тому, что выделяемые нами таксоны не имеют четких границ, а составляющие их единицы в некотором отношении взаимопроницаемы и взаимопереходны, т.е. таксономия ЯМНКС диффузна и изоморфна.

В структуре таксономии ЯМНКС выделяются три диффузно смыкающихся таксона (класса): 1) таксон ЯМНКС лингвоструктурного типа; 2) таксон ЯМНКС лингвокультурного типа; 3) таксон ЯМНКС лингвоэкологического типа. Каждый таксон (класс) komponуют подклассы, которые в свою очередь состоят из отдельных языковых единиц. Например, в таксон ЯМНКС лингвокультурного типа входят 11 подтаксонов, среди них: средства речевого контакта и языковые формулы; языковые средства обозначения проксемики и кинесики; прецедентные языковые феномены (топонимы, антропонимы, литературные

аллюзии) и т.д. Таким образом, третьим дифференцирующим признаком таксономии ЯМНКС является ее иерархичность

Итак, в соответствии с предлагаемой нами таксономией ЯМНКС все национально-маркированные языковые единицы подразделяются на три типа: лингвоструктурные, лингвокультурные и лингвокогнитивные.

Рассматривая ЯМНКС лингвоструктурного типа, мы исходим из того, что в семиотическом коде отражается форма существования предметного мира с особенностями его свойств и взаимосвязей. Языковая специфика отражения интересубъектных отношений не может быть не взаимосвязанной с особенностями этнолингвокультурного сознания.

Причиной возникновения ЯМНКС лингвоструктурного типа является несовпадение этнолингвокультурных пространств, связанное со структурным расхождением сопоставляемых языков. Результаты противопоставления по структурному типу таких языков, например русский (флективный) и английский (аналитический), чрезвычайно информативны для исследования ЯМНКС лингвоструктурного типа. Различение в концепте прецептивно-когнитивно-аффективного базового образования и частично отражающего конструкта – собственно продукта лингвистического изучения [4, с. 89] позволяет выделить грамматические концепты и ЯМНКС лингвоструктурного типа как их языковые конструкты, которые выявляются при сопоставлении систем и единиц систем русского и английского языков. К ЯМНКС лингвоструктурного типа можно отнести, например, лингвистические конструкты грамматических концептов, отражающих выражение грамматического рода. Так, в русском языке грамматическая категория рода представлена системой трех рядов форм, эксплицирующих грамматические значения мужского, женского и среднего рода. В аналитическом английском языке вместо грамматической категории рода наблюдается «семантическая классификация слов, основанная на делении обозначаемых этими словами предметов на одушевленные и неодушевленные, с дальнейшим подразделением одушевленных соответственно полу» [12, с. 148]. Таким образом, разграничение английских существительных по роду основывается не на лексико-грамматических, а на семантических принципах.

Другим примером ЯМНКС лингвоструктурного типа могут служить лингвистические конструкты грамматических концептов, отражающих выражение категории определенности/неопределенности. Английский и русские языки демонстрируют различие в инвентарях типологических средств выражения категории определенности/неопределенности. В английском языке используется определенный артикль «the» и неопределенный артикль «a (an)», тогда как в русском языке категория определенности/неопределенности выражена лексически.

Наиболее ярко типологические особенности разноструктурных языков проявляются в глагольных системах, где функционируют «многомерные» (термин Н.Н. Болдырева) концепты времени и вида.

К ЯМНКС лингвоструктурного типа также относятся лингвистические конструкты синтаксических концептов, отражающих, например, разнооформленность личных и безличных конструкций: «It freezes» – «Морозит», «Ему было очень жалко себя» – «He became so sad. He felt sorry for himself» [18, с. 23]. Сюда же могут быть отнесены ЯМНКС, отражающие различное концептуальное содержание, выражаемые такими средствами синтаксической связи, как предлоги, союзы, которые могут передавать определенные пространственные, условные, причинно-следственные, временные и прочие обладающие определенной этнокультурной спецификой смыслы.

Вполне обосновано выделение морфологических концептов, лингвистические конструкты которых, иначе ЯМНКС, отражают разнооформленность словообразовательных процессов в сопоставляемых языках. Существование таких субъективно-оценочных суффиксов в русском языке, как деминутивы, суффиксы субъективной и эмоциональной оценки, предоставляют возможность их исследования с позиций национальной ментальности.

ЯМНКС лингвокультурного типа возникают из-за несовпадения образов сознания, отражающих предметы и понятия в сравниваемых лингвокультурах. Теоретическим основанием выделения ЯМНКС лингвокультурного типа является то, что передающее лексическое значение слова, отражая национальную форму общественно-историческо-

го опыта, никогда не может быть тождественно своему передовому эквиваленту. К этому типу относим:

1. *Средства речевого контакта и языковые формулы.* Национально-культурная специфика реального мира обуславливает национальную маркированность образов сознания, поэтому реализуемые в определенной коммуникативной культуре правила и традиции общения национально специфичны. Речевые формулы поведения, являющиеся в то же время и формами поведения вербальной культуры, проявляются в национально-маркированных эталонах речевого этикета, таких как, например: «You are welcome!» «Bless you!» «Take care» «Keep well» и т.д. Некоторые речевые клише обозначают лакунизированный фрагмент реальности: «С легким паром!», «Горько!», «Jack O'Lantern here!» и т.д.

2. *Этнографические и бытовые нонемы.* Обозначающие предметы и явления быта денотативные реалии, характерные для данной культуры и не имеющие соответствия в другой образуют «пласт» так называемой безэквивалентной лексики: «year book album», «single bar», «былина», «барин», «пряник» и т.д.

3. *Языковые единицы, обозначающие лакунизированные концепты в двух лингвокультурах,* типа: «душа», «тоска», «воля», «challenge», «privacy», «mainstream culture» и т.д.

4. *Языковые средства обозначения проксемики и кинесики.* Различное представление пространственных отношений проявляется в разном выделении основного дистанционного компонента – точки или линии. Национальные особенности проксемики определяют порядок нумерации улиц, жилых домов, планирование городов и жилья, особенности вербальной и невербальной коммуникации.

5. *Цветообозначения.* Наряду с универсальными существуют специфические особенности функционирования лексических единиц цветообразования, связанные с национально-культурными и историческими традициями. Наблюдаются различия в объеме значений: blue – синий, голубой; фиолетовый – violet, purple; коннотаций – to catch somebody red-handed.

6. *Культурная символика.* При сопоставлении двух языков культурная символика в большинстве случаев оказывается нетождественной. Для русских дуб – символ мощи

и силы, береза, рябина – ассоциируются с чистотой, стройностью и часто выступают в качестве нежного, женского начала. Буквально переведенное на английский язык выражение «стройная как береза» теряет смысл, так как данному феномену действительности соответствует другой референт.

7. *Эталоны, метафоры, метонимии.* Национальная специфика речевого выражения мышления наглядно проявляется на примере языковых сравнений, метафор, метонимий. Языковое сравнение – это вербальная фиксация определенных элементов мыслительной деятельности, отражающей фрагменты социального опыта: старый как мир – as old as the hills, твердый как сталь – as hard as the nails.

8. *Паремии.* Во фразеологизмах, пословицах, поговорках наиболее ярко отражаются характерные черты мышления народа и особенности его культуры. Из-за того, что законы восприятия действительности и формальные способы выражения этого восприятия специфичны для каждого языка, различна и семантическая транспозиция слов-компонентов в процессе формирования нового значения: to paint the town red – удариться в загул; to wash dirty linen in public – выносить сор из избы.

9. *Прецедентные языковые феномены.* Элементами культурного пространства являются прецедентные топонимы (Бородино), антропонимы (Honest Abe, Wild Bill Hickok), ситуации (catch twenty-two). Ссылки на литературные произведения и литературных персонажей, не известных одному из участников акта МКО, также провоцируют возникновение случаев квазинепонимания или полного непонимания.

10. *Национально-маркированные элементы терминосистем.* Любой термин обладает такими характеристиками, как системность, стилистическая нейтральность, стремление к точному соответствию между обозначаемым и обозначающим. Однако особенности лингвокультуры обуславливают функционирование национально-маркированных терминов типа: bounced check, baby bond, pre-bankruptcy enterprise.

11. Текстовый отрезок или сверхфразовое единство также относим к ЯМНКС лингвокультурного типа. Смысл слова в определенном языке может рассматриваться как

национальная форма вербализованного общечеловеческого содержания. Тогда любой текстовый отрезок как последовательность вербальных словесных знаков, несущих определенный смысл, представляет собой современный способ фиксации и передачи национально-культурной информации.

ЯМНКС лингвоэкологического типа выделяются на основании того, что в языке отражается своеобразие духовного развития нации и особенности его межэтнических контактов. Инновационные процессы в различных языках разнонаправлены, что и вызывает появление языковых маркеров данного типа. В ЯМНКС лингвоэкологического типа зафиксирована этнокультурная специфика языка массовой коммуникации, письменного и устного языка периодики, рекламы, разговорного дискурса. ЯМНКС лингвоэкологического типа обусловлены лингвоэкологическими изменениями в сопоставляемых дискурсах. К ним относим: темпоральные языковые единицы; неологизмы («сайт», «chat»); языковые единицы с темпорально деформированной семантикой («современные корабейники» – владельцы торговых точек и палаток); новые фразеологизмы («a lot of mileage»); внутреннезаимствованные и внешнезаимствованные языковые единицы («баксы», «грин», «контактный телефон», «stay with us»); стилистически маркированные единицы; контаминационные выражения; бленды («Clintonomics», «Billary») и т.д.

К этому же типу ЯМНКС принадлежит темпорально-маркированная разновидность речевого этикета под названием «Political Correctness» (политическая правильность). Это односторонне лакунизированный феномен, отличающий англо-американскую речевую культуру, отдельные элементы которого, однако, уже стали появляться и в русскоязычном разговорном дискурсе. Для того, чтобы избежать коммуникативного дискомфорта, в речевую культуру «внедряются» новые речевые единицы, элиминирующие «острые углы» расовой, этнической, социальной, физической и гендерной идентификации. Семантические изменения происходят тогда, когда для номинации некоторых предметов и явлений выбирается позитивный или нейтральный признак. Явление «политической корректности» интересно тем, что дает возможность проследить за изменением язы-

ЯМНКС

(языковые маркеры национально-культурного сознания)

Лингвоструктурные

(проявляющиеся в несовпадении этнолингвокультурных пространств, связанных со структурным расхождением сопоставляемых языков)

- Лингвистические конструкции грамматических концептов, выявляющиеся при сопоставлении систем русского и английского языков
- Лингвистические конструкции грамматических концептов, выявляющиеся путем характеристики основных единиц систем русского и английского языков
- Разноформленность лексико-семантических полей
- Разноформленность выраженности прагматического компонента

Лингвокультурные

(возникновение из-за несовпадения образов сознания, отражающих предметы и понятия в сравниваемых лингвокультурах)

- Средства речевого контакта и языковые ритуальные формулы
- Этнографические и бытовые номены
- Языковые единицы, обозначающие лакунизированные концепты в двух лингвокультурах
- Проксемы, кинемы, темпоремы, нумерологемы
- Цветообозначения
- Символы, эталоны
- Метафоры, метонимии
- Паремии
- Прецедентные языковые феномены (топонимы, антропонимы, литературные аллюзии)
- Национально-маркированные элементы терминосистем
- Текстовый отрезок (сверхфразовое единство)

Лингвозоологические

(Обусловленные лингвозоологическими изменениями в сопоставляемых дискурсах)

- Темпоральные языковые единицы
- Неологизмы
- Языковые единицы с темпорально-деформированной семантикой
- Новые фразеологизмы
- Внутреннезаимствованные и внешнезаимствованные языковые единицы
- Языковые единицы с измененной стилистической нормативностью
- Контаминационные выражения
- Бленды
- «Политкорректные» языковые единицы

ковых/речевых норм языка, происходящих под влиянием экстралингвистических факторов, настолько, насколько это позволяет система и типологические особенности языка. Например, гендерное направление «политической корректности» нашло благодатную почву в виде особенностей выражения категории грамматического рода в английском языке.

Объем данной статьи не позволяет дать подробную характеристику таксонов лингвоструктурного, лингвокультурного и лингвоэкологического типов, но надеемся, что даже не очень детальный обзор позволяет судить об особенностях данной классификации. В общем виде типология ЯМНКС представлена на рисунке.

Современное изучение феномена языкового сознания возможно не только в результате сопоставительного описания вербальных ассоциаций и ассоциативных полей, но и путем исследования языковых единиц – овнешнителей этнокультурной специфики языкового сознания. В этом случае таксономия ЯМНКС может служить объяснительным принципом конгруэнтности/неконгруэнтности одного этнолингвокультурного пространства по отношению к другому. Сопоставительный анализ ЯМНКС позволяет выявить особенности отдельной этнолингвокультуры и прогнозировать зоны возникновения возможных вербальных и невербальных помех в процессе МКО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии: Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999.
2. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. Реалии // Мастерство перевода. – М., 1970.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. – М., 1997.
4. Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь, 2001.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
6. Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. Вып. 1.
7. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Единицы семиотической системы русского языка как предмет описания и усвоения // Материалы IX конгресса МАПРЯЛ: Доклады и сообщения российских ученых в Братиславе. М., 1999.
8. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. – М., 1998.
9. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М., 2001.
10. Ляпин С.Х. Факт в пространстве бытия (опыт концептологического понимания). – Архангельск, 1996.
11. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев. – М., 1996.
12. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М., 1959.
13. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурные аспекты речевого мышления // Исследования речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985.
14. Степанов Ю.С. Константы // Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
15. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.
16. Уфимцева Н.В. Предисловие // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000.
17. Ярмашевич М.А. Знаковость аббревиатурных единиц // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2002. – №6(16).
18. Pargment L. Modern Russian Reader for intermediate classes. Second edition.: Univ. of Michigan. Illinois, 1991.

Н.В. Уфимцева

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОТОБРАЖЕНИЕ ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Язык, вслед за А.А. Леонтьевым, можно рассматривать как систему ориентиров, необходимых человеку для деятельности в мире его родной культуры, т.е. в социальном или предметном мире [10, с. 272], а сознание – как «открывающуюся субъекту картину мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния» [11, с. 125].

Сознание создается посредством знаков (Л.С. Выготский). Значение слова представляет собой единство общения и обобщения, а это означает, что, с одной стороны, слово существует в реальном процессе общения, в системе «Я» и «Другой», а с другой стороны, «внутренняя сторона слова, его значение выступает как психологический эквивалент обобщения в качестве неотчуждаемого от субъекта умственного образа» [18, с. 35]. Из такой трактовки значения как основной составляющей сознания и вытекает представление о том, что значение развивается и проходит в онтогенезе определенные стадии своего развития, объектом же интериоризации выступает «инструментальный акт», т.е. опосредованная культурным знаком психическая функция, являющаяся «по происхождению» внешней, данной в системе реального общения и лишь вторично «переместившаяся» в личное, скрытое от других людей сознание [18, с. 70]. Отсюда следует, что сознание человека – это явление интерпсихическое, существующее вне индивида в форме знаков и значений. Культурное развитие сознания начинается с момента рождения ребенка и совершается не по биологическим законам, а под действием системы обучения, исторически и культурно обусловленной. Признавая за сознанием системное строение, Л.С. Выготский видел единственный плодотворный путь его изучения в «семическом анализе», цель которого – раскрыть структуру значений и смыслов.

Будучи специфически человеческим регулятором жизненных процессов, общественное сознание основывается на научении, а средством фиксации информации служат различные орудия в широком смысле (орудия труда, одежда, жилища и т.п.) и особые

знаковые системы, одной из которых является язык.

Именно ориентация на поведение, общение, культуру привела Л.С. Выготского к мысли, что сознание создается посредством орудий и других экстрацеребральных «инструментов» и прежде всего знаков, а ключом к пониманию природы человеческого сознания являются мышление и речь. «Человеческий язык появился в процессе коммуникации в составе двух языков – внутреннего и внешнего. Это значит, что у человека развилось в этом процессе то явление, которое мы теперь называем сознанием» [5, с. 141].

Осознание возникает только через обозначение словом, через наименование, следовательно, как правило, осознается развернутая речь «или, в лучшем случае, те ее предстadium, когда формализуемые надиндивидуальные объективные значения, находящиеся *in statu nascendi*, уже заметно оттесняют породившие их некомуницируемые смыслы. Невербализованный же еще смысл не может быть осознан, ибо для того, чтобы он был осознан, он должен быть «назван», обозначен словом, а в таком случае он перестает быть «чистым» смыслом и превращается в элемент развернутой речи» [1, с. 40].

Развитием представлений Л.С. Выготского о структуре сознания являются и концепции А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко [11, с. 7]. Важнейшими образующими сознания признаются значения, поскольку именно они являются преобразованной и свернутой в материи языка идеальной формой существования предметного мира, его свойств, связей и отношений [11, с. 141]. Именно значения лежат в основе механизма передачи знаний от поколения к поколению, поскольку, становясь идеальной формой существования предметного мира, они приобретают квазисамостоятельное существование и постоянно воспроизводятся в мышлении конкретных индивидов, управляют их внутренней и внешней деятельностью. Однако значения не являются единственными составляющими сознания человека, в индивидуальном сознании происходит дифференциация значений и смыс-

лов в силу того, что присваиваемые индивидуальным сознанием значения хоть и являются производными от существующих в данном обществе «надындивидуальных» значений, но не в полной мере совпадают с последними. Причина этого коренится в том, что значения как бы ведут двойную жизнь: с одной стороны, они принадлежат обществу, а с другой стороны, присваиваясь индивидуальным сознанием, они получают развитие в процессах деятельности и сознания конкретного индивида [11, с. 141]. Именно в этой второй своей жизни значения и приобретают личностный смысл, т.е. индивидуализируются и субъективируются.

Сознание человека, по мысли А.Н. Леонтьева, – это внутреннее движение его образующих, а субстанцией сознания является деятельность человека.

Возникшее в Московской психолингвистической школе понятие «языковое сознание» можно, по мнению А.А. Леонтьева, сопоставить с понятием «образ мира», которое существует в отечественной психологии, поскольку «образ мира» представляет собой отображение в психике индивида предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии [9]. Языковое же сознание понимается как совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками [13] или как образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [15, с. 3].

Одним из способов овнешнения языкового сознания является ассоциативный эксперимент, а ассоциативные поля, формируемые из реакций носителей языка, дают возможность описывать качества их образов сознания.

Исследования, осуществляемые в Московской психолингвистической школе в после-

дние десять лет на материале Русского ассоциативного словаря [8] и The Associative Thesaurus of English [19], показали, что ассоциативный тезаурус является моделью сознания человека. Эта знаковая модель качественно отличается по презентации образов сознания от других предметных представлений образов. Если идеальный образ предмета существует (при рассмотрении процесса деятельности по стреле времени) сначала в форме деятельности, а затем в форме продукта деятельности, т.е. опредмеченно, то слово не опредмечивает образ сознания, а только указывает на него с помощью тела знака. Следовательно, ассоциативный тезаурус – это такая модель сознания, которая представляет собой набор правил оперирования знаниями определенной культуры (вербальными и невербальными значениями), отражающими образ мира данной культуры.

Исследования языкового сознания с помощью ассоциативного эксперимента дают возможность выявить системность как содержание образа сознания, стоящего за словом в той и или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры.

Поиск национально-культурной специфики языкового сознания задает статус самого языкового сознания: оно рассматривается как средство познания чужой культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной формах, а также как средство познания своей культуры. В последнее время онтологией исследования языкового сознания осознается межкультурное общение носителей разных культур, сопровождаемое неизбежными коммуникативными конфликтами (конфликтами неполного понимания) из-за недостаточной общности сознаний [13, с. 14].

Специфика общения при использовании конкретного национального языка состоит в специфике 1) построения речевой цепи, осуществляемого по грамматическим правилам этого языка и 2) образов сознания, отображающих предметы конкретной культуры. Следовательно, для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали общностью знаний об используемом языке (и общностью навыков речевого обще-

ния), а также общностью знаний о мире в форме образов сознаний [14].

По мнению Е.Ф. Тарасова [13], главным препятствием в идентичном понимании одного и того же коммуникативного акта носителями разных культур являются так называемые функциональные и системные (интегральные) качества культурных предметов в отличие от их природных качеств, которые не зависят от особенностей той или иной культуры. Функциональными качествами обладают только культурные предметы, и их постижение носителем другой культуры возможно, хотя и представляет определенные трудности. Что же касается системных качеств культурных предметов, то их постижение требует осознания культуры как системы. «Системные качества культурных предметов непосредственно не наблюдаемы, сверхчувственны и часто знаковы, символичны. Знаковый, символический характер системных качеств культурных предметов, не обнаруживающий себя в самих предметах, открывается только человеку, обладающему знанием системы, в которой конкретный культурный предмет приобретает эти качества. Отсюда следует, что сверхчувственные качества предметов конкретной национальной культуры открыты только носителю этой культуры, обладающему знанием культурных и социальных систем, элементом которых являются эти культурные предметы» [13, с. 33].

Можно предположить, что конфликты непонимания или неполного понимания в межкультурном общении чаще всего являются именно следствием незнания системных качеств культурных предметов.

Как и какие формы та или иная культура накладывает на восприятие окружающей действительности, помогают понять результаты массовых ассоциативных экспериментов. Получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов.

Образ сознания, ассоциированный со словом, – это одна из многих попыток описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообще-

ний. Поскольку языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, оно может быть исследовано только как продукт бывшей деятельности или, иными словами, может стать объектом анализа только в своих превращенных, отчужденных от субъекта сознания формах (культурных предметах и квазипредметах).

Наибольший интерес для исследователей представляют так называемые ассоциативные тезаурусы (The Associative Thesaurus of English [19] и Русский ассоциативный словарь [8]).

Ассоциативный тезаурус современного русского языка построен по результатам массового ассоциативного эксперимента с носителями русского языка, проводившегося с 1986 по 1996 г. Слова-реакции, полученные в ходе первого этапа анкетирования (1986–1991 гг.), использовались в качестве слов-стимулов при повторении эксперимента с иным контингентом носителей русского языка (1992–1994 гг.), а прирост новых слов среди реакций второго этапа образовал список стимулов завершающего третьего этапа эксперимента (1994–1996 гг.).

Возможность создания любого ассоциативного словаря или тезауруса основывается на психологическом представлении о связях единиц сознания в психике человека. В качестве единиц сознания могут фигурировать образы восприятия, представления, понятия, эмоции, чувства. Для построения Ассоциативного тезауруса существенно, что получаемые в эксперименте ассоциации в ответах испытуемых обозначаются словом.

Представленный в виде многомерной ассоциативной сети Ассоциативный тезаурус дает четкое представление об устройстве и функционировании языкового сознания «усредненного» носителя того или иного языка и тем самым о его образе мира. Ассоциативный тезаурус вводит в научный оборот принципиально новый объект лингвистического, психолингвистического, этно- и социопсихологического анализа, который позволяет поиному взглянуть на связь языка и культуры и на роль языка в процессе формирования этнического менталитета.

С точки зрения психолингвистической технологии, ассоциативный тезаурус возникает в результате анализа и обобщения материалов свободного ассоциативного экспе-

римента, полученного путем многоэтапного (итеративного) наращивания ассоциативной сети.

Следует отметить, что начиная с третьего этапа ассоциативная тезаурусная сеть «стремится» к замыканию: в качестве реакций испытываемые все чаще и чаще используют слова, служившие стимулами на предыдущих этапах. Тезаурусное пространство замыкается, давая возможность судить об усредненном лексиконе носителя языка и об его образе мира. Ассоциативный тезаурус такого типа принципиально отличается от других материалов ассоциативных экспериментов, поскольку в него входят данные как о прямых (от стимула к реакции), так и об обратных (от реакции к стимулу) связях между словами, в обоих случаях сопровождаемые количественными показателями, которые позволяют судить о силе этих связей.

Материалы ассоциативного тезауруса позволяют исследовать системность образа мира носителей данной культуры. Одним из способов изучения системности образа мира по материалам массового ассоциативного эксперимента является выявление ядра языкового сознания, т.е. тех единиц семантической сети, которые имеют наибольшее число связей с другими единицами данной семантической сети (представленной в виде Обратного ассоциативного словаря).

Совершенно иную системность демонстрирует нам выявленное А.А. Залевской [6] по материалам The Associative Thesaurus of English ядро языкового сознания англичан.

Проделанный нами анализ [16] показывает, что за внешним сходством формальной структуры ядра языкового сознания русских и англичан стоят существенно различающиеся образы мира, отличающиеся прежде всего своей системностью. Рассмотрим лишь один пример. Так, очень важное место в образе мира русских по данным РАС занимает понятие ДРУГ¹ (встретилось в качестве реакции на 565 разных слов-стимулов), ранг его в ядре 9,5. По данным РАС (Прямой словарь. Т. 1), ДРУГ прежде всего *верный* (69), *надежный* (9), *настоящий* (9), *старый* (4). Важными характеристиками ДРУГА являются такие как *близкий* (16), *закадычный* (*любимый*) (4), *сердечный* (4). Естественно, что такой ДРУГ – *лучший* (20), *милый* (12), *един-*

ственный (9) и родом этот друг *из детства* (33). ДРУГ – это и *товарищ* (27), и *брат* (10), но весьма часто и *собака* (17). Оппозиция ДРУГ – *враг* (47), хотя и является весьма устойчивой в сознании современных русских, однако в ассоциативном поле стимула ДРУГ в целом представлена весьма малочисленной группой реакций. Необыкновенную важность друга в жизни русского человека подчеркивает тот факт, что, по данным словаря Н.И. Бересневой, Л.А. Дубовской, И.Г. Овчинниковой [2], уже к 10 годам в образе мира детей, воспитанных в русской культуре, друг занимает очень важное место. На это указывает тот факт, что слово ДРУГ встречается в этом словаре в качестве реакции 568 раз на 33 из 70 слов – стимулов, предъявлявшихся детям в ассоциативном эксперименте.

Если мы обратимся к данным Обратных словарей (РАС. Т. 2, 4, 6), то увидим, что чаще всего в качестве слова-реакции друг появляется на стимул *НАСТОЯЩИЙ* (215), *ЛУЧШИЙ* (156), *ВЕРНЫЙ* (64), *НАДЕЖНЫЙ* (52).

Совершенно иная картина вырисовывается в образе мира англичан. Понятие FRIEND имеет ранг 73 в ядре их языкового сознания и совсем иную эмоциональную окраску. В прямом словаре FRIEND прежде всего ассоциируется с *enemy* (22), *foe* (19), *затем следует girl* (4) и *good*(4). По данным обратного словаря реакция *friend* чаще всего появляется на стимулы *acquaintance* (68)+ *aquaintance* (67), *companion* (67), *college* (50), *buddy* (36), *neighbor* (36)+ *neighbour* (33), *ally* (35).

Сравним полученную картину с результатами анализа содержания понятий ДРУЖБА и ДРУГ, проделанного А. Вежбицкой [4]. Она приходит к выводу: утверждение, что «во всех культурах» «друзья» признавались важной психологической или социальной категорией, неверно. Что же касается английской культуры, то смысл и суть понятия ДРУЖБЫ и ДРУГА существенно изменились на протяжении времени в сторону существенной девальвации понятия ДРУГ. Как утверждает А. Вежбицкая, «в целом значение слова friend стало более «слабым», так что для того, чтобы ему обрести нечто вроде прежней «силы», теперь приходится использовать выражение a close friend. Кое-что от прежнего значения слова friend сохранилось в производном существительном friendship: тогда как

¹ Далее в тексте прописными буквами выделяется слово-стимул, курсивом – слово-реакция.

Таблица 1

Ядро языкового сознания русских

I этап РАС (1988–1991)			II этап РАС (1992–1995)			III этап РАС (1995–1997)			Сводные данные по трем этапам РАС		
Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стим.	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. Его стим.	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стим.	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стим.
1	человек	382	1	человек	408	1	человек	614	1	человек	140
2	дом	359	2	большой	264	2	дом	270	2	дом	864
3	нет	330	3	жизнь	264	3	большой	229	3	жизнь	711
4	хорошо	286	4	дом	235	4	плохо	221	4	плохо	691
5	жизнь	252	5	нет	233	5,5	дурак	213	5	большой	694
6	плохо	249	6	хорошо	231	5,5	жизнь	213	6	хорошо	677
7	друг	238	7	плохо	221	7	деньги	211	7	нет	667
8	много	212	8,5	деньги	199	8	мужчина	189	8	деньги	587
9	все	192	8,5	дурак	199	9	хорошо	160	9,5	друг	565
10	большой	191	10	друг	173	10	друг	154	9,5	дурак	565
11	дело	185	11	вода	154	11,5	вода	149	12,5	лес	438
12	деньги	177	12	есть	146	11,5	красный	149	12,5	мужчина	438
13	быстро	172	13	хороший	145	13,5	лес	148	12,5	хороший	438
14	стол	171	16,5	думать	142	13,5	мужик	148	14	день	436
15	день	170	16,5	жить	142	15	день	147	15	много	429
16	радость	168	16,5	идти	142	16	смерть	145	16	любовь	428
17	мир	165	16,5	любовь	142	17	ребенок	142	17	работа	426
18	ребенок	160	16,5	работа	142	18	работа	140	18	вода	420
19	разговор	159	19	говорить	139	19	любовь	138	19	ребенок	413
20	думать	158	20	все	138	20,5	парень	137	21,5	радость	404
21	лес	157	21	красный	137	20,5	хороший	137	21,5	все	404
22,5	время	156	22	радость	134	22	грязь	132	22	дело	390
22,5	хороший	156	24,5	дорога	133	23	война	128	23,5	плохой	378
24	дурак	153	24,5	лес	133	24	машина	126	23,5	смерть	378
25,5	говорить	149	24,5	смерть	133	25,5	девушка	124	25	быстро	371
25,5	мужчина	149	26	мой	130	25,5	плохой	124	26	стол	369
27	любовь	148	27	плохой	127	27	мальчик	120	27	парень	368
28	долго	145	28,5	много	120	28	страх	117	28	дорога	361
29	работа	144	28,5	я	120	29	красный	116	29	мир	360
30	свет	137	30	день	119	30	дерево	113	30	говорить	355
31	он	136	31	белый	117	31	мир	111	32,5	есть	354
32	жить	132	32,5	дело	115	32,5	стол	107	32,5	дерево	354
33	дорога	129	32,5	старый	115	32,5	умный	107	32,5	время	354
34	плохой	127	34,5	время	114	34	боль	105	34	жить	350
35	мой	125	34,5	красный	114	35	нет	104	35	думать	349
37,5	вместе	124	36,5	грязь	113	36	я	103	36	я	347
37,5	вопрос	124	36,5	зеленый	113	37	радость	102	37,5	разговор	344
37,5	я	124	37	женщина	112	38,5	старый	100	37,5	свет	344
40,5	есть	123	39,5	ребенок	111	38,5	черный	100	39	мой	338
40,5	парень	123	39,5	свет	111	40,5	город	99	40	красный	330
40,5	товарищ	123	41,5	всегда	110	40,5	дорога	99	41	машина	323
42	книга	122	41,5	дерево	110	43,5	жепчины	98	42,5	женщина	321
43,5	кино	120	43	быстро	109	43,5	зверь	98	42,5	книга	321
43,5	ответ	120	44,5	очень	108	43,5	книга	98	44	грязь	318
45	город	118	44,5	парень	108	43,5	ум	98	46,5	идти	308
46	вода	117	46	черный	106	46,5	много	97	46,5	старый	308
47	мальчик	114	47,5	нельзя	104	46,5	фильм	97	46,5	мальчик	308
48,5	идти	111	48,5	смотреть	104	48	сильный	96	48	белый	304
48,5	женщина	111	49	далеко	102	49,5	свет	95	49	девушка	302
50	муж	110	50,5	книга	101	49,5	собака	95	50	мужик	301
51	красивый	106	50,5	ночь	101	51	белый	94	51,5	страх	287
52,5	далеко	106	53,5	мужчина	100	52	удар	93	51,5	умный	287

Продолжение таблицы 1

I этап PAC (1988–1991)			II этап PAC (1992–1995)			III этап PAC (1995–1997)			Сводные данные по трем этапам PAC		
Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стим.	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стим.	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стим.	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стим.
52,5	умный	106	53,5	сделать	100	55,5	быстро	90	53	долго	286
54	труд	105	53,5	спать	100	55,5	дело	90	54,5	далеко	285
55	вид	103	55	счастье	99	55,5	идиот	90	54,5	сильный	285
56	предмет	102	56	машина	98	55,5	разговор	90	56	город	284
58,5	рука	101	58,5	море	97	55,5	язык	90	57	зеленый	283
58,5	сделать	101	58,8	солнце	97	58	ужас	89	58	черный	282
58,5	слово	101	58,5	школа	97	59	муж	88	59	боль	281
60,5	красный	100	60	дсвушка	96	60	зеленый	87	60	всегда	278
60,5	смерть	100	62,5	делать	95	61	море	86	61	море	277
62	хлеб	97	62,5	разговор	95	62,5	есть	85	62	муж	272
63	море	94	62,5	сильный	95	62,5	предмет	85	63	счастье	272
65,5	сильный	94	62,5	уйти	95	65,5	время	84	64	солнце	267
65,5	характер	94	65	маленький	93	65,5	голова	84	65	собака	266
65,5	боль	94	66,5	дождь	92	65,5	путь	84	66	кино	265
67,5	белый	93	66,5	собака	92	68,5	глупый	83	67	ум	261
67,5	домой	93	68,5	мужик	91	68,5	деревня	83	68	маленький	260
69	стул	92	68,5	стол	91	68,5	мой	83	69	сделать	259
70	вперед	91	70,5	ветер	90	68,5	учитель	83	70,5	очень	258
71,5	маленький	88	70,5	страх	90	72,5	вечер	82	71,5	он	258
71,5	путь	88	72	бежать	86	72,5	дождь	82	71,5	предмет	258
73,5	язык	87	73	долго	85	72,5	запах	82	73	война	251
73,5	фильм	87	74,5	козел	84	74,5	взгляд	81	74	ночь	250
75	земля	86	74,5	мир	84	74,5	зсмля	81	75	земля	247

Таблица 2

Ядро языкового сознания англичан

Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стим.	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стим.	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стим.
1	Me	1087	26	Nice	483	51	dead	371
2	Man	1071	27	Red	477	52	ship	369
3	Good	881	28	Now	461	53	music	363
4	Sex	847	29	Hard	451	54	noise	360
5	No	805	30	White	450	55	cold	352
6	Money	750	31	Woman	445	56,5	women	351
7	Yes	743	32	Bed	432	56,5	you	351
8	Nothing	713	33	School	431	58	men	345
9	Work	686	34	Help	427	59	happy	340
10	Food	676	35	Pain	426	60	drink	339
11	Water	669	36	Sea	425	61	head	337
12	People	664	37	Dog	419	62	hair	336
13	Time	630	38	Never	415	63	great	333
14	Life	629	39	Of	413	64	tree	332
15	Love	622	40	Old	402	65	church	331
16	Bad	615	41	Book	401	66	fear	330
17	Girl	581	42	Paper	399	67	boy	328
18	Up	565	43	Down	398	68	horse	326
19	Car	550	44	Green	395	69	it	322
20	Black	549	45	In	388	70,5	war	321
21	What	545	46	Person	387	70,5	word	321
22	House	539	47,5	Fir	37	72	fool	316
23	Out	535	47,5	To	37	73	friend	311
24	Death	518	49	Rubbish	374	74	fat	309
25	Home	501	50	Light	373	75	fun	306

Ядро языкового сознания белорусов, болгар, русских и украинцев

№	Русские		Белорусы		Болгары		Украинцы	
1	Жизнь	(362) 54	Чалавек	(1392) 65	живот	(415) 75	життя	(317) 62
2	Человек	(1244) 53	жыццё	(404) 65	човек	(927) 66	людина	(139) 43
3	Дом	(514) 48	радосьць	(330) 53	любов	(331) 55	радість	(260) 42
4	Любовь	(253) 48	Дом	(504) 50	приятел	(397) 52	друг	(136) 36
5	Радость	(248) 48	дапамога	(113) 50	много	(345) 50	добре	(90) 35
6	Хорошо	(384) 46	добра	(255) 48	сила	(182) 50	дiм	(281) 35
7	Друг	(365) 45	каханне	(303) 44	щастие	(375) 49	любов	(109) 34
8	Счастье	(334) 40	гроши	(450) 42	жена	(280) 48	щастя	(277) 32
9	Нет	(102) 40	щчасце	(342) 42	радост	(202) 46	спокой	(68) 32
10	Есть	(334) 37	сябар	(313) 42	дете	(253) 40	гроши	(186) 30
11	Плохо	(329) 35	лобоў	(109) 42	обич	(200) 39	чоловік	(453) 29
12	Свет	(175) 35	маці	(586) 41	няма	(185) 39	коханя	(93) 29
13	Деньги	(341) 34	праца	(234) 40	болка	(100) 39	розум	(135) 27
14	Большой	(333) 34	добры	(262) 39	мъж	(323) 38	гарний	(103) 26
15	Ребенок	(240) 33	мужчына	(216) 33	яз	(109) 37	надія	(53) 26
16	Мир	(151) 33	надзея	(125) 33	голям	(308) 37	смерть	(154) 25
17	Я	(100) 33	жанчына	(225) 32	красота	(164) 36	сила	(115) 25
18	Добро	(250) 29	час	(174) 32	смърт	(313) 36	робота	(100) 25
19	Жить	(184) 29	сям'я	(193) 31	хубово	(155) 35	дитина	(81) 25
20	Красивый	(135) 29	прыгожы	(270) 30	надежда	(124) 34	світ	(80) 25
21	Смерть	(365) 27	дрэнна	(205) 30	пари	(314) 34	великий	(241) 24
22	Сила	(99) 27	дзяўчына	(195) 30	мъка	(111) 34	погано	(83) 24
23	Всегда	(82) 27	людзі	(160) 30	винаги	(161) 33	краса	(69) 24
24	Сильный	(279) 26	спакой	(64) 30	всичко	(155) 33	товарищ	(73) 24
25	Много	(186) 26	бацька	(131) 29	път	(128) 33	зло	(209) 21
26	Все	(120) 26	душа	(81) 29	страх	(83) 33	жінка	(71) 21
27	Зло	(347) 23	вялік	(286) 29	искам	(86) 32	світло	(84) 20
28	Любить	(160) 23	дабро	(256) 29	лошо	(162) 32	добрий	(83) 20
29	Время	(144) 23	многа	(138) 29	свят	(117) 31	праця	(68) 20
30	День	(285) 22	прыгажашь	(154) 29	мисъл	(78) 31	дівчина	(52) 20

Примечание. В скобках указана абсолютная частота встречаемости данного слова в качестве реакции на все слова стимульного списка. Рядом указано количество разных слов-стимулов, реакцией на которые является данное слово.

в старом употреблении друзья (friends) были связаны друг с другом отношением дружбы (friendship), в современном употреблении у человека может быть гораздо больше друзей (friends), нежели дружб (friendship), и только о «близких друзьях» (close friends) можно теперь сказать, что они связаны отношением «дружбы» (friendship) [4, с. 69].

Вежбицкая указывает, что в англо-американской культуре место «дружбы» как постоянного отношения между людьми занял идеал «знакомства с новыми людьми», которые теперь в этой культуре и называются «друзьями». С другой стороны, А. Вежбицкая говорит о значимости беззаветной дружбы в иерархии ценностей современных русских, подтверждая это данными социо-

логических исследований. Таким образом, структура ядра языкового сознания, выявленная по материалам русского и английского ассоциативных тезаурусов, демонстрирует реальную системность образа мира этих двух культур и их существенное различие.

Не менее интересные результаты получены при сравнении ядра языкового сознания русских, хакасов и англичан [3].

Анализ показал, что наибольшее число соответствий выявлено в ядре языкового сознания хакасов и русских (44–50%), а наименьшее число зафиксировано в ядре языкового сознания хакасов и англичан (24%). Системность же ядра языкового сознания носителей указанных культур также существенно различается.

Анализ ядра языкового сознания носителей четырех славянских культур: белорусов, болгар, русских и украинцев, выявленного по материалам Славянского ассоциативного словаря (рукопись) [17], продемонстрировал определенное совпадение системности образа мира, особенно для белорусов, русских и украинцев, что естественно вытекает из общности их происхождения, истории и вероисповедания (см. табл. 3).

Так, понятие ДРУГ занимает в ядре языкового сознания четырех славянских народов (по данным Славянского ассоциативного словаря) следующие позиции: для русских его ранг равен 7, для белорусов – 9,5, для болгар и украинцев – 4.

Что же касается достоверности самого ядра языкового сознания, выявленного на относительно небольшом наборе стимулов (всего 112), то, сравнив русскую часть с результатами, полученными по материалам Русского ассоциативного словаря, мы можем убедиться, что только 7 из 30 слов не входят в «большое» ядро (см. табл. 1). Тем самым еще раз подтверждается факт, отмеченный нами при анализе материалов Русского ассоциативного словаря: любой достаточно большой список слов-стимулов «приводит» к одному и тому же для данной культуры ядру языкового сознания, т.е. к центральным для данного образа мира понятиям в их соотношении друг с другом, в их системности.

Однако с помощью ассоциативного эксперимента можно выявить не только системность образа мира той или иной культуры, но и системность самого образа сознания, который стоит за словом, т.е. системность тех знаний, которые та или иная культура транслирует всем своим членам через значение (в психологическом смысле). Так, исследование психолингвистических особенностей языкового сознания искусственных билингов, проведенное Е.А. Попковой [12], показало, что, хотя содержание образа языкового сознания, стоящего за словом изучаемого иностранного языка, у искусственного билинга меняется в процессе изучения языка, структура слова, его системность определяются системностью значения его эквивалента в родном языке.

Таким образом, на восприятие реалий чужой культуры всегда накладываются знания, полученные в процессе социализации в родной культуре и системность образа мира родной культуры в целом и каждого образа сознания в этом образе мира в частности. Следовательно, системные свойства культурных предметов существуют в двух формах: с одной стороны, в виде системности самой культуры, которая определяет и место, и роль в ней данного культурного предмета, а с другой стороны, в виде системности знаний, связанных с данным культурным предметом и стоящих за словом, его обозначающим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басин Ф.В., Прангишвили А.С., Шерозия А.Е. Роль бессознательного в активности мышления // Бессознательное. – Тбилиси, 1978.
2. Береснева Н.И., Дубовская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет. – Пермь, 1995.
3. Боргоякова А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001.
5. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982.
6. Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, 1981.
7. Зинченко В.П. Проблема «образующих» сознание в деятельности теории психики // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. – 1988. – Т. 3.
8. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.С., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т. 1–6. – М., 1994–1998.
9. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1988.
10. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1999.

11. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М., 1977.
12. Попкова Е.А. Психолингвистические особенности языкового сознания билингвов (на материале русско-английского учебного билингвизма): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
13. Тарасов Е.Ф. Методологические проблемы языкового сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1988.
14. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.
15. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2000.
16. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.
17. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000.
18. Ярошевский М.Г. Л. Выготский: в поисках новой психологии. – СПб., 1993.
19. Kiss G., Armstrong C., Milroy R. The Associative Thesaurus of English. – Edinburgh, 1972.

Ю.А. Сорокин

ЕВРАЗИЙСТВО И ЕГО ПОСТУЛАТЫ: ВОЗМОЖНЫЕ КОРРЕКТИВЫ

Вне всякого сомнения, феномен евразийства следует связывать с поиском точки отсчета в ментально и предметно изменяющемся мире, почти исчерпавшем запас своего осевого времени. Его качественные характеристики, его духовно-интеллектуальные репрезентаторы (о них, но в ином ключе см.: [9]), превосходно, на мой взгляд, охарактеризованы В.С. Варшавским в его «Незамеченном поколении» [1] (см. также: [13]), пытавшемся ответить на вопросы «Кто мы? Откуда мы? И куда идем? В каком мире живем и будем жить? И что это за страна – Россия?» Существуют и индивидуальные прогнозы. Такова книга А. Тоффлера «Футурошок» [21], строящего свою визионерологию исходя из симптоматичных инновационных предпосылок (новые кочевники, модульный человек, спецнократия, ломающаяся семья, избыток субкультур), характерных для конца осевого времени. Но если А. Тоффлера мало заботит ответ на последний вопрос («Что это за страна – Россия?»), то, например, для А.С. Панарина [11] весьма важна «наша цивилизационная специфика» [11, с. 31] или, иначе говоря, актуализация «...в нашем сознании реальной геополитической дифференциации мира, с которой мы так сжились, что не замечаем ее, как не замечаем нашего тела, пока оно в здоровом состоянии. Главная дихотомия ... носит достаточно традиционный характер. Она связана с различием между морскими и континентальными державами». На глобальном уровне это означает деление мира на две полусферы: сухопутную (континентальную) и морскую. В контексте этого деления один регион выступает как имеющий ключевое значение – Евразия. Согласно геополитической теории, это центральное пространство мира – хартленд, противопоставленный океаническому римленду» [11, с. 24].

Отождествление цивилизационной специфики с геополитической дифференциацией мира весьма показательно: если «цивилизация – это самодвижущаяся, целостная система, охватывающая одну или несколько социополитических общностей либо все человечество в целом» [23, с. 71], то и в ней должны присутствовать репрезентаторы, свидетель-

ствующие об этой целостности, а, точнее говоря, о специфической сверхцелостности / составной целостности, ибо «характерные особенности локальной и мировой цивилизации» [23, с. 184] оказываются в ряде случаев несовместимыми: «...количественное различие некоторых из этих особенностей настолько велико, что они становятся прямой противоположностью друг друга» [23, с. 184].

Иными словами, хартленд и римленд как социополитические регионы являются такими локусами, для которых характерна своя комбинаторика особенностей и тем самым своя логика их существования.

На мой взгляд, и хартленд, и римленд – это культурально-семиотические сообщества с им одним присущим ритмом развития (см. по этому поводу: [4]) наряду с уникальными поведенческими – вербальными и невербальными – установками (уникальной архитектоникой поведения). Именно они позволяют судить о реальности разбиения мира на те или иные этнокультуральные конгломераты, чьи ориентации, несомненно, являются прожективно-телеологическими. Неслучайно А.С. Панарин задает вопросы относительно того «...уцелели ли у нас, в частности, к востоку от Урала, духовные основы здорового предприимчивого консерватизма. Можно ли утверждать, например, что сибирское и дальневосточное население России еще сохранило признаки немотствующего народа, связанные, в частности, с наследием старообрядчества: традиционное трудолюбие, аскезу и мораль, патриархальные предпосылки дисциплины и законопослушания, жажду духовной веры? Именно этими признаками современная тихоокеанская цивилизация отличается от атлантической, в значительной мере уже промотавшей свое протестантское наследие. Если эти признаки у нашего сибирского населения еще сохранились, если «сибирский миф» еще жив в нашей культуре..., то цивилизационный маневр, связанный с некоторым переносом центра тяжести с Запада на Восток нашей страны, сегодня возможен. А тем самым возможно и творческое перерешение узловых проблем нашей реформы в духе

сближения с тихоокеанской цивилизацией и ее моделью модернизации» [11, с. 30].

Симптоматично и сомнение А.С. Панарина в том, что «...этнография разъединяет, а большая письменная традиция (ныне – информационная сеть) объединяет, открывая те универсалии мировой цивилизации, к которым тяготеет современная, постмодернистская личность, а значит – наиболее просвещенные и мобильные элементы евразийского социума» [11, с. 28]. Если учитывать, что постмодернистская (модульная, по мнению А. Тоффлера) личность ориентируется на краткосрочность межличностных связей и на их утилитарность, на карьеру, профитные социальные роли и «замещающих людей», характеризуется когитивно-когнитивной неустойчивостью и вынуждена жить в мире вторичных / ангажированных образов (см.: [21, с. 73–140]), то ее вряд ли можно совместить с той русской базовой личностью, о которой пишет, например, З.В. Сикевич*: «Сильнее всего сближает (примерно каждого третьего): государство, в котором живем – 33,7%, язык – 33,0%, образ жизни – 31,1%. <...> Сближают в определенной мере примерно каждого пятого: общее историческое прошлое – 21,9%, народные традиции и обычаи – 20,6%. <...> ...петербуржцы склонны признать, что русских отличает беспечность в сочетании с недалекновидностью... и решительность. <...> Значительно меньшее неприятие вызывает констатация явных недостатков русского человека: воинственного удальства..., пьянства..., лени...<...> Русские женщины в большей мере склонны к традиционному смирению, чем мужчины <...> Женщины относительно терпимее мужчин по предпочтению как «доброе слово»..., так и «худого мира»... В русском сознании независимо от половой принадлежности, возраста и уровня образования продолжает преобладать установка на стратегию «малых дел»..., в то время как на удачу надеется лишь каждый 4-й – 5-й россиянин из числа опрошенных... <...> Самым «главным качеством» русского человека, по мнению петербуржцев, являются доброта (27,6%) и ее проявление в отношении к людям (доброжелательность, радушие, душевность, отзывчивость, сердечность, милосердие, великодушие, сострадание и сопереживание)... <...> По мнению участников

опроса, русский – трудолюбив, работоспособен и вынослив, но значительно чаще ленив, халатен, безалаберен и безответственен, его трудовую деятельность отличают «наплеватьство» и «разгильдяйство»... Если попытаться представить «образ» типичного русского, составленный коллективными усилиями участников опроса..., то мы получим следующий портрет... 1) доброта, 2) терпение, 3) гостеприимство, 4) трудолюбие, 5) лень, 6) дружелюбие, 7) широта души, 8) патриотизм, 9) доверчивость, 10) открытость, 11) пьянство, 12) отзывчивость, 13) простота, 14) щедрость, 15) честность, 16) терпимость, 17) сострадание, 18) безалаберность» [16, с. 89–112].

Хотя вышеприведенные данные и носят пилотажный характер, вывод напрашивается сам собой: о цивилизационном маневре и смещении центра тяжести с Запада на Восток говорить еще преждевременно. Возможность творческого перерешения узловых проблем также сомнительна: узловые проблемы евразийства лишь репродуцируются и переобсуждаются, существуют как неревизуемое наследие, в границах которого, по-видимому, невозможны и недопустимы конструктивно-эвристические поиски.

Прежде чем рассматривать некоторые составляющие «суммы евразийской технологии» мне хотелось бы еще раз указать на следующее: если евразийство – это следствие конца осевого времени, то вполне правомерной оказывается оценка этого времени как параноидального (параноического) и осознаваемого в качестве «вместилища» эгоцентрической и магической мифологем и мифологемы сверхбытия, а также их «продуктов» –птолемеизма, гипердетерминизма, манихеизма, гиперволютаризма и нарциссизма (см. по этому поводу: [5]).

В то же время евразийство – это попытка рефлексивного отношения к этим мифологемам, попытка осознания их сути и возможно сти деконструкции, как сказал бы Ж. Деррида.

Примечание: В связи с этим представляется целесообразным существование такой субдисциплины, как *этнокультуральная нозология* (ср. с эокантропологией и биокаузологией, задачи которых обсуждает Е.Б. Черняк [23, с. 214–226]).

Не менее важно и существование *концептуальной этнокультурологии и методоло-*

* Опрос русских проводился в Петербурге и Мичуринске, Новочеркасске и Черновцах

гической этнокультурологии (ср.: концептуальная цивилиография и методическая цивилиография – [23, с. 54–67]), а в рамках последней – рассмотрение массивных и исключительных (см. по этому поводу: [23, с. 234–245]) этнокультуральных атрибутов.

На мой взгляд, наиболее чутким/сенсительным к сдвигам в интеллектуально-духовном климате осевого времени оказался Константин Николаевич Леонтьев. Он писал, что «...относительно будущего России весь вопрос сводится к тому, чем она может быть при устарении Европы; государством ли без особой, без поражающей ум государственной системы ... или одноосновным культурным миром, какими были Рим языческий и христианская Византия; или трехосновным столь же содержательным типом, как романо-германский мир. Или, наконец, превзойти и этот последний как богатством своим, дать вселенной впервые пример типа четырехосновного: то есть решить лучше (не окончательно – это невозможно – а только лучше), чем смог в свое время решить мир романо-германский, все четыре главных, основных вопроса исторической жизни: религиозный вопрос, государственный, экономический и художественно-философский» [8, с. 222]. И еще две цитаты:

1) «Сюда еще относится его (Данилевского. – Ю.С.) доверчивое славянолюбие в тесном смысле, его вера в само племя славянское; тогда как нужна вера не в само это отрицательное племя, а в счастливое сочетание с ним всего того получужого, преимущественно восточного (а кой в чем и западного), которое заметнее в России, чем у других славян. Нужна вера в дальнейшее и новое развитие Византийского (Восточного) христианства (православия), в плодотворность туранской примеси в нашу русскую кровь; отчасти и в православное intususceptio властной и твердой немецкой крови и т.д.» [8, с. 224];

2) «Припомним: все влияния Запада на Восток были эфемерны и поверхностны; все же воздействия Востока на Запад были прочны и хотя тоже не вечны, не оставили глубокого следа» [8, с. 231].

По мнению Петра Николаевича Савицкого, «...Восточно-Европейская, «Беломорско-Кавказская» ... равнина по географической природе гораздо ближе к равнинам Западно-

Сибирской и Туркестанской, лежащим к востоку от нее, нежели к Западной Европе. Названные три равнины, вместе с возвышенностями, отделяющими их друг от друга (Уральские горы и так называемый Арало-Иртышский водораздел) и окаймляющими их с востока, юго-востока и юга (горы Дальнего Востока, Восточной Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказа, Малой Азии), представляют собой особый мир, единый в себе и географически отличный как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и югу от него. И если к первым приурочите имя «Европы», а ко вторым – имя «Азия», то названному только что миру, как срединному, так и посредствующему, будет приличествовать имя «Евразия» ... <...> Россия занимает основное пространство земель «Евразии». <...> Обозначение это указывает, что в культурное бытие России, в соизмеримых между собой долях, вошли элементы различнейших культур. <...> Юг в этих процессах явлен по преимуществу в образе византийской культуры; ее влияние на Россию было длительным и основоположным. <...> Восток в данном случае выступает, главным образом, в образе «степной» цивилизации, обычно рассматриваемой в качестве одной их характерно «азиатских»... С конца этого последнего столетия пошло на убыль влияние европейской культуры и достигло максимума начиная с XVIII века ... В категориях не всегда достаточно тонкого, однако же указывающего на реальную сущность подразделения культур Старого Света на «европейские» и «азиатско-азиатские» – культура русская не принадлежит к числу ни одних, ни других. Она есть культура, сочетающая элементы одних и других, сводящая их к некоторому единству. И потому... квалификация русской культуры как «евразийской» более выражает сущность явления, чем какая-либо иная...» [14, с. 81–83].

И еще три цитаты: 1) «...как срединный географический мир Евразия отличен от географического мира Европы, так отличен он и от мира Азии...» [14, с. 280]; 2) «Россия – Евразия есть обособленное и целостное «месторазвитие». <...> Россия – Евразия есть «месторазвитие», «единое целое», «географический индивидуум» – одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т.д. и т.п. «ландшафт» [14,

с. 282, 283], 3) «евразийцы – православные люди» [14, с. 92]. (Аналогичные мысли можно найти и у Ивана Александровича Ильина, см., в частности, [6, с. 232–238], а также: [15, с. 541–549]).

Очень четкое истолкование понятия «хартленд» было предложено и Николаем Сергеевичем Трубецким: «...чтобы отдельные части бывшей Российской империи продолжали существовать как части единого государства, необходимо существование единого субстрата государственности. Этот субстрат может быть национальным (этническим) или классовым. <...> ... национальным субстратом ... может быть только вся совокупность народов..., рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством. Всякий национализм исходит из интенсивного ощущения личностной природы данной этнической единицы и потому прежде всего утверждает органическое единство и своеобразие этой этнической единицы... <...> Можно сказать, что единство этнической единицы обратно пропорционально, а своеобразие этнической единицы прямо пропорционально величине этой единицы...» [22, с. 423].

И еще две цитаты: 1) «Много говорили о том, что историческая миссия России состоит в объединении наших «братьев» славян. При этом обычно забывали, что нашими «братьями» (если не по языку и по вере, то по крови, характеру и культуре) являются не только славяне, но и туранцы...» [22, с. 140]; 2) «...не менее близкое взаимное сходство всех туранских языков и психологических обликов всех туранских народов совершенно не подлежит сомнению, и мы имеем право говорить о едином туранском психологическом типе, совершенно отвлекаясь от вопроса о том, обусловлена ли эта общность психологического типа кровным родством или какими-нибудь другими историческими причинами» [22, с. 143].

Таким образом, позволительны, по-видимому, следующие выводы: Евразия – это многосоставная целостность / единичность, метисированное культурально-семиотическое и психотипическое (точнее – психобиотипическое) образование, совокупность *биоценозических* и *хомоценозических* сообществ, сло-

вом, это органическое и надорганическое единство, *суперэтнос*.

Примечание: Так как этнос в принципе пассионарен, то заманчиво было бы предположить, что «взаимное сходство всех туранских языков и психологических обликов всех туранских народов» является следствием пассионарности, позволяющей языкам «узнавать» друг друга, а их носителям идентифицировать себя как своих.

Книгу Н.С. Трубецкого «История. Культура. Язык» [22] предваряют две статьи: Н.И. Толстого [20] и Л.Н. Гумилева [3], которая впервые напечатана в «Нашем наследии» в 1991 г.

В «Заметках последнего евразийца» Л.Н. Гумилев [2] попытался – полемически-конструктивно, чем его статья и интересна, – оспорить / уточнить некоторые положения, принадлежащие Н.С. Трубецкому. В свою очередь, я попытаюсь сделать то же самое, но в отношении доводов – конечно, не всех, – выдвинутых Л.Н. Гумилевым.

По его мнению, 1) «...этнос – это процесс адаптации к определенному ландшафту, и навыки чуждого этноса, называемые цивилизацией, отнимают у аборигенов силы, необходимые для собственного хозяйства...» и 2) этнос – это «...личность на популяционном уровне, выраженная как самобытная культура» [2, с. 21].

На мой взгляд, «популяционное» и «культуральное» вряд ли целесообразно совмещать: это два разных концепта. И соотносятся они друг с другом весьма опосредованно. Если этнос в принципе есть N-мерная культуральная личность, то «навыки чужого» этноса, или, иначе говоря, навыки культуральной личности нелогично причислять к цивилизационным навыкам. По-видимому, это противоречие объясняется незамечаемым Л.Н. Гумилевым совмещением понятий *цивилизация* и *культура*. Его можно снять, если рассматривать цивилизацию в качестве процесса *конвергенции тождества* духовных и материальных продуктов, а культуру – в качестве процесса *канонизации их сходств / по добий* (см. в связи с этим: [17]).

Примечание: Рассматривая этнос как синтетическую (многомерную) личность, или, если угодно, как совокупную (вечевую) популяционно-культуральную личность, можно полагать оправданным существование и *диахронической совокупной субличности*

(субстратной совокупной субличности), и синхронической совокупной субличности (суперстратной совокупной субличности).

Л.Н. Гумилев считал, что «идеократия, то есть власть идей, – одна из «основ евразийства». <...> Характерной чертой евразийства вообще и теории идеократического государства в особенности является взаимосвязанность и взаимозависимость всех теоретических элементов. Совокупность народов, живущих и ощущающих «общность культурных и исторических традиций», ведет автаркическое хозяйство на определенном «месторазвитии»*. Тем самым сохраняется преимущество взаимодействия этноса и кормящего ландшафта. Сохраняется национальный характер культуры как в «целом», так и в «индивидуациях», составляющих «целое». Важно добавить, что необходимым условием осуществления идеократии является сдвиг в самосознании людей и народа в сторону понимания ими своей исторически определенной функции в жизни «органического целого». Однако само существование идеократического государства оправдано и необходимо лишь тогда, когда осуществляется идея «блага народов» конкретно автаркического мира» [2, с. 26].

Принимая эти положения в целом, я все же хочу сделать такую поправку: идеократия и автаркия суть формы существования этноса, а не национализма, как, очевидно, полагали и Н.С. Трубецкой, и Л.Н. Гумилев. Или, говоря иначе, этносизм – это формы опредмечивания / формы аранжировки пассионарной энергии, существующей для нас и в виде культурально-семиотического (ментального) инструментария (идеократического фонда), и в виде «правил» взаимодействия с окружающей средой (автаркем предметного и непредметного характера).

Примечание: Доводы, например М.О. Мнацакяна [10, с. 41–47], отрицающего гумилевское понимание этноса как специфической культурально-генетической единичности, существующей благодаря своей пассионарной энергии, вряд ли можно признать убедительными.

Несправедлив и упрек относительно того, что Л.Н. Гумилев «...постоянно подменяет понятие этноса понятием государства или даже империи» [10, с. 46]. Л.Н. Гумилев неоднократно указывал на несводимость формационных и суперформационных (химерических) образований к этническим образованиям. Развести химерические и этнические образования – сложно, ибо признаки этих образований диффузионны. Л.Н. Гумилев мог смешивать / не различать признаки, но его нельзя упрекнуть, что он подменяет одни признаки другими.

И в связи с этим три цитаты из Б. Кроче, указывающие на невнимание не только М.О. Мнацакяна, но и других исследователей к сути обсуждаемых – эксплицитно или имплицитно – проблем: 1) «В так называемой «человеческой истории» тоже есть «история естественная», а так называемая «естественная история» тоже была когда-то «человеческой», то есть историей духа, хотя теперь, отодвинувшись от нас на такое расстояние, она предстает пред нашим неспособным проникнуть внутрь ее взором как мумия, как механизм», 2) «... мы отвергли идею всеобщей истории (во времени и пространстве), равно как и идею общей истории (духа в его неограниченной обобщенности и единстве), и взамен выдвинули противоположный двойной тезис: история всегда является частной и всегда специальной, и как раз эти два определения представляют собой подлинную и конкретную всеобщность, подлинное и конкретное единство», 3) «...аналогию специальных историй можно назвать абсолютной, и всякая аномалия одной по отношению к другой исключается: их основной принцип (что бы против этого ни возражали) – принцип частности (общности – частности). Но если как истории они подчиняются общему принципу историографии, то как истории специальные выражают принцип своей специальности; в этом и только в этом смысле каждая по отношению к другим аномальна, то есть сохраняет свой неповторимый характер» [7, с. 80–87].

* Автаркическое месторазвитие (автаркическое хозяйство) не может, очевидно, не быть экофильным в той же мере, что и ментофильным / толерантным. Иными словами, сотрудничество в нем осуществляется через согласование точек зрения (и «технологий»), («хэ!»), а не как сотрудничество дублирующих / подобных точек зрения (и «технологий») («тун»). Это хозяйство-для-бытия (бытийствующее хозяйство), а не автоориентированное / эготическое хозяйство. Бытийствующее хозяйство принадлежит «онтологической» экономике (экономике нестяжания / неизбыточности), эготическое – «гносеологической» (авторефлексивной) экономике.

6. На мой взгляд, ограничиваться лишь сопоставлением точек зрения и микродискуссиями и неразумно, и неэффективно. Поэтому попробуем рассмотреть некоторые понятия-концепты, позволяющие – смею надеяться – конкретизировать суть задач, стоящих перед исследователями евразийства, тем более, что его культуральные / лингвокультуральные составляющие обсуждались в меньшей степени, чем остальные (за исключением Н.С. Трубецкого, но не Л.Н. Гумилева).

Полезно, по-видимому, считать, что не только возможна, но и необходима *евразийская лингвокультурософия* – как диахроническая, так и синхроническая.

Примечание: Возможное конкурирующее понятие *евразийской лингвокультурологии* представляется менее удачным, ибо оно ориентировано антропоцентрически, в то время как первое понятие ориентировано антропофилически (см. в связи с этим: [18]).

В свою очередь, в рамках евразийской лингвокультурософии следует выделить синхроническую и диахроническую *доксологию* (синдоксологию и диадоксологию), а внутри ее считать необходимым существование *имидживики, айсивики, фактуальной и ментальной / витальной визажистики*.

Сопоставление имидживистических, айсивистических и визажистических сюжетов (поведенческих событий) является целью *лакунографии / лакунологии* (как части доксографии).

Помимо выявления и сопоставления синдоксологических лакун (о них см.: [18]) всех трех типов (имидживистических, айсивистических и визажистических), в сфере ее внимания находится соматология / соматистика, ориентированная на реконструкцию телесных (соматологических / соматических) портретов носителей тех или иных языков / культур.

Для фиксации различия и совпадений между этими портретами полезно, по-видимому, использовать два понятия: соматологической / соматистической коллокации (*сомаколлакации*), понимая ее как частоту встречаемости / соположенности тех или иных соматологических / соматистических единиц, и соматологической / соматистической колликации (*сомаколликации*), понимая ее как пучок отношений между классами (категориями) референтов (денотатов).

Если исходить из того, что фиксация различий между портретами – это и фиксация лакун, то оказывается необходимым и существование *лакунарной сомаколлакации и лакунарной сомаколликации*.

Отсюда возможен шаг к составлению *лакунографических словарей*, которые могут выглядеть как синтагматические цепочки (амплификаторы), сводимые к их доксографическим прототипам (собственно, это и доксографические словари), и к *тезаурусированным грамматикам*, состоящим из двух частей – *экзореференциальной*, чьими базовыми единицами являются вербальные образы (и тела знаков), или *перцептивны*, и *эндореференциальной*, чьими базовыми единицами являются образы ситуаций (поступков и событий), или *менталитивы*.

Эти интранаучные (собственно, этнопсихолингвистические) соображения могут оказаться перспективными лишь на фоне других – более общих – исследовательских перспектив. Можно предположить, что в их число входят следующие: истолкование культуры как нелинейной неравновесной системы и создание *культуральной диссипатологии*, а в ее рамках изучение семиотикокультуральных осцилляторов и аттракторов (об использовании этих понятий для исследования динамики политического сознания см.: [12, с. 125–137]). В связи с этим особенно важным оказывается вопрос об устойчивых и неустойчивых культуральных состояниях, а также о характере культурального пространства: является ли оно фазовым или псевдофазовым? И в каких его частях? Можно ли и как связать то или иное его понимание с пассионарностью и характером этносизма?

Не менее интересно и другое: если восприятие и сознание нелинейны и являются тем самым культуральными осцилляторами, то насколько они облигаторны? Если они самопроизвольны (продукт бифуркаций), то можно ли считать, что сознание – свободная система?

И, наконец, последнее: насколько обоснованно и перспективно полагать, что культура есть совокупность ментальных аттракторов, изначально формирующих нашу «картину мира» и запрещающих выход в другие возможные миры?

ЛИТЕРАТУРА

1. Варшавский В.С. Потерянное поколение. – Нью-Йорк, 1956.
2. Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. №3.
3. Гумилев Л.Н. Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1979. Вып. 1–3.
5. Добрович А. Паранойя как среда обитания // Искусство кино. – 1992. – №8.
6. Ильин И.А. Наши задачи. – М., 1992.
7. Кроче Б. Теория и история историографии. – М., 1998.
8. Леонтьев К. Избранное. – М., 1993.
9. Лысенко В.Г. Опыт введения в буддизм: ранняя буддийская философия. – М., 1994.
10. Мнацакян М.О. Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты. – М., 1998.
11. Панарин А.С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Вопросы философии. – 1994. – №12.
12. Петренко В.П., Митина О.В. Анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). – Смоленск, 1997.
13. Половинкин С.М. Евразийство и русская эмиграция // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995.
14. Савицкий П. Континент Евразия. – М., 1997.
15. Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. – М., 1996.
16. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). – М., 1996.
17. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М., 1985.
18. Сорокин Ю.А. Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Язык, сознание, коммуникация. – М., 1998. – Вып. 4.
19. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. – Самара, 1994.
20. Толстой Н.И. Н.С. Трубецкой и Евразия // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995.
21. Тоффлер А. Футурошок. – СПб., 1997.
22. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995.
23. Черняк Е.Б. Цивилизациография. Наука о цивилизации. – М., 1996.

Cédric Bellissens & Guy Denhiere

Laboratoire «Cognition & Usages», Laboratoire de Psychologie Cognitive

RETRIEVAL FROM LONG-TERM WORKING MEMORY: A SKILLED USE OF SEMANTIC MEMORY

Retrieval from Long-term Working Memory: A Skilled Use of Semantic Memory

Understanding a text consists of integrating new information as it is processed, in such a way that the resulting memory structure forms a coherent whole that encodes the meaning of the text. As such, comprehension is a dynamic process in which the intermediate and final outcomes of the successive processing steps that integrate new information are available in working memory throughout the reading. Theories of working memory and short-term memory proposed to date have been based on various metaphors (Cowan, 1988; 1993), which fall into two groups (Barrouillet, 1996; Cowan, 1999). The first group uses the store metaphor: working memory is conceived of as a short-term memory buffer with a limited storage capacity (Baddeley, 1986, 1990, 2000; Daneman & Carpenter, 1980; Kintsch & van Dijk, 1978). The second group relies on the energy metaphor: working memory is characterized by the limited amount of activation available for processing and retaining information during reading (Cantor & Engle, 1993; Conway & Engle, 1994; Engle, Kane & Tuholsky, 1999; Just & Carpenter, 1992). In both views, working memory is limited: the retention and processing of information needed for comprehension is constrained either by the limited amount of short-term storage space or the limited amount of activation available in working memory. But text comprehension is a complex activity that demands the availability of a large number of elements and structures in working memory (van Dijk & Kintsch, 1983; Kintsch, 1998). This state of affairs led Ericsson and Kintsch (1995)

to propose the concept of long-term working memory.

Ericsson and Kintsch analyzed the behavior of expert individuals performing different types of tasks, extending Chase and Ericsson's (1982) framework for «skilled memory». Chase and Ericsson (1982) showed how recall in a short-term memory task can be greatly improved by practice. They proposed how skilled individuals were able to select relevant information and encode the information and associate retrieval cues during rapid storage in long-term memory. By using a stable set of retrieval cues (a retrieval structure) the skilled individuals can regenerate the appropriate retrieval cues to retrieve the presented information stored in long-term memory. Ericsson and Kintsch (1995) showed how this general type of mechanisms can be adapted to support maintained access to information in long-term memory during skilled activities like chess (Gobet, 1996), medical expertise (Ericsson, Patel & Kintsch, 2000), text Comprehension (Kintsch, Patel & Ericsson, 1999), music memory (Williamon & Valentine, 2002) and text production (Kellog, 2001). As a skilled individual encounter a relevant piece of information, the piece is semantically integrated with previously generated representations of the current situation (the building of new structure) and associated with retrieval cues appropriate to retrieval demands of tasks in the subject's domain of expertise. Given that these encodings are stored in long-term memory, skilled participants can recreate the encoding conditions from memory by reactivating the appropriate retrieval cues and rapidly retrieve a large part of the stored information. For Ericsson and Kintsch (1995), it is these two

types of structure building mechanisms that account for the performance of skilled readers and their ability to construct an integrated representation of a text's meaning in long-term working memory (Ericsson & Delaney, 1999).

The long-term working memory theory does not rule out the idea of a limited short-term working memory capacity. But it assumes that the temporary activation of information makes large quantities of structured information stored in long-term memory available to readers, provided they have the appropriate prior knowledge. Accordingly, Ericsson and Kintsch reject two claims of classical memory models (Atkinson & Shiffrin, 1968; Newell & Simon, 1972): (a) the storage of a new retrievable memory trace is very slow and requires 5 to 10 seconds, and (b) long-term memory retrieval is slow and takes more than a second. Although the authors accept these time estimates when unfamiliar material is being memorized (e.g., thematically unrelated words or digits), they contend that skilled readers are capable of fast retrieval of information previously integrated into long-term memory. During encoding, readers who possess the appropriate knowledge are thought to associate retrieval cues to the information they are reading. Later, the reinstatement of those cues enables retrieval of the encoded information.

In the traditional view, the information needed for comprehension is retained and processed in short-term working memory, but the limitations of that memory constrain comprehension. In Ericsson and Kintsch's view (1995), the information required for comprehension is interpreted and organized in long-term working memory and is readily available during reading. The traditional view leads to the assumption that a reader who is unable to retain the information needed for current processing in short-term working memory has to search for that information, which takes time and causes comprehension problems. In the Ericsson and Kintsch approach, the inability to retain the necessary information in short-term memory during reading does not always lead to comprehension problems since read information is interpreted and organized in long-term working memory, and is readily accessible.

Fischer and Glanzer (1986), Glanzer, Dorfman, and Kaplan (1981) and Glanzer,

Fischer, and Dorfman (1984) used an experimental interrupted-reading procedure. This procedure consists of presenting a **main text** one sentence at a time, and then interrupting its reading by either the presentation of a different text or the execution of another task (counting, mental arithmetic, etc.). After the interrupting text or task, the reader has to retrieve the information needed from long-term memory in order to resume the reading of the main text. In the Fischer and Glanzer (1986), Glanzer, Dorfman, and Kaplan (1981), and Glanzer, Fischer, and Dorfman (1984) experiments, execution of the interrupting task was not found to have a significant effect on the latency or accuracy of participants' answers comprehension questions about the main text. The effect of the interruption was limited to an increase (of less than 1000 ms) in the reading time of the first sentence presented after the interruption, hereafter called the **critical sentence**. According to Ericsson and Kintsch (1995), the information activated when main text reading resumes serves as a cue for the fast retrieval of the text structure built before the interruption. For Fischer and Glanzer (1986), a text's surface form contains cohesion devices that link the different text segments to each other during reading, and thereby allow the reader to rapidly make anaphoric and logical connections between consecutive sentences. In this view, then, surface information is sufficient for reading to be resumed after an interruption.

According to empirical data obtained by Glanzer, Dorfman, and Kaplan (1981, Experiments 1a and 1b), readers performing a recall task are capable of reproducing approximately two sentences of text. Glanzer, Fischer, and Dorfman (1984) took two of the main text sentences (**original cue sentences**) presented immediately before the interruption (Experiment 3) and reinserted them after the interruption, before the reading resumed. In the interrupted reading condition with insertion of two original cue sentences, participants read the critical sentence a little more slowly (but not significantly so) than in the uninterrupted condition. The same result was obtained when the interruption was followed by the presentation of only one original cue sentence (Glanzer, Fischer, & Dorfman, 1984, Experiment 4). Glanzer, Fischer, and Dorfman

(1984) concluded that during reading, participants retain surface information in short-term memory about the last two sentences read, in order to make anaphoric and logical links between sentences.

Given that the episodic representation of a text includes several levels of representation, namely, the surface representation, the text base, and the situation model (van Dijk & Kintsch, 1983), the surface form is not the only one to contain retrieval cues. Yet in long-term memory, the semantic trace of a sentence is stronger than that of its surface form (Denhiere & Baudet, 1992; Kintsch, Welsch Schmalhofer, & Zimny, 1990; Zimny, 1987). The way in which readers encode and retrieve the information conveyed by a text is dependent upon their prior knowledge. Caillies and Tapiero (1997) showed that the knowledge structures of beginner and advanced participants in a given domain lead them to organize encoded information in different ways. Beginners build a linear mental representation of the temporal-causal type, whereas advanced participants build a hierarchical representation in goal/subgoal format (Baudet & Denhiere, 1991; Caillies, Denhiere & Kintsch, 1998; Caillies & Tapiero, 1997; Caillies, Denhiere & Jhean-Larose, 1999). Caillies, Denhiere, and Kintsch (1998) found that beginners establish links between adjacent portions of text, whereas advanced participants seem to carry out a more complex encoding process that includes inferences made during text reading, particularly ones about the goals of the actions; moreover, we assume that this skilled encoding of the text is a classic semantic encoding, involving an interaction between semantic text coherence and prior knowledge structures. Advanced and Beginner individuals differing in the organization of that knowledge (Caillies, Denhiere & Jhean-Larose, 1999). Advanced readers are thus capable of creating links between segments that are far apart in the text's surface form because, conceptually, they well-learned that specific set of actions are associated with specific goals, that was not the case for beginners. Even if the surface structure of a sentence contains syntactic cues (pronouns, coordinating conjunctions, definite articles, etc.), readers do not use these cues to rapidly interpret sentences with an anaphor (McKoon, Gerrig, & Greene, 1996). Readers are able to

quickly retrieve the referent of a pronoun anaphor even when the distance in the text between the referent and the anaphor exceeds two sentences, elaborating it, during reading, by processing propositions in intervening sentences (Myers & O'Brien, 1998 ; O'Brien, Plewes & Albrecht, 1990) or by the activation of semantic associates during reading (Montoya, Baccino, & Denhiere, 1998) extending the meaning of the correct antecedent of the anaphor. Thus, the availability of a referent can increase during reading by the activation of situation-relevant associates and its accessibility can be easier if the right context of the anaphor expression is semantically associate to the referent.

All these results are consistent with the assumption that reader relies on a retrieval semantic cue structure in long-term working memory based on knowledge organization in long-term memory to readily access during reading relevant information even when this information has been mentioned before more than two sentences. Long-term working memory is a skilled use of semantic memory. This view of long-term working memory – one based both upon knowledge organization and upon the encoding and retrieval processes implemented during reading – was tested in the experiment described below.

Hypothesis

Glanzer, Dorfman and Kaplan (1981) assumed that the surface form in short-term memory serves to make link between adjacent clauses. They argue that without this information, readers must recreate it or interpret the next clause without its help. Glanzer, Fischer and Dorfman (1984) write that if reader only carry over highly processed information in short-term storage then a connective or a pronoun should not be interpreted in the next sentence. In the other hand, Ericsson & Kintsch (1995; p.225), write «the interruption procedure does little more than slow down the reading process somewhat, because what is disrupted is neither a perceptual trace nor purely a surface representation of the text, but a fully analyzed, fully interpreted representation of the previous text in long-term memory that is readily accessible in long-term working memory.» It

was assumed that long-term working memory is a skilled use of semantic memory : What we call semantic cues are simply knowledge structures activated during the processing of previous text and associated with encoded information in long-term memory. By processing the meaning of a new text segment, a reader can reinstated these knowledge structures that act as semantic cues associated with encoded information. Semantic cues are used during reading to achieve fast long-term working memory retrieval of the information to which they were associated at encoding time.

Method

The reading interruption procedure with cue sentence presentation consisted of interrupting the reading of an eight-sentence main text, divided into two parts with four sentences each. The interruption occurred between sentences 4 and 5. After the interruption, an unrelated text, hereafter called the **interrupting text**, was presented. A cue sentence was introduced between the last sentence of the interrupting text and the first sentence of the second part of the main text. The type of cue provided had different features, depending on the condition.

Participants

The participants were fifty volunteer students aged 20 to 25 from Montpellier III University in France. Two participants had to be replaced due to the high number of mistakes they made on the text comprehension questions (35% and 47%).

Materials

Twelve pairs of experimental texts and eight pairs of filler texts were generated. A text pair consisted of a main text, an interrupting text, and five comprehension questions. The main experimental texts and the main filler texts described a man-made object (e.g., the automobile, the elevator, the phonograph, etc.). The main experimental texts all had the same structure but the main filler texts did not. The interrupting texts were stories totally unrelated to the main texts.

Main experimental texts. Each text contained eight sentences. The critical sentence (the fifth sentence in each text) averaged 13 words (S.D. = 1.2), 68 characters (S.D. = 5.2), and 7.3 propositions (S.D. = 1.1). The other sentences averaged 14 words (S.D. = 1.8), 73 characters (S.D. = 9.5), and 7.6 propositions (S.D. = 1.3). The main experimental texts described the object, its function, three of its components, and the structure and function of the components. The first sentence always stated what the object was, the date it was invented, and the name of the inventor. The second sentence stated the function of the invention, as in the following example:

Sentence 1. The automobile was designed by the German manufacturer Carl Benz in 1885.

L'automobile a été concue par le constructeur allemand Carl Benz en 1885.

Sentence 2. The automobile is a vehicle in which passengers can easily be transported.

L'automobile est un véhicule qui permet de transporter aisément des passagers.

The invention had three components, each with a structure and a function. Two of the components and their structures and functions were presented in sentences 3 and 6. Sentence 4 stated the third component and its structure. Sentence 5 gave the function of the third component. For the automobile example, this part of the text read as follows:

Sentence 3. The automobile has a rigid body which is used to protect passengers.

L'automobile est équipée d'une carrosserie rigide qui a pour role de protéger les passagers.

Sentence 4. The automobile also contains an engine with several pistons

L'automobile comporte également un moteur á explosion contenant un ensemble de pistons.

Sentence 5 (critical). The main purpose of these pistons is to convert energy into motion.

Ces pistons ont pour fonction essentielle de transformer de l'énergie en mouvement.

Sentence 6. The automobile has a universal joint that transmits engine movement to the front wheels.

L'automobile contient un cardan assurant la transmission du mouvement moteur aux roues avant.

The seventh sentence stated that the three components were essential for the operation of the invention. It was an integration sentence because specific functions of the three components needed to be integrated into a general function to understand in what the three components were essential, as in:

Sentence 7. The engine, the body, and the universal joint are essential for the proper operation of the automobile.

Le moteur, la carrosserie et le cardan sont essentiels à la bonne marche de l'automobile.

The inventions were ones that had contributed to progress, and to the development of certain human activities. The eighth sentence concluded with general considerations of this type, as in:

Sentence 8. Today, this invention continues to facilitate transportation and human mobility.

Jusqu'à nos jours, cette invention a facilité les transports et les déplacements humains.

The sequential and anaphoric relations between sentences 3, 4, and 5 were controlled. This part of the text could only be understood by determining the links between these three sentences. A connective in sentence 4 (also ; **également**) was required to make the link between sentences 3 and 4. Sentence 5 always contained an explicit anaphor, which was a demonstrative pronoun. The antecedent of the anaphoric expression was always located at the end of sentence 4.

Comprehension questions. For each text pair, five comprehension questions were generated. Three of the questions pertained to the main text, one about the first part, one about the second part, and one about the link between sentences 4 and 5. The other two questions pertained to the interrupting text. Two answer choices were proposed in each case, only one of which was correct.

Cue sentences. Four cue sentences were generated for each experimental pair. Three were true cue sentences (in the strict sense of the term) because they replicated a portion of the first part of the main text: (1) the **Original cue** sentence was identical to sentence 4 of the first part, (2) the **Content Cue** sentence had the same deep syntactic structure as

sentence 4 but used synonyms, and (3) the **Combined Cue** sentence expressed the inferred link between sentences 3 and 4 by bringing together the relevant parts of these two sentences. The fourth cue sentence was a totally **New Sentence** that could not act as a cue. Half of the new sentences were about a characteristic of some animal and the other half described a property of some plant. An example of each kind of cue sentence is given below:

Original cue sentence. The automobile also contains an engine with several pistons.

L'automobile comporte également un moteur à explosion contenant un ensemble de pistons.

Content cue sentence. The automobile also contains a combustion chamber and air compression parts

L'automobile comporte aussi une chambre de combustion et des éléments de compression d'air.

Combined cue sentence. The automobile has a rigid body and contains an engine with several pistons.

L'automobile est équipée d'une carrosserie rigide et d'un moteur à explosion contenant un ensemble de pistons.

New sentence (animal). The cat is a mammal characterized by its great flexibility.

Le chat est un mammifère qui se caractérise par sa grande souplesse.

New sentence (plant). Bamboo is a tree known for its fast growth.

Le bambou est un arbre connu pour la rapidité de sa croissance.

Text Pair Presentation Order. Twelve Lists were established. Each List included 12 experimental text pairs and 8 filler text pairs. The order of presentation of the 12 experimental pairs was counterbalanced across participants. The 8 filler pairs were randomly inserted in the Lists in such a way that there were never more than 4 consecutive experimental pairs.

Procedure

Testing was individual and lasted an hour and a half. The experiment was run on a Macintosh computer. It began with a familiarization phase consisting of a primed

lexical decision task. In this phase, there were two blocks of 48 trials aimed at allowing participants to get used to using the computer equipment. The familiarization phase was followed by a practice phase where three pairs of texts were read.

An experimental trial included the presentation of a main text, an interrupting text, and five text comprehension questions. It began with the self-paced display of the main text, sentence by sentence. To go on to the next sentence, the reader had to press the space bar on the keyboard. Readers were warned that at some point during the reading of the main text, a message would be displayed saying «Attention! Reading time is limited» («**Attention ! Lecture en temps fixé**») would appear on the screen. This message stayed on the screen for 1500 ms and meant that the interrupting text would start on the next page. The interrupting text was displayed sentence by sentence for a fixed amount of time (350 ms per word). After the presentation of the interrupting text, a message saying «Attention! Reading time no longer limited» («**Attention ! Lecture en temps libre**») appeared on the screen. Participants were also warned in advance that the reading of the main text could be interrupted by another text. In each list, 50% of the main texts were interrupted. Filler texts were never interrupted.

There were six Experimental conditions, defined by the variables «Reading Interruption», «Cue Sentence Presentation», and «Cue Sentence Features» described below (see Appendix). During the experiment, each reader worked in each mode twice.

Reading interruption. The presentation of the experimental pairs was either continuous or interrupted. In the Continuation condition, the main text was not interrupted and the interrupting text was presented right after the main text. In the Interruption condition, the interrupting text was presented between sentence 4 and sentence 5 (critical sentence) of the main text. The total duration of the interruption, which included the interrupting text and the warning messages, was exactly 21 seconds and 400 ms.

Cue sentence presentation. The cue sentence was always given before main text reading resumed, i.e., before sentence 5 (critical) was displayed. The Interruption condition had

two variants: Cued Interruption and Uncued Interruption. There were three types of Cued Interruption, depending on whether the cue sentence was an Original Cue sentence, a Content Cue sentence, or a Combined Cue sentence. For Uncued Interruption, there were two types of interruptions, New Sentence interruption and No Sentence interruption.

Cue sentence features. In the Original Cue, Content Cue, and Combined Cue conditions, a cue sentence that repeated some portion of the first part of the main text was presented. In the New Sentence condition, a new sentence unrelated to both the interrupting text and the main text was displayed. In the No Sentence condition, no sentence was shown and the screen remained empty for three seconds. In this condition, the reading interruption lasted 24 seconds and 400 ms.

Answering the text comprehension questions. After the presentation of the two texts, the participant had to answer five comprehension questions. Answers were given on two computer keys. A message was displayed after each answer saying whether it was right or wrong.

Dependent variables. Two dependent variables were measured, the reading time of the eight main text sentences, and the number of correct answers on the comprehension questions for each text.

Instructions. The readers were instructed to only read the sentences once, at their own pace. They were told to pay close attention to them and to try to determine the connections between the sentences of a same text. For the questions, the participants were asked to read the questions carefully and to take their time answering.

Predictions

The predictions pertained to the effects of reading interruption, cue sentence presentation, and the features of the cue sentence.

Reading Interruption

If encoded information is highly accessible even after an interruption in the reading process, then the interruption should not have a significant effect on the number of correct answers to text comprehension questions and should only have a significant effect on a very

small portion of the interrupted text. Only the reading time of the critical sentence (the first sentence of the second part of the text) should be longer in the interrupted conditions than in the continuation condition. Given the seventh sentence is an integrative sentence, if encoded information is not highly accessible after the interruption in the reading process, reading of this sentence should be longer in interruption conditions than in continuation conditions.

Cue Sentence Presentation

If the reading of the critical sentence lead to a semantic cues reinstatement in short-term working memory, then the presentation of a cue sentence just before the critical sentence should facilitate cues reinstatement, and so the access to the encoded information in long-term memory. It results reading critical sentence should be shorter in Cued Interruption conditions than in Uncued interruption conditions.

Cue Sentence Features

If cues reinstated in short-term memory are semantic knowledge structures associated with encoded information from the processing of the first part of the main text, then (a) a surface modification in the cue sentence that does not change its meaning should not affect critical sentence reading time. The more relevant semantic knowledge structures are activated by the processing of the cue sentence, the less the critical sentence processing should necessitates semantic cues reinstatement. Hence, (b) an increase in the number of content cues should shorten critical sentence reading time, and (c) the presentation of an unrelated sentence should lengthen critical sentence reading time. The reading time of the critical sentence should be shorter in Combined Cue condition than in Content Cue condition and should be longer in New Sentence condition than in No Sentence condition.

Results

The reading times of the eight sentences in the experimental texts were processed in analyses of variance (Anova) with the Subject factor (F1) or the Item factor (F2) as the random source of variation. Order of presentation was

a between-subject factor and Experimental conditions was a within-subject factor. The Order of presentation of texts did not have a significant effect ($F(1,46) < 1$) or interact with the Experimental Conditions, so it was eliminated from later analyses. For the answers ($n = 3$) to the main text comprehension questions (Fa), the Type of Question and the Experimental conditions were within-subject factors. The same design was used for the answers ($n = 2$) to the interrupting text questions (Fb). Given that our predictions concerned the effects of interrupted reading, cue sentence presentation, and cue sentence features, the following pairwise comparisons were made:

Reading interruption: 1. Continuation vs. Interruption

Cue sentence presentation: 2. Cued Interruption vs. Uncued Interruption

Cue sentence type: 3. Original Cue vs. Not Original Cue (Content Cue and Combined Cue)

4. Content Cue vs. Combined Cue

5. No Sentence vs. New Sentence

Answers to Comprehension Questions

The experimental conditions did not affect the number of correct answers to main text questions, $F_a(5, 47) < 1$, or to interrupting text questions, $F_b(5, 47) = 1.6$, $p = .16$ (see Table 1). Moreover, Experimental conditions did not interact with the Type of Question (See Table 1). The effect of the Type of Question was significant, $F(2, 47) = 8.2$, $p < .01$, and indicated that the number of correct answers was significantly smaller for questions about the first part of the text (mean 0.82) than for questions about the second part (mean .90), $F(1, 47) = 12.6$, $p < .01$. The Type of Question factor did not have a significant impact on the number of correct answers to interrupting text questions, $F(1, 47) < 1$. Readers had less trouble answering questions about the second part of the experimental text. However, this effect did not interact with the interruption effect, which in turn, had no effect on the number of correct answers. Interrupting the reading did not lead to comprehension impairments.

Reading Times

The Experimental conditions did not have a significant effect on the mean reading time of

Table 1

Number of Correct Answers on Comprehension Questions (Mean and Standard Deviation)

Question type	Continuation	Interruption				
		Original	Cued		Uncued	
			Not original		New	None
			Content	Combined		
Main text sentences 1, 2, 3	0.85 (0.25)	0.85 (0.27)	0.79 (0.35)	0.81 (0.28)	0.80 (0.28)	0.83 (0.27)
Main Text sentences 4 and 5	0.79 (0.32)	0.83 (0.26)	0.85 (0.27)	0.87 (0.24)	0.83 (0.24)	0.77 (0.34)
Main text sentences 7 and 8	0.90 (0.25)	0.90 (0.25)	0.92 (0.21)	0.90 (0.25)	0.93 (0.25)	0.91 (0.24)
Interrupting text sentences 1 and 2	0.97 (0.12)	0.96 (0.14)	0.97 (0.12)	0.92 (0.19)	0.94 (0.17)	0.92 (0.21)
Interrupting text sentences 3 and 4	0.95 (0.15)	0.96 (0.14)	0.98 (0.10)	0.95 (0.15)	0.95 (0.15)	0.93 (0.18)

the four sentences in the first part of the main text, or on the mean reading time of sentences 6 and 7 of the second part ($F(1, 47) < 1$).

The only significant effect of the Experimental conditions factor was on the mean reading time of the critical sentence of the main text (sentence 5), $F(5, 47) = 19.0$, $p < .01$ and $F(5, 11) = 14.0$, $p < .01$. Thus, the different ways the text was presented affected critical sentence reading time only (see Table 2) and the way the presentation mode factor affected the reading time of the critical sentence is detailed below.

Reading Interruption

The interruption had a significant impact on critical sentence reading time. In the Interruption condition, the critical sentence was read more slowly than in the Continuation condition, with means of 4765 ms and 4010 ms, respectively (see Table 2), $F(1, 47) = 13.6$, $p < .01$ and $F(1, 11) = 9.6$, $p < .01$. This reading time increase is comparable to that observed in the above studies using the same paradigm.

Cue Sentence Presentation

Cue sentence presentation had a significant effect on critical sentence reading time. In Cued Interruption, the critical sentence was read faster than in Uncued Interruption, with means equal to 4237 ms and 5556 ms, respectively, $F(1, 47) = 60.0$, $p < .01$ and $F(1, 11) = 44.0$, $p < .01$.

Cue Sentence Features

The fact that the cue sentence was identical to sentence 4 (Original Cue) or different from it (Content Cue and Combined Cue) did not significantly change critical sentence reading time, since the means were 4303 ms and 4204 ms, respectively, $F(1, 47) < 1$ and $F(1, 11) < 1$. However, the critical sentence was read faster on the average in the Combined Cue condition (3811 ms) than in the Content Cue condition (4597 ms), $F(1, 47) = 8.9$, $p < .01$ and $F(1, 11) = 6.6$, $p < .05$. Also, in the New Sentence condition, the critical sentence was not read as quickly as in the No Sentence condition, giving means of 6041 ms and 5070 ms, respectively, $F(1, 47) = 13.5$, $p < .01$ and $F(1, 11) = 16.2$, $p < .01$. So, modifying the original cue sentence did not affect critical sentence reading time. In contrast, providing the linking inference between main text sentences 3 and 4 (Combined Cue) made critical sentence reading faster than presenting a sentence that was semantically similar to sentence 4 (Content Cue).

Discussion

The present results replicate some of the results obtained by Glanzer, Fischer and Dorfman (1984). Like Glanzer et al. (1984), we showed that interrupting text reading did not cause any comprehension problems, and only had a significant effect on the reading time of a very small portion of the interrupted text,

Table 2

Critical Sentence Reading Time (ms)

	Continuation	Interruption				
		Original	Cued		Uncued	
			Not original		New	None
			Content	Combined		
Mean	4010	4303	4597	3811	6041	5070
S.D.	1378	1817	1852	1226	1632	1785

namely, the first sentence of the second part. An interruption of text presentation increase the reading time of the first sentence presented at the resumption and this increasing time can be reduced by the presentation of a cue sentence presented just before the interruption. Presenting a cue sentence led to faster resumption of reading than when no cue sentence was given.

We also extend Glanzer et al. previous research, showing that the surface form of the preceding sentences is not necessarily recreated at the reading resumption to interpret the critical sentence. Reader can easily rely on semantic representation even to interpret anaphoric expression. Manipulating the cue sentence's features without changing its meaning did not affect critical sentence reading time, although feature manipulation involving an increase in the number of content cues shortened reading resumption time, while the display of an unrelated cue sentence lengthened it. Thus, the inability to retain all necessary information in short-term working memory during reading does not always hinder understanding, since once this information has been interpreted and encoded in long-term memory, it can be rapidly retrieved by the reinstatement of retrieval content cues in short-term memory.

The fact that text content cues can be used during reading to quickly retrieve encoded information means that the availability of information in long-term memory is mediated by associations resulting from the interaction between knowledge structures in long-term memory and the semantic structure of the text being read. Clearly, the Combined Cue sentence was the most effective for achieving rapid retrieval of the relevant information needed to resume the reading of the main text. By construction, this type of cue pointed out the relation between two pieces of information located in two non-contiguous parts of the

text's surface structure. In this way, what the Combined Cue sentence expressed was a final outcome from previous text processing and was part of the episodic representation of the text in long-term working memory. The two pieces of the combined cue sentence focused on the same knowledge structure, that is, the macro proposition «machine have components».

As a result, we can assume that knowledge structures like association between «machine» and «components» are encoded in long-term working memory during reading as macro propositions to act as a semantic retrieval cue (Kintsch, 1998). A stable organization of such retrieval cues can create during reading a single retrieval structure very similar to a situation model. Consistent with this view, is the approach of Nelson, McKinney & Gee (1998). Nelson et al. (1998) claim that experiencing a familiar word activates its associates and that this activation produces an implicit representation in long-term working memory that can affect the recall and recognition of the item that actually occurred. We think that the way Nelson et al. (1998) use the notion of familiarity is very useful to further investigate the role of long term working memory in text comprehension. In a first step, this view implies that if readers precisely access the meaning of the words they read in long-term memory then they should create a useful retrieval structure in long-term working memory during reading. In a second step, if readers hold in long-term memory appropriate knowledge structures which could interact with the semantic structure of the text then they would rapidly encode and retrieve information during reading.

The theoretical conception of long-term working memory in experts behavior implies stabilized knowledge activation in long-term memory as a task is carried out. Particularly, this stabilized knowledge is persistent

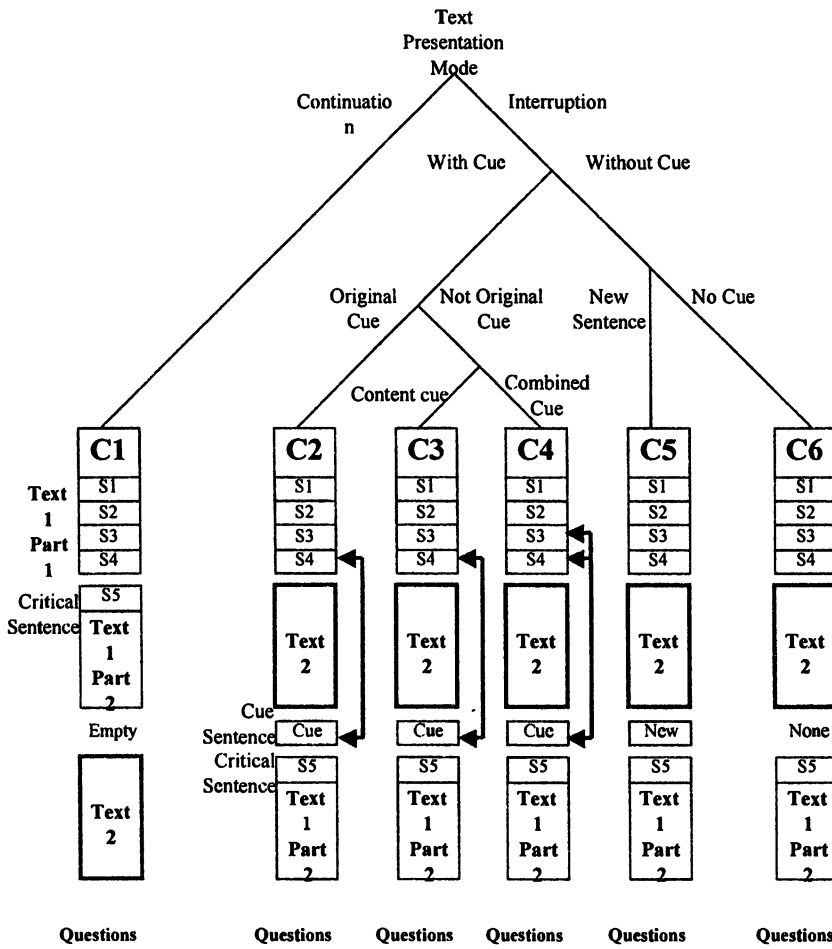

Diagram of Procedure

semantic representations. First, they provide a source of information from long-term memory, taken as input by processing operations and second, they categorize and organize information (Denhiere & Baudet, 1992). As a text is processed, semantic representations constrain availability and accessibility of associated encoded information, by cohering the constructed signification. These semantic representations act as semantic retrieval cues associated with encoded information: when a new text segment is processed, encoding requires activation of knowledge structures that can be semantically close to the retrieval cues, that restores access to encoded information previously associated. This active structure constitutes a retrieval structure.

As we defined it, the notion of retrieval structure explains why after a reading interruption, readers can readily retrieve encoded information to carry on understanding a text. This theory can also explain why

encoded information retrieval should depend on familiarity of stimulus: less familiar or low frequent stimulus is unlikely to active persistent and stabilized representation. Thus, and in contrast with Vicente & Wang (1998) claims, «familiar» or «meaningful» can be synonymous adjectives. Further, long-term working memory is an acquired skill that results in a skilled use of semantic memory, whatever the domain of expertise, even when stimulus memorization is «a task that is not part of that domain of expertise» (p. 34).

Ericsson and Kintsch's (1995) long-term working memory approach is the one best able to account for the results we obtained, since it stipulates that the information necessary for comprehension is held in long-term working memory structures, and that cues are reinstated in short-term memory whenever needed to easily retrieve information encoded at reading time. Next researches will investigate text familiarity as a condition of the elaboration and the use, during reading, of a long-term working memory.

REFERENCES

1. Albrecht, J.E., & Myers, J.L. (1998). Accessing distant text information during reading: Effects of contextual cues. *Discourse Processes*, **26**(2&3), 87–107.
2. Atkinson, R.C., & Shiffrin, R.M. (1968). Human memory: A proposed system and its control processes. In K. Spence & J. Spence (Eds), *The Psychology of Learning and Motivation* (Vol. 2, pp. 89–195). New York: Academic Press.
3. Baddeley, A.D. (1986). *Working Memory*. Oxford: Oxford University Press.
4. Baddeley, A.D. (1990). *Human memory: Theory and Practice*, East Sussex: Erlbaum.
5. Baddeley, A.D. (2000). The episodic buffer: a new component of working memory? *Trends in cognitive sciences*, **4**, 417–423
6. Barrouillet, P. (1996). Ressources, capacités cognitives et memoire de travail: Postulats, métaphores et modèles. *Psychologie Francaise*, **41**, 319–338.
7. Baudet, S., & Denhiere, G. (1991). Mental models and acquisition of knowledge from text: Representation and acquisition of functional systems. In G. Denhiere & J.P. Rossi (Eds.), *Text and Text Processing* (Vol. 79, pp. 155–188) Amsterdam: North-Holland.
8. Caillies, S., & Tapiero, I. (1997). Structures textuelles et niveaux d'expertise. *L'Année Psychologique*, **97**, 611–639.
9. Caillies, S., & Denhière, G. (2001). The interaction between textual structures and prior knowledge: Hypotheses, data and simulations. *European Journal of Psychology of Education*, **XVI**, 1, 17–31.
10. Caillies, S., Denhière, G., & Jhean-Larose, S. (1999). The intermediate effect: Interaction between prior knowledge and text structure. In H. van Oostendorp & S. R. Goldman (Eds), *The Construction of Mental Representations During Reading*, (pp. 151–168). London: Erlbaum.
11. Caillies, S., Denhière, G. & Kintsch, W. (2002). The effect of prior knowledge on understanding text: Evidence from primed recognition. *European Journal of Cognitive Psychology*, **14** (2), 267–286.
12. Cantor, J., & Engle, R.W. (1993). Working memory capacity as long-term memory activation: An individual-differences approach. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, **19**, 1101–1114.
13. Chase, W.G., & Ericsson, K.A. (1982). Skill and working memory. In G.H. Bower (Ed.), *The Psychology of Learning and Motivation: Advances in Research and Theory*, (Vol. 16, pp. 1–58). New York: Academic Press.
14. Conway, A.R.A., & Engle, R.W. (1994). Individual differences in working memory capacity: More evidences for a general capacity theory. *Memory*, **4**(6), 577–590.
15. Cowan, N. (1988). Evolving conceptions of memory storage, selective attention, and their mutual constraints within the human information-processing system. *Psychological Bulletin*, **104**, 163–191.
16. Cowan, N. (1993). Activation, attention, and short-term memory. *Memory and Cognition*, **21** (2), 162–167.
17. Cowan, N. (1999). An embedded-processes model of working memory. In A. Miyake, & P. Shah (Eds.), *Models of Working Memory: Mechanisms of Active Maintenance and Executive Control* (pp. 62–101). New York: Cambridge University Press.
18. Daneman, M., & Carpenter, P. A. (1980). Individual differences in working memory and reading. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, **19**, 450–466.
19. Denhière, G. & Baudet, S. (1992). *Lecture, compréhension de texte et science cognitive*. Paris: Presses Universitaires de France.
20. Engle, R.W., Kane M.J., & Tuholsky S.W. (1999). Individual Differences in working memory capacity and what they tell us about controlled attention, general fluid intelligence, and functions of the prefrontal cortex. In A. Miyake, & P. Shah (Eds.), *Models of Working Memory: Mechanisms of Active Maintenance and Executive Control* (pp. 102–134). New York: Cambridge University Press.
21. Ericsson, K.A., & Delaney, P.F. (1999). Long-term working memory as an alternative to capacity models of working memory in everyday skilled performance. In A. Miyake & P. Shah, *Models of working memory, mechanisms of active maintenance and executive control* (pp. 257–297).
22. Ericsson, K.A., & Kintsch, W. (1995). Long-term working memory. *Psychological Review*, **102**, 211–245.
23. Ericsson, K.A., Patel, V.L., & Kintsch, W. (2000). How experts' adaptations to representative task demands account for the expertise effect in memory recall: Comment on Vicente and Wang (1998). *Psychological Review*, **107**, 578–582.

24. Fischer, B., & Glanzer, M. (1986). Short-term storage and the processing of cohesion during reading. **Quarterly Journal of Experimental Psychology**, 38 (A), 431-460.
25. Glanzer, M., Dorfman, D., & Kaplan, B. (1981). Short-term storage in the processing of text. **Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior**, 20, 656-670.
26. Glanzer, M., Fischer B., & Dorfman, D. (1984). Short-term storage in reading. **Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior**, 23, 467-486.
27. Gobet, F. (1996). **EPAM-like simulations of the recall of random chess positions**. In U. Schmid, J. Krumbholtz & F. Wysotski (Eds), *Proceedings of the first European workshop on cognitive modeling*. Berlin: Technische Universität Berlin.
28. Just, M. A., & Carpenter, P.A. (1992). A capacity theory of comprehension: individual differences in working memory. **Psychological Review**, 99, 122-149.
29. Kellogg, R.T., (2001). Long-term working memory in text production. **Memory & Cognition**, 29, 43-52.
30. Kintsch, W., Patel, V.L., & Ericsson, K.A. (1999). The role of long-term working memory in text comprehension. **Psychologia**, 42, 186-198.
31. Kintsch, W., & van Dijk, T.A. (1978). Towards a model of text comprehension and production. **Psychological Review**, 85, 363-394.
32. Kintsch, W. (1998). **Comprehension : A paradigm for cognition**. Cambridge: University Press.
33. Kintsch, W., Welsch, D., Schmalhofer, F., & Zimny, S. (1990). Sentence memory: A theoretical analysis. **Journal of Memory and Language**, 29, 133-159.
34. McKoon, G., Gerrig, R. J., & Greene, S.B. (1996). Pronoun resolution without pronouns: Some consequences of memory based text processing. **Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition**, 22, 919-932.
35. Montoya, S., Baccino, T., & Denhière, G. (1998). **The effect of referent accessibility processing: Evidence from eye movement recordings**. Spoken Paper presented at the eighth annual meeting of the society for text and discourse, July 29-31, Wisconsin-Madison.
36. Myers, J.L., & O'Brien, E; J. (1998). Accessing discourse representation during reading. **Discourse Processes**, 26(2&3), pp. 131-157.
37. Nelson, D.L., McKinney V. M., & Gee N.R. (1998). Interpreting influence of implicitly activated memories on recall and recognition. **Psychological Review**, 105(2), 299-324.
38. Newell, A., & Simon, H.A. (1972). **Human problem solving**. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
39. O'Brien, E.J., Plewes, S., & Albrecht, J.E. (1990). Antecedent retrieval processes. **Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition**, 12, 346-352.
40. van Dijk, T.A., & Kintsch, W. (1983). **Strategies of Discourse Comprehension**. New York: Academic Press.
41. Vicente, K.J., & Wang, J. H. (1998). An ecological theory of expertise effects in memory recall. **Psychological Review**, 105, 33-57.
42. Williamson, A., & Valentine, E. (2002). The role of retrieval structure in memorizing music. **Cognitive Psychology**, 44, 1-32.
- Zimny, S.T. (1987). **Recognition Memory for Sentence from a Discourse**. Doctoral Dissertation, University of Colorado at Boulder.

А.П. Василевич

«КАКИМ МНЕ СЛОВОМ ОПИСАТЬ ТВОЮ ПЛЕНИТЕЛЬНУЮ СТАТЬ?»

Стройная фигура, плотный мужчина, сутулый старик... В каждом языке есть группа слов, описывающих телосложение. В русском языке в этой роли чаще всего выступают прилагательные, характеризующие фигуру человека в целом (*полный, худой, сухощавый, коренастый* и т.п.), а не передающие какие-то частные признаки (*приземистый, короткопалый, круглолицый, курносый* и т.д.).

Первая задача состоит в том, чтобы определить состав этой тематической группы, т.е. создать своего рода словарь терминов, описывающих фигуру человека.

При традиционном подходе к изучению конкретной семантики основным источником часто выступает толковый словарь. Данные хорошего толкового словаря отражают языковой стандарт и потому, на наш взгляд, не должны значительно расходиться с представлениями «наивных» носителей языка.

Опираясь на собственный языковой опыт, мы выписали два десятка слов, принадлежность которых к исследуемой группе не вызвала сомнений (*худой, полный, плотный, сутулый, сухощавый*). Дальнейшая процедура отбора была основана на использовании словарных толкований. Каждое из слов предварительного списка служило отправной точкой анализа. Рассмотрим, например, слово *худой*. Выпишем его толкования из нескольких словарей русского языка:

- имеющий тонкое, сухощавое тело, тощий [6];
- тощий, не упитанный [5];
- худ телом, худощавый, сухощавый, поджарый, бледный, хилый, болезненный на вид, опалый [4] и т.д.

Легко убедиться, что среди слов, приводимых в толкованиях через запятую, не все являются описаниями телосложения (ср. *бледный, болезненный*). Применяя аналогичную процедуру анализа к словам *тощий* и *сухощавый*, пополняем словник лексемой *сухопарый*; а слово *хилый* добавляет в него цепочку (*тщедушный, щуплый, хрупкий, хлипкий*).

Последовательно проведя те же операции со всеми словами предварительного списка, мы нашли в словарях в общей сложности 46 прилагательных, которые используются в современном русском языке для описания фигуры.

Более сложной была *вторая задача* – уточнить значение слов, описывающих фигуру.

О семантической структуре описываемого множества прилагательных можно составить определенное представление, внимательно изучив толкования слов в словарях. Если *худой* толкуется как *худощавый*, то ясно, что оба слова близки по значению. Известно, что примеры употребления слов в словарях обычно подбираются так, чтобы толкуемое слово стояло в интерпретирующем его значении контексте. (Ср. ПЛОТНЫЙ: ... тело у него было крепкое, плотное, словно литое; СУХОЩАВЫЙ: ... невысок ростом, на вид сухощав и жилист и т.д.).

В одной из наших работ мы предложили способ оценить числом степень близости слов по значению на основе анализа словарных толкований [3]. В результате множество из 46 слов было поделено на несколько подгрупп, включающих близкие по значению слова:

- {*худой, худощавый, тощий, поджарый* и др.};
- {*крепкий, здоровый, коренастый* и др.};
- {*статный, стройный, ладный* и др.} и т.д.

Следующим этапом исследования было выявление соответствия полученной классификации структуре нашей тематической группы в представлении реальных носителей русского языка. С этой целью было проведено экспериментальное исследование, в котором, кроме слов, испытуемым предъявлялись реальные изображения фигур.

Наш набор из 46 слов – это, как мы полагаем, весь лексический арсенал, которым располагает русский язык для называния фигур. Что касается самих фигур, то их разнообразие практически бесконечно. Однако антропологам удалось выделить ограниченное число типов телосложения. (Мы взяли за основу классификацию В.П. Чтецова и соавторов).

Углы треугольника соответствуют трем основным типам человеческой фигуры Б – «брюшной» (полный, с существенными жировыми отложениями по всему телу)¹; Г – «грудной» (худой, астенический) и М – мускульный (атлетический). Все остальные фигуры плавно переходят от одного типа к другому, оставляя зону Н – «неопределенный» для фигур, равноудаленных от основных типов. Выбрав из каждой зоны по 3–4 фигуры, мы получаем представительный набор существующих типов фигур, с которым и намерены сопоставить имеющиеся в языке слова.

В эксперименте сопоставлялся набор из 30 контурных изображений мужских и женских силуэтов, выполненных анфас и представляющих все зоны, и набор упомянутых выше 46 прилагательных. Изображениям силуэтов были присвоены произвольные номера.

Испытуемые. Участвовало 29 взрослых информантов обоего пола.

Процедура эксперимента и методика обработки результатов. Рисунки выкладывались перед испытуемым в три ряда. Далее ему давали набор карточек со словами. Необходимо было сопоставить каждое слово с одной (или 2–3) фигурами на рисунках – в зависимости от того, как данный носитель языка понимал значение слова. Далее он поочередно брал напечатанные на карточках слова-стимулы и называл номера силуэтов, которые могут быть «описаны данным словом». Например: «худой приложимо к фигурам 2, 10 и 30; нескладный – 5 и 27» и т.д.

Протокол ответов испытуемого выглядел примерно так:

ХУДОЙ – 2, 10, 30; СУХОЩАВЫЙ – 2, 3, 23; ХРУПКИЙ – 23, 30 (комментарий: «слово приложимо только к женским фигурам»²); ЛАДНЫЙ – 14; ДОРОДНЫЙ – X (отказ; «плохо представляю себе, что это значит») и т.д.

Индивидуальные протоколы были сведены в итоговую матрицу, где для каждого слова отмечалась частота связи с той или иной фигурой (в % от общего числа ответов). Фрагмент этой матрицы приведен в таблице 1 (сумма данных по строке составляет 100%).

Как можно интерпретировать данные таблицы 1? Ни в одном случае не выявилась жесткая однозначная связь между словом и каким-либо одним из предъявленных силуэтов. Это может быть следствием разных причин. Но для нас принципиально важно другое. Распределение суждений (строку таблицы) можно рассматривать как отражение денотативной отнесенности слова в представлении совокупности наивных носителей языка. Информацию о слове *худой* (строка 1) можно, например, представить в таком виде: «худой – это заведомо не силуэты 1, 3...; скорее всего, это мужская фигура, представленная силуэтом 2, или женская (силуэт 30) – на эту связь указывают почти 2/3 опрошенных. Однако в определенной степени это могут быть и фигуры 6...».

Конечно, располагая информацией в такой форме, было бы затруднительно проводить последующий сопоставительный анализ. Мы применили свою методику оценки близости слов по денотативной отнесенности исходя из численной оценки близости их распределений [2]. Покажем, например, из чего складывается показатель близости слов *ху-*

Таблица 1

Фрагмент итоговой матрицы ответов

№	Слово-стимул	№ с и л у э т о в							
		1	2	3	...	20	21	...	30
1	худой	–	29	–		6	1		33
2	худощавый	–	22	–		10	–		19
3	хилый	–	17	–		2	–		8
...									
6	крепкий	21	1	4		1	13		3
...									
46	ладный	12	–	–		–	14		26

¹ Некоторые авторы применительно к женским фигурам именуют этот тип «рубенсовским».

² Заметим, что на это ограничение указывали многие информанты. Наоборот, слова *кряжистый*, *дюжий*, *поджарый* прилагались только к мужским фигурам. В словарях подобные ограничения на сочетаемость обычно не отмечаются.

дой и худощавый. Сопоставляя распределения оценок в строках 1 и 2 таблицы 2, мы обнаруживаем, что эти слова имеют 22 общих оценки для силуэта 2; 6 общих оценок для силуэта 20; 19 общих оценок для силуэта 30 и т.д. Если сложить все совпадающие оценки ($22 + 6 + 19 + \dots$), мы получим показатель = 82.

Заметим, что при полном совпадении распределений показатель близости был бы равен 100; таким образом, полученная нами величина близости в паре *худой – худощавый* достаточно близка к максимальной. Аналогично можно получить оценку близости пар *худой – сухопарый* = 78; *хилый – тщедушный* = 74; *хилый – крепкий* = 17 и т.д.

Попарно сопоставив распределения всех 46 слов набора, мы заполнили соответствующую матрицу 46 x 46. А затем распределили слова по группам так, чтобы в одной группе оказались слова с высоким показателем близости. Все множество мы разделили на 8 групп слов. Результат этого деления представлен в таблице 2.

Если считать, что внутри каждой группы слова практически не различаются по значению (напоминаем: по представлению рядовых носителей русского языка), то следует заключить, что для русской языковой картины мира существенно выделение всего восьми типов фигур и для называния каждого из них в языке имеется целая группа синонимов.

Обратимся к словарным данным, о которых говорилось в начале статьи.

Отметим, что при толковании слов и в особенности в цитируемых примерах из литературных источников, кроме синонимического подхода (*худой* = худощавый, сухощавый), часто привлекаются и слова, не описывающие собственно форму, но сообщающие некоторую дополнительную специфическую информацию о толкуемом слове (ср. *болезненный, бледный, жалкий, большой, красивый*) или же описывающие не телосложение в целом, а отдельные части тела (*длинноногий, широкоплечий, с впалой грудью*). Большинство этих слов употреблены спонтанно, но некоторые из них явно связаны с основным значением и могут рассматриваться как *признаки* основного слова. В опыте носителя языка заложены какие-то (иногда довольно жесткие) связи между характером телосложения и сопутствующими признаками: крепкий, кряжистый человек одновременно чаще всего бывает сильным, мускулистым; стройный, статный в нашей культуре – человек достаточно высокого роста и т.д. Забавной иллюстрацией взаимосвязи деталей фигуры может служить описание облика Ивана Грозного в памятнике XVII в.: «Царь Иванъ образомъ нелЪпымъ, очи имЪя сЪры, носъ протягновенъ и покляпъ; плещи имЪя высоки, груди широки, мышцы толсты».

Приведем список выделенных нами значимых «сопутствующих» признаков, которые в той или иной мере также уточняют семантическое поле каждого термина:

худой: болезненный, высокий, низкий, маленький, втянутые бока, втянутый живот,

Таблица 2

Семантические поля анализируемых слов

№ группы	Ведущее слово	Состав группы
1	ХУДОЙ	худой, худощавый, сухощавый, тощий, поджарый, сухопарый, жилистый
2	ХИЛЫЙ	хилый, тщедушный, щуплый, хлипкий, хрупкий, жидкий
3	СТАТНЫЙ	статный, хорошего телосложения, стройный, ладный, пропорционального телосложения
4	ПОЛНЫЙ	полный, толстый, тучный, жирный, дородный, грузный, пухлый, дебелый
5	КРЕПКИЙ	крепкий, здоровый, коренастый, плотный, кряжистый, дюжий
6	СУТУЛЫЙ	сутулый, сгорбленный, согбенный
7	ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ	представительный, видный, солидный, осанистый, внушительный, импозантный
8	НЕСКЛАДНЫЙ	нескладный, неуклюжий, несоразмерный, несуразный, мешковатый

длинные ноги, узкие бедра, узкая грудь, длинный нос, нос крючком;

хилый: слабый, болезненный, низкий, маленький, некрасивый, узкие плечи, узкое лицо, бледное лицо, большие глаза, узкая грудь, впалая грудь, узкие плечи, длинные ноги;

статный: красивый, высокий, впечатляющий, сильный, высокий лоб, большие глаза;

полный: упитанный, крупный, высокий, некрасивый, задастый, пузатый, грудастый, широкобедрый, толстые ноги;

крепкий: сильный, упитанный, крупный, низкий, широкие плечи;

представительный: впечатляющий, красивый, крупный, упитанный, высокий;

неловкий: некрасивый;

сутулый: маленький, не упитанный, слабый, некрасивый, согнутая спина, приподнятые плечи, выдвинутая вперед шея, спина с горбом, кривое лицо, горбоносый, покатые плечи.

Следующая задача состояла в установлении параметров структуры того фрагмента действительности, который отображен в языке полученным нами набором слов. Другими словами, мы попытаемся выяснить, как типизировано множество фигур в восприятии носителей языка.

Эта проблема рассматривалась в некоторых наших предыдущих работах [1–3]. В них в качестве стимулов использовались те же 30 изображений, представляющих различные типы фигур, и тот же набор из 46 слов, и нам надо лишь суммировать полученные там результаты. Была применена процедура эксперимента по свободной классификации. Многомерный анализ данных, полученных при такой процедуре, позволяет построить пространство признаков, в которых описывается множество объектов. Основные итоги проведенных исследований:

1. В восприятии людей все пространство возможных фигур исчерпывающе описывается двухмерным пространством по двум факторам: ПОЛНОТА и ПРИЯТНОСТЬ. Другими словами, при восприятии носители русского языка оценивают человеческие фигуры прежде всего по двум шкалам: «худой – полный» и «красивый – некрасивый».

Разделим пунктирной линией пространство фигур на 9 равных по площади зон (зона 1 – худые и красивые; зона 2 – средней полноты и красивые; зона 9 – полные и некрасивые и т.д.). Фигуры заполняют все про-

странство за исключением зоны 3 (полные и красивые; в русской аудитории такое сочетание, видимо, неправомерно).

Верхний конец шкалы «красивый – некрасивый» задает группа силуэтов 1, 9, 14, 18, 27, а нижний – 10, 11, 12, 22. Характерно, что все упомянутые фигуры занимают срединную позицию по другой шкале. Почти аналогичная картина и для шкалы «худой – полный». Здесь также легко выделяются группы крайних значений. С другой стороны, выделяется группа фигур, которая занимает срединную позицию по обеим шкалам сразу: 5, 15, 16, 17, 23, 25.

Исследуем, как соотносятся с типами фигур отдельные слова нашего списка. Очевидно, что общий смысл всех слов также выводится из двух основных параметров: «худой – полный» и «красивый – некрасивый». Оказывается, что слова группы «стройный, пропорционального сложения» тесно связаны с зоной 1 (худой + красивый), причем адресуются преимущественно женским фигурам (ведь в зоне 1 разместились всего одна фигура – женская). Для мужчин «красивой» считается фигура зоны 2 (красивый + средней упитанности), а называется она словами группы «коренастый, кряжистый, крепкий». Продолжая этот анализ, можно найти и другие соответствия (группа «худой, худощавый, сухопарый» связывается с силуэтами зоны 4; все некрасивые фигуры собраны в зонах 7, 8 и 9, причем с зоной 7 (худые + некрасивые) ассоциируются слова группы «хлипкий, хилый», с зоной 8 (некрасивые и более упитанные) – слова *жирный, дебелый, тучный*. Эти слова входят в группу «полный, толстый»; остальные слова этой группы просто характеризуют полную фигуру без эмоциональной оценки (зона 6). Последний пример показывает, как можно с помощью того же рисунка описать различия отдельных слов внутри группы. Другой пример: *худощавый, сухопарый, худощавый* содержат элемент отрицательной оценки фигуры – по сравнению со словом *худой*.

2. Отмечается богатая синонимия имен для крайних значений выделенных параметров и практически полное отсутствие названий для «средних» фигур.

Еще Аристотель отмечал, что для того, «кто стоит в середине, трудно подобрать имя». Хотя его рассуждения носили чисто фило-

софский характер, их смысл релевантен и для лингвистики. Как только возникает задача описать языковыми средствами множество объектов, которые можно упорядочить по каким-то признакам, оказывается, что язык почти всегда располагает богатой синонимией для описания объектов, имеющих крайние значения признаков, и обычно скуден при описании «серединных» объектов [1]. Обычное, «нормальное», «среднее» как бы игнорируется лексикой.

Как это преломилось в данных нашего эксперимента? В подавляющем числе случаев каждое слово имело выраженную доминанту (силуэт, с которым его связывало много информантов). В некоторых случаях можно говорить о двух доминантах, или о субдоминантах. Например, слово *нескладный* в 54% случаев связывалось с «некрасивыми» фигурами и в 28% – с «толстыми». Аналогично у слова *солидный* 42% оценок приходится на смысл «полный» и 40% – на смысл «красивый». Нам не удалось найти НИ ОДНОГО слова без доминант, и ни в одном случае в качестве доминант не выступали «серединные» фигуры.

Носителю русского языка действительно трудно определить словами фигуру, которая ни «полная», ни «худая», ни «плотная», ни «хлипкая», ни «стройная», ни «сутулая»...

3. Выявлена национально-культурная специфика в описании фигуры человека. Проанализированные слова дают некоторое представление о языковой картине мира в области называния фигуры у носителей русского языка.

Описанный выше цикл экспериментов был повторен нами на материале еще 9 языков, типологически отличных от русского: английском, французском, узбекском, таджикском, сербо-хорватском, арабском, манинка (Мали), венгерском и болгарском. Полагаем, что такое языковое разнообразие делает случайные совпадения результатов маловероятными. Во всех случаях мы

предварительно формировали достаточно полный набор слов, описывающих телосложение, а затем проводили опрос носителей данного языка с использованием того же набора из 30 силуэтов.

Прежде всего следует сказать, что общая картина оказалась практически идентичной. В представлении всех групп информантов фигуры исчерпывающе описывались в виде двухмерного пространства с теми же двумя осями «худой – полный» и «красивый – некрасивый». Сходным был даже объем словарика (в пределах 40–60 слов), а число групп составляло каждый раз 5 или 6. Аналогично русскому, в исследованных языках также не нашлось слов, естественно ассоциирующихся со «средней» фигурой. В целом сходство в области называния фигуры резко контрастирует, например, с областью лексики цветоноазывания, где ни о какой универсальности языковой картины мира речи быть не может [2].

Тем не менее в отдельных языках были обнаружены и свои особенности. Так, в арабской и африканской аудитории выявился разный подход к оценке красоты фигуры у женщин и у мужчин: красивая женская фигура – худая (что соответствует и европейским представлениям), а красивая мужская фигура – полная. Это несколько не соответствует европейскому стандарту красоты фигуры. Английский язык – единственный, в котором есть слово для зоны 3 («толстый + приятный»). Мы имеем в виду *boxom*, приложимое только к женской фигуре и соответствующее русскому *пышечка*. Вообще удалось выявить ряд слов, имеющих уникальный (только для данного языка) набор признаков. Например, не имеют смысловых аналогов в других языках русск. *поджарый* (худой + атлетический + приятный), *хрупкая* (худая, нежная, приятная), франц. *chetif* (худой + неприятный) и т.д. Перевод таких слов на иностранный язык требует обычно пространного объяснения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. – М., 1988.
2. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. – М., 1987.
3. Василевич А.П. Опыт исследования семантического сходства на основе словарных толкований и дефиниций // Речь, восприятие и семантика. – М., 1988.
4. Василевич А.П. Существуют ли лексические средства для описания «средней» фигуры: сопоставительный экспериментальный анализ // Сьпоставително езикознание. – Т. XVIII. – 1993. №3–4.
5. Vasilevich A.P. Can we find a word to designate an “average” human figure? // Soviet contribution to some topical linguistic issues. Moscow, 1990.
6. Василевич А.П. Вопросы методики психолингвистического эксперимента. – М., 1988. Рукопись деп. в ИНИОН, №36666.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. – М., 1956.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 10-е изд. – М., 1973.
9. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. – М.; Л., 1950–1965.

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И ТЕКСТ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

24–26 октября 2003 г. в Звенигороде прошла Всероссийская конференция «Языковое сознание и текст: теоретические и прикладные аспекты», посвященная памяти доктора филологических наук, профессора, заведующего отделом прикладной лингвистики Института языкознания РАН Анатолия Ивановича Новикова.

С памятным словом об А.И. Новикове выступила доктор филологических наук, профессор А.В. Суперанская.

Первая часть пленарного заседания была посвящена докладам психологов, философов, психолингвистов и лингвистов о сущности и структуре языкового сознания. Свои представления о структуре речемыслительной деятельности и роли в ее исследовании понятия «языковое сознание» изложила Т.Н. Ушакова (Москва). Специфику антропологического подхода к изучению языкового сознания акцентировал А.Н. Портнов (Иваново); гипотезу о двух режимах языкового сознания высказал Ю.Н. Караулов (Москва); о духовном слое сознания говорили Е.Ф. Тарасов (Москва), И.А. Стернин (Воронеж) представил понятие «коммуникативное сознание»; вопросы понимания и интерпретации обсуждались в докладе А.А. Залевской (Тверь).

Вторая часть пленарного заседания была посвящена лингвистическим и общеобразовательным исследованиям. О переводе как вторичном тексте рассказала Н.М. Нестерова (Пермь); А.В. Суперанская (Москва) описала основания патронимики; проект государственного образовательного стандарта «Компьютерная лингвистики и семиотика» представили Ю.Н. Филиппович и А.Ю. Филиппович (Москва); проблема языка ситуативного представления текста решалась в докладе Н.Н. Леонтьевой (Москва).

Секционные заседания, в работе которых принимали участие и видные ученые, и большое количество аспирантов, проходили в ат-

Группа участников конференции

мосфере настоящей заинтересованности поставленными научными проблемами, горячим и плодотворным обсуждением актуальных вопросов лингвистики и психолингвистики. Большой интерес вызвал доклад Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцевой, представивших хорошо аргументированные модели межкультурной адаптации художественного текста. Новые возможности прикладного использования психолингвистических знаний – возможности использования ассоциативного эксперимента как инструмента обнаружения и коррекции этнической напряженности – продемонстрировали В.А. Пищальникова, И.В. Рогозина, К.М. Рогозин. Особую методику диагностики эмоциональной напряженности на основе известной в психолингвистике модели концепта В.А. Пищальниковой показала Е.В. Лукашевич. Формирование специфического фрагмента картины мира описали на примере ассоциативного словаря школьников В.Е. Гольдин, А.О. Мартьянов, А.П. Сдобнова. Как интересные и перспективные исследования были восприняты сообщения молодых ученых О.В. Балясниковой «Чужой» и «посторонний» в языковом сознании русских» и Е.С. Ощепковой о возможности установления характеристик личности автора по тексту.

Материалы конференции будут опубликованы.

Н.В. Уфимцева, Н.В. Васильева

ПЕРВЫЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ О.Н. СЕЛИВЕРСТОВОЙ

17 октября 2003 г. Институт языкознания РАН, Московский лингвистический институт и Московский городской педагогический университет провели первые международные чтения, посвященные памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Николаевны Селиверстовой.

С приветственным словом к участникам чтений обратился Л.М. Терентий – ректор Московского лингвистического института.

На пленарном заседании выступила Г.А. Золотова с докладом о теоретических ресурсах локативных конструкций, В.А. Плунгян, сообщивший о синонимии пространствен-

ных предлогов, Е.В. Рахилина, представившая некоторые основания наивной типологии «контейнер и содержимое» в русском языке, Дени Пайар (Франция), рассказавший о значении предлога «за», Г.Е. Крейдлин, обосновавший возможность выделения невербальных гендерных стереотипов как культурно-универсальных и культурно-специфических образований.

Готовится к изданию сборник статей, посвященный памяти О.Н. Селиверстовой.

О.А. Сулейманова

Открытие первых чтений,
посвященных памяти О.Н. Селиверстовой

Пленарное заседание конференции.
Выступает французский исследователь
Дени Пайар

Пленарное заседание. Слово
об Ольге Николаевне Селиверстовой
произносит доктор филологических наук,
профессор Ольга Александровна Смирницкая

Заседание секции «Концептуализация
пространственных отношений
в естественном языке». Выступление доктора
филологических наук, профессора
Маляр Татьяны Николаевны

Т.Ю. Сазонова

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ СЛОВА ЧЕЛОВЕКОМ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД.

- Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2000. - 134 с. - Библиогр.: с. 97-113.

В монографии аргументируется необходимость интегративного подхода к решению проблемы значения слова и поиска его в ментальном лексиконе человека. Автор указывает, что исследование процессов идентификации слова как достояния индивида предполагает моделирование операций, обеспечивающих восприятие слова, его поиск в памяти и решение ряда когнитивных задач. Наиболее влиятельные модели распознавания слова, поиска его значения в ментальном лексиконе созданы в рамках американской психолингвистики и построены для английского языка, а многие современные психолингвистические теории не верифицированы для языков, структура которых значительно отличается от английской. Типологические свойства русского языка как материала исследования и специфическая лингво-психологическая база отечественной лингвистики позволяют разработать не только формальные, механистические, характерные для американской психолингвистики, но и содержательные теории. Поскольку в современной отечественной психолингвистике широко представлен интерактивный подход к лексикону и принципам его функционирования, предлагается принцип объединения различных интерактивных моделей – интеракция различных концептуальных знаний и информации о форме стимула при поиске значения слова в памяти. При этом делается предположение, что при семантической интерпретации происходит параллельная обработка сигнала на всех уровнях семантической структуры, а результаты обработки одного уровня являются доступными для всех других уровней и могут служить опорой для активации полной ментальной репрезентации. Теоретической базой для интерпретации ре-

зультатов служит предложенная А.А. Залевской спиралевидная модель восприятия слова. Согласно данной модели, слово обеспечивает доступ к единой перцептивно-когнитивно-аффективной информационной базе человека (памяти), которая формируется по законам психической деятельности, но под контролем выработанных в обществе норм и оценок. То, что идентифицируется человеком как слово в единстве его формы и значения, оказывается точкой пересечения множества разнообразных связей по линиям многогранного опыта человека, благодаря чему учитываются языковые и энциклопедические знания, личностно переживаемые и преломляемые социальными отношениями.

В первой главе автор анализирует различные теоретические подходы к проблемам моделирования процессов идентификации слова. Отмечается, что ранние исследования в этой области касались преимущественно базовых (элементарных) единиц чтения или звучащей речи и основывались, как правило, на данных о природе перцептивных процессов и единиц. Большей частью исследования проводились с позиций психологии восприятия. В последнее время в решении проблемы утвердился когнитивный подход. Он, во-первых, предполагает создание интегративной теории восприятия, объясняющей взаимодействие концептуальных и перцептивных механизмов в процессе речемыслительной деятельности индивида, а во-вторых, осуществляется с учетом того, что динамические процессы, участвующие в распознавании слова, оперируют на базе ментального лексикона. Отмечается специфика употребления термина идентификация слова. В зарубежной когнитивной психологии и психолингвистике под ним понимается процесс

распознавания (часто только перцептивного) визуального стимула. Т.Ю. Сазонова вслед за А.А. Залевской трактует этот термин более широко. Под идентификацией слова понимается не только актуальное переживание лексического значения слова, но и субъективное переживание готовности оперировать более широкой совокупностью продуктов предшествующего опыта, связанного со словом в единой информационной базе человека, в его информационном тезаурусе. При моделировании процесса идентификации слова условно разграничиваются доступ к слову, узнавание слова, идентификация слова.

Анализируя различные теории восприятия слова, Т.Ю. Сазонова вычленяет положения, важные для осуществления ее собственных теоретико-экспериментальных построений. Так, отмечая наличие нескольких теорий восприятия – конструктивного восприятия, прямого восприятия и других, – автор отмечает, что последняя не интегрирует процессы восприятия и структуры знания. На деле же, что доказывается экспериментально, имеет место взаимодействие процессов и результатов идентификации слова. Современная психология восприятия характеризуется синтезом экологической и когнитивной парадигм, которые в своей классической форме фиксируют полярные позиции, но на деле являются взаимодополнительными. В 80-е гг. акцент исследования идентификации слова смещается с изучения процессов получения информации на процессы ее организации и использования. Введение понятий схема, сценарий, план, когнитивная карта и других как особых когнитивных образований, способных интегрировать информацию в разные моменты времени и репрезентировать наблюдателю пространственно-временные отношения среды, позволило рассматривать восприятие как непрерывный циклический процесс, включающий антиципацию получаемой информации, ее выделение, организацию и осуществление любой активности субъекта, способствующей получению новой информации. Логичны с этих позиций отказ от трактовки единицы восприятия как постоянной величины и вывод о формировании единицы в результате активной деятельности по анализу и структурированию поступающей информации, к которым приходят многие исследователи

и которые разделяет автор монографии. Другие важные исходные моменты теоретического исследования: при восприятии малознакомых и незнакомых слов увеличивается опора на элементы и восприятие слова как целостного образования; признаки целостности у слов свидетельствуют о том, что слова могут восприниматься целиком, как гештальты; объясняется это наличием в памяти перцептивных эталонов, в случае отсутствия которых доминирует стратегия восприятия слова по элементам, а испытуемые подключают для идентификации иные перцептивные базы; звуковые коды также участвуют в процессе идентификации написанного слова; мозг человека организован как по структурному, так и по голографическому принципу; при поражении мозга может осуществляться независимый доступ к фонетической, орфографической, семантической или синтаксической информации; процесс переработки сенсорных сигналов сопровождается их многократными преобразованиями и перекодированием на всех уровнях сенсорной системы; оперативная память работает на основе слуховых кодов, даже если код обнаруженной информации другой, например зрительный.

Необходимым условием достоверности психолингвистического исследования идентификации слова Т.Ю. Сазонова считает последовательный учет закономерностей психической деятельности человека в целом и речевой деятельности в частности.

Моделирование процессов функционирования слова в лексиконе человека предполагает изучение внутренней структуры ментального лексикона, отдельные вхождения в котором объединены различными типами связей и содержат всю информацию о словах, которой владеет носитель языка. Моделированию подлежит комплекс многоступенчатых процессов, протекающих на разных уровнях осознания при взаимодействии продуктов переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта.

С целью выявления стратегий и опорных элементов, используемых носителем языка при идентификации нового слова, автор монографии провела экспериментальное исследование прилагательных-неологизмов. Прилагательные отбирались из словаря-справочника «Новое в русской лексике» по принципу разнообра-

зия представленных в прилагательных словообразовательных моделей. Среди предложенных стимулов были не только абсолютные неологизмы, но и относительные (слова, известные ранее только в диалектах или ставшие употребительными недавно). Экспериментальное исследование выявило две основные стратегии идентификации прилагательных в зависимости от характера опоры, мотивировавшей идентификацию стимула: стратегию опоры на формальные мотивирующие элементы и стратегию опоры на ситуацию. Они реализуются в следующих моделях идентификации: опознание мотивирующего слова и/или основы стимула, опознание словообразовательной модели стимула, приписывание признака его потенциальному носителю, прямая дефиниция значения стимула, конкретизация стимула через синоним/симиляр, реакция по сходству звуко-буквенного комплекса, прагматическое осмысление, реакция координированным членом категории, отказ от реакции. Перечисленные стратегии выделялись на основании установления связи между стимулом и реакцией при учете всего интегративного поля стимула, полученного от коллективного информанта. Эксперимент позволил сделать следующие выводы.

Исследование идентификации психологической структуры значения слова предполагает изучение процессов и формирующихся в этих процессах ментальных репрезентаций, их взаимозависимость и взаимообусловленность. Доступ слова при этом может трактоваться как интерактивный процесс, объединяющий информацию разных уровней переработки и учитывающий активность и пристрастность познания субъекта.

Все перечисленные факторы можно учесть лишь в том случае, если признать стратегическую природу когнитивных процессов переработки информации человеком. Стратегии идентификации слова осуществ-

ляются на разных уровнях осознания. В результате функционирования различных стратегий в памяти индивида конструируется ментальная репрезентация воспринимаемого сообщения. В ней принимает участие не только текущая информация, но и вся информационная база человека.

Стратегический подход позволяет в определенной мере преодолеть противоречия в анализе автоматических и контролируемых процессов обработки информации. Автоматическая активация некоторых элементов памяти может инициировать ответную реакцию, которая тоже будет направлять дальнейшую обработку. При этом контролируемым поиском станет любая более или менее новая последовательность преобразований информации, достаточно гибкая, чтобы изменяться и приспосабливаться к новым обстоятельствам. Возможность появления в ходе формирования высших психических процессов форм внутреннего контроля, относительно автономных от интенциональных актов сознательного управления, учитывается в современных когнитивных моделях обработки информации. Стратегические модели позволяют объяснить, как в рамках внутреннего когнитивного контекста человек интегрирует и организует новую информацию, заполняет пробелы в случае поступления новой или искаженной информации, осуществляет доступ к конкретным аспектам вербальной информации.

Слово как средство экспликации неосознаваемых процессов идентификации слова позволяет проследить многообразие опорных элементов и стратегий, которые обеспечивают доступ к хранящимся в памяти человека языковым и энциклопедическим знаниям и субъективным переживаниям.

В заключении резюмируются результаты исследования.

В.А. Пищальникова

ABSTRACTS OF ARTICLES

Ilya Gorelov

The verbal and non verbal components of behaviour

The overwhelming majority of speech therapists do not know the principles of the brain speech centre functioning, or the character of localization of lexicon and grammar in the cortex. The author proves the hypothesis: articulation is the external means of conceptual abstract thinking and a means of translating it on the communicative level.

Vera Pishchalnikova

Language consciousness: the recognized and the debatable

Based on the materials of the 13th international symposium in psycholinguistics and communication theory. The article outlines the typical issues of contemporary psycholinguistics and characterizes the state of scientific paradigm in psycholinguistics.

Alexandra Zalevskaya

Language and the consciousness mind: in search of a fundamental theory

Is language «the mind's eye»? Is it only one of various effective «triggers» of cooperative products of perception, cognition and evaluation? Do mind and body interact in order to help language to mean something? Do new popular terms really reflect new approaches to current problems of psycholinguistics? To answer such questions we are badly in need for a fundamental integrative theory and a new research methodology.

Natalya Zolotova

The core of mental lexicon: the functional role in cognition and communication

The elements of the core of mental lexicon are viewed as units, functionally suffice to be the means of access to the world image, the necessary background for human understanding. The statement of understanding through the core elements of mental lexicon is actually metacognitive in its essence. The article deals with the foundation of the metacognitive and metalanguage function of the elements in question.

Alexander Sonin

The general psychological and cognitive mechanisms of comprehending multimedia text

The author addresses the general issues related to the spread of multimedia text, states the cognitive basis of their comprehension, their typology, specifies the peculiarities of processing the heterogeneous components of the text and describes the mechanisms of interaction between them.

Larisa Butakova

The Interpretation of Text: poetics «with a human face», «habitual» consciousness or poetics without «a face» or «consciousness»

The article considers the major postulates of cognitive poetics as a specific complex interpretation of artistic conceptual space.

Anatoly Novikov

The text and the counter-text: two sides of the comprehension process

The author presents a theoretical basis and experimental support of the method of text analysis which enables to study experimentally the process of text comprehension.

Vera Pishchalnikova, Svetlana Nesterenko

The experimental study of the regulating function of font

The font presents an aesthetically significant means of rendering the sense of a printed text.

It is directly perceived by the recipient and it regulates the visual perception and comprehension of the text. The hypothesis is confirmed by a multistage psycholinguistic experiment and the results of the experiment are presented in detail.

Irina Privalova

The culturally marked language units taxonomy issues

The article presents a new approach to culturally marked language units research, which is based on the fact that the results of intercultural communication process manifest ethnocultural peculiarities of language conscience. The new term «language markers of national conscience», which is used for the language embodiments of conscience images, is being introduced. The suggested taxonomy reflects structural, cultural and linguoecological parameters.

Natalya Ufimtseva

Language consciousness as a representation of ethnosociocultural reality

The associative thesaurus is a model of human consciousness, a set of rules for operating the knowledge of a certain culture, which reflects the worldview of the culture. This sign model differs in the way of presenting the images of consciousness from other representations of images.

Yuri Sorokin

Euro-Asian Philosophy and its main postulates

The author presents a number of theoretical concepts which are necessary for the study of Euro-Asian philosophy in the linguocultural aspect.

Cédrick Bellissens & Guy Denhiere

Retrieval from long-term working memory: a skilled use of semantic memory

The purpose of this study was to investigate the view of long-term working memory during reading proposed by Ericsson and Kintsch (1995). It was assumed that readers can readily retrieve the episodic structure of a text from long-term memory via the mediation of reinstated content retrieval cues. A reading interruption procedure was used. The cue sentence was introduced after the interruption but before the reading resumed. The features of the cue sentence were manipulated. The observed sentence reading times after reading resumption, and the number of correct answers to comprehension questions, led us to conclude that (a) encoded information can be readily retrieved from long-term memory upon reading resumption, (b) the retrieval of this information is mediated by cue reinstatement in short-term memory, and (c) retrieval cues can be semantic. These results are consistent with Ericsson and Kintsch's (1995) theory.

Alexander Vasilyevitch

«What words shall I use to describe your wonderful figure?»

The article is aimed at outlining the composition of the thematic group of words used to describe a human figure, at analyzing the structure of this semantic totality and at defining the fragment of reality reflected by this semantic totality.

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

1 • 2003

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Редактор:
Л.И. Базина

Компьютерный дизайн
и подготовка оригинал-макета:
Д. Тырышкин

Подписано к печати 22.12.2003 г. Формат 60x84/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 500 экз. Заказ №510.

Типография Алтайского госуниверситета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66